

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 3 • 2022 • ИЮЛЬ – СЕНТЯБРЬ

Выходит один раз в три месяца

<http://www.vestnik-translation.ru/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-28752 от 04.07.2007

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in 1946

Series 22 TRANSLATION THEORY

№ 3 • 2022 • JULY — SEPTEMBER

Publishing house of Moscow State University

Published once every three months

<http://www.vestnik-translation.ru/>

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor) of the Russian Federation

Certificate of Registration: PI No. FS 77-28752 of 04.07.2007

Founder: Lomonosov Moscow State University

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, академик Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Анри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия); **Балью Кристиан**, доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия);

Бельский Евгений Викторович, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьецци Маурицио**, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия);

Горшкова Вера Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Евразийский лингвистический институт МГЛУ ЕАЛИ (Россия); **Есакова Мария Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Исолахти Нина Борисовна, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия); **Керо Хервилья Энрико Ф.**, доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания);

Кольцова Юлия Николаевна, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Ли-Янке Ханнелоре**, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария);

Манерко Лариса Александровна, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Марусенко Михаил Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия);

Магасов Роман Александрович, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Миронова Надежда Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мишкурлов Эдуард Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Пан КёЁн**, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея);

Торсуков Евгений Георгиевич, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Форстнер Мартин**, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия);

Харацидис Элефтериос Константинович, доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук,

Университет имени Демокрита (Греция); **Хольцер Питер**, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель**, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD:

Nikolai K. Garbovsky, Editor-in-Chief, Academician at the Russian Academy of Education, Professor, Dr Sc (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Olga I. Kostikova, Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Ludmila A. Mozhgovaya, Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Irina S. Alexeeva, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Henri Awaiss**, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon);

Christian Balliu, Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium); **Yevgeniy V. Belsky**, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Elefterios K. Charatsidis, Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Martin Forstner**, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Vera Ye. Gorshkova**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Eurasian Linguistic Institute (Russia);

Nina B. Isoahiti, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Georgiy T. Khukhuni**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia); **Yulia N. Koltsova**, Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Hannelore Lee-Jahnke, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Larisa A. Manerko**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Roman A. Matasov**, Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia);

Mikhail N. Marusenko, Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Nadezhda N. Mironova**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Edward N. Mishkurov, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Pan Yong-Kyo**, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea);

Peter Holzer, Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Enrique F. Quero Gervilla**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain);

Peter A. Schmitt, Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany); **Yevgeniy G. Torsukov**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Maurizio Viezzi, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy); **Maria N. Yesakova**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

Общая теория перевода

- Гу Цзюньлин, Сун Цзяньфэн. Сравнительный анализ исследований переводческих технологий в Китае и России в цифровую эпоху 7

Методология перевода

- Сунь Цюхуа. Исследование двукратного сходства в переводе метафоры 31

Лингвистические аспекты перевода

- Васильева Ю.В. Понятийная особенность перформативных высказываний с глаголом “to suggest” в английской научной речи 55
- Павленко В.Г. Когнитивно-прагматические и семантико-синтаксические характеристики ментального глагола *expect* и его производных (на материале английского языка) 68
- Шапич Ю.Л. О деструктивном влиянии лингвистической интерференции при переводе рассказов А.П. Чехова на сербский язык 78
- Юсупова С.М. Сопоставительный аспект ценности согласия во фразеологии (на материале английского, немецкого и русского языков) 93

Культурологические аспекты перевода

- Цыганская О.Г., Лизенко И.И., Макарова О.С. Интеркультурная коммуникация в северокавказском историко-культурном регионе и её основные этнолингвистические особенности 105

Вопросы терминологии

- Цзюй Юньшэн. Влияние теории советско-российской терминологии на исследование терминологии в Китае. 119

CONTENTS

General Translation Theory

- Gu Junling, Sun Jianfeng.* A comparative analysis of translation technology research in China and Russia in the digital age 7

Translation Methodology

- Sun Qiuhua.* Research into quadratic similarity in metaphor translation 31

Linguistic Aspects of Translation

- Vasilyeva Ju. V.* Notion-related features of the performatives comprising the verb “to suggest” in English academic discourse..... 55
- Pavlenko V.G.* Cognitive-pragmatic and semantic-syntactic characteristics of the mental verb *expect* and its derivatives (in the English language) 68
- Shapich Yu.L.* On the destructive influence of linguistic interference in the translation of Chekhov’s stories into Serbian 78
- Yusupova S.M.* The comparative aspect of the value of consent in phraseology (evidence from the English, German and Russian languages) 93

Culturological Aspects of Translation

- Tsyganskaya O.G., Lizenko I.I., Makarova O.S.* Intercultural communication in the North Caucasus historical and cultural region and its main ethnolinguistic features 105

Terminology Issues

- Ju Yunsheng.* The influence of Soviet and Russian terminology on the present-day Chinese terminology research 119

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-7-30

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В КИТАЕ И РОССИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Гу Цзюньлин, Сун Цзяньфэн

Чжэнчжоуский университет, г. Чжэнчжоу, Китай

Для контактов: 852600325@qq.com, 473045657@qq.com

Аннотация. Наступление цифровой эпохи привело к стремительному развитию переводческих технологий. Сегодня исследования в области машинного перевода являются объектом пристального внимания не только дисциплин, изучающих естественный язык, но и прикладного переводоведения. Статья посвящена исследованиям переводческих технологий в сфере гуманитарных и социальных наук в России и Китае: автор проводит сравнительный анализ научных достижений и динамики развития данной проблематики в работах российских и китайских переводоведов, выявляет в них общие и специфические черты. Так, российские учёные, следуя актуальным тенденциям, с помощью концепции «цифрового перевода», опирающейся на внедрение современных технологий, в частности, автоматизированного перевода (CAT), предлагают новую перспективу развития переводческих технологий. Китайские учёные в свою очередь, основываясь на смене парадигм в переводоведении, демонстрируют новое видение этой науки, выражающееся в понятии «технологического поворота». Таким образом, объединение изучения новых перспектив и нового видения данной проблемы может способствовать дальнейшему более конструктивному совершенствованию переводческих технологий.

Ключевые слова: исследования переводческих технологий, технологический поворот, цифровой перевод, машинный перевод

Благодарность. Данная статья написана при поддержке гранта Фонда общественных наук КНР в 2019 году «Механизм возникновения ошибок перевода» (19FYU022).

Для цитирования: Гу Цзюньлин, Сун Цзяньфэн. Сравнительный анализ исследований переводческих технологий в Китае и России в цифровую эпоху // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022. № 3. С. 7–30. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-7-30

Статья поступила в редакцию 28.02.2022;
одобрена после рецензирования 15.10.2022;
принята к публикации 11.11.2022.

A COMPARATIVE ANALYSIS OF TRANSLATION TECHNOLOGY RESEARCH IN CHINA AND RUSSIA IN THE DIGITAL AGE

Gu Junling, Sun Jianfeng

Zhengzhou University, Zhengzhou, China.

For contacts: 852600325@qq.com, 473045657@qq.com

Abstract. The onset of the digital age has led to the rapid development of translation technology. Nowadays, not only specialists in natural languages but also those in applied translation studies keep a close eye on machine translation research. This article examines research papers on translation technology in the humanities and social studies in Russia and China: based on the papers by Russian and Chinese specialists in translation studies, the author conducts a comparative analysis of the evolution and scientific achievements in this field, reveals their common and unique features. For instance, following current trends, Russian scientists offer a new perspective on the development of translation technology based on the concept of “digital translation” that relies on the introduction of modern technologies, in particular computer-aided translation (CAT). On the other hand, following the idea of a paradigm shift in translation studies, Chinese scientists offer a new scientific approach expressed in the concept of the “technological shift”. Thus, the fusion of the new approach and a new perspective can contribute to further substantial improvement in translation technologies.

Keywords: research on translation technology, technological shift, digital translation, machine translation

Gratitude. This article was written with the support of the 2019 Grant of the Social Science Foundation of the People's Republic of China "The Mechanism of Translation Errors" (19FYYB022).

For citation: *Gu Junling, Sun Jianfeng.* (2022) A comparative analysis of translation technology research in China and Russia in the digital Age. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda.* — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 3. P. 7–30. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-7-30

The article was submitted on February 28.2022;
approved after reviewing on October 15.2022;
accepted for publication on November 11.2022.

Введение

Развитие новых технологий, таких как большие данные и искусственный интеллект, сегодня затрагивает практически все аспекты человеческой жизни. Процесс цифровизации и внедрения цифровых технологий особенно ускорился в связи с началом пандемии коронавируса нового типа COVID-19, породив совершенно новые модели перевода, такие как удалённый устный перевод, онлайн-образование и т.д. В рамках современных тенденций развитие цифровизации представляется как неизбежным выбором для переводческой практики, так и возможностью для новых прорывов в области исследований перевода. Переводческие технологии становятся объектом пристального внимания органов власти и регионов, промышленных, а также академических кругов, при этом последние включают в себя исследователей в области переводоведения, обработки естественного языка, компьютерных технологий и искусственного интеллекта. Китай и Россия в равной степени являются крупными центрами в сфере изучения и развития переводческих технологий; учёные-переводеды обеих стран вслед за современными тенденциями всё больше фокусируются на исследованиях в данной области, добиваясь плодотворных результатов в ходе независимой работы. В этой статье основное внимание уделяется сравнению исследований переводческих технологий в академических сообществах Китая и России. В целях стимулирования научного взаимодействия двух стран автор посредством изучения соответствующих научных работ, включённых в китайскую базу данных CNKI и

российскую электронную библиотеку Elibrary, сопоставляет изменения в направленности публикаций, темы исследований и прочую информацию, а также анализирует сходства и различия в области исследований переводческих технологий.

1. Сравнительный анализ исследований в области переводческих технологий в Китае и России: сходства и различия

Обращение к статьям из ведущих научных периодических изданий, включённых в китайскую базу данных CNKI, показало тенденцию к пропорционально возрастающему объёму публикаций на обозначенную тему в период с начала XXI века, при этом с 2016 года количество работ стремительно увеличивается. При поиске по ключевому слову «переводческие технологии» в базе данных Российской электронной библиотеки Elibrary было обнаружено, что число статей по данной тематике начало возрастать после 2010 года, а особая интенсивность роста объёмов публикаций наблюдается с 2018 года. Это доказывает, что учёные двух стран уделяют всё больше внимания важности исследования переводческих технологий в переводе, а также демонстрирует, что обращение и усиление интереса к данной проблематике в Китае и России приходятся на близкие периоды времени. Что касается тематики публикаций, то работы как китайских, так и российских исследователей, главным образом, посвящены изучению таких областей, как человеко-машинное взаимодействие, обучение переводческим технологиям, влияние переводческих технологий на деятельность переводчика и переводоведение, машинный перевод, а также постредактирование и т.д. Таким образом, в целом можно отметить единство фокуса внимания в академических кругах двух стран на проблематику переводческих технологий. Относительно же обозначенных выше тем исследований можно выделить следующие точки зрения наиболее представительных учёных Китая и России.

1.1. Исследования в области человеко-машинного взаимодействия

Стремительное развитие переводческих технологий в значительной мере повысило эффективность и качество перевода, однако в то же время ослабило доминирующее положение переводчика, что породило неизбежное негативное влияние на субъект, объект и форму организации в нашей речевой и переводческой деятельности. В связи с этим Пань Юйбо прежде всего поднимает

вопрос о том, будет ли перевод, осуществляемый человеком, заменён машинным переводом (潘幼博 / Пань Юйбо, 1990: 19). Ли Янь и др. в своих исследованиях призывают выделять доминирующую позицию и значение «человека» в процессе перевода, а также подчёркивают «гуманитарность» технологий (李彦, 肖维青 / Ли Янь, Сяо Вэйцин, 2018: 5). Ван Юнь и Чжан Чжэн выдвигают метод управления рисками, в котором сочетаются инициатива субъекта и ограничение объекта, решения на основе знания и данных, семиотика и коннекционизм, предлагая таким образом идеи философского осмысления человеко-машинного взаимодействия и оптимизации развития машинного перевода в эпоху цифровизации (王贇, 张政 / Ван Юнь, Чжан Чжэн, 2022: 109). Ли Ханьцзи и Чэнь Хайцин отмечают, что только посредством совместных усилий разработчиков, пользователей и импортёров технологий возможно устранить «когнитивный конфликт» в переводческих технологиях и реализовать благотворное взаимодействие между переводчиком и машиной (李晗佶, 陈海庆 / Ли Ханьцзи, Чэнь Хайцин, 2021: 60). Чжан Чжэн и Ван Юнь в другой своей работе сравнивают различия во взаимоотношениях между людьми и технологиями в традиционной и современной парадигмах переводческих технологий, указывая на то, что взаимодействие между человеком и технологиями демонстрирует две особенности — очеловечивание технологий и технификацию человека (张政, 王贇 / Чжан Чжэн, Ван Юнь, 2020: 145).

Что касается вопроса о том, смогут ли машины заменить человека, большинство российских учёных полагают, что, хотя переводческие технологии совершили в цифровую эпоху новый прорыв, тем не менее во многих областях они всё ещё несовершенны. Так, например, современный аудиовизуальный перевод является и предметом практической деятельности, и в то же время объектом пристального интереса для научных исследований. В частности, возникает вполне закономерный вопрос, способна ли технология ИИ справиться с этой работой, требующей интерпретации «от визуального к вербальному», что в особенности актуально в отношении зрителей с дефектами зрения и слуха. И если доверить её машинному переводу с последующим постредактированием переводчиком, сможет ли машина осуществить необходимую трансформацию статичности в динамику? Исследователи выражают сомнения по этому поводу (Горшкова, 2021: 33). Другим примером может служить «благородный» художественный перевод. Его изучению всегда уделялось большое внимание, при этом со-

временные переводческие технологии пока не могут отвечать предъявляемым к ним высоким требованиям в области эстетики и глубины интерпретации (Куницына, 2021: 42). Синхронный перевод также является важной областью в контексте разработок технологии искусственного интеллекта. Нейросеть, на основе которой выполняется машинный перевод, обладает не только мощной функцией памяти, но и способностью к самообучению, что определяет потенциал её применения в сфере синхронного перевода. Тем не менее множество проблем, возникающих при использовании данной технологии в переводческом процессе, демонстрируют невозможность на сегодняшний день замены человеческого интеллекта искусственным (Шебаршина, 2021: 27). В дополнение к этому существует немало направлений, в которых хотя уже и используются цифровые технологии, однако их применение по-прежнему требует дальнейшей оптимизации. К ним, в частности, относятся нотариальный и юридический виды перевода (Бородина, 2021: 68). К. Ире (2021: 105) в своём исследовании сравнивает интерпретацию профессиональной терминологии и длинных сложноподчинённых предложений на примере сферы строительства системами машинного перевода “Google Translate” и «ПРОМТ» и обнаруживает некомпетентность обеих систем при выполнении данных задач. Путём сравнительного анализа переводческой практики было также выявлено, что машинный перевод не обладает способностью воспринимать контекст, тогда как опытный переводчик посредством контекста осмысляет как сам текст, так и идеи, выходящие за его рамки. Таким образом, с точки зрения передачи семантики исходного текста и использования средств выразительности целевого языка, искусственный интеллект по-прежнему не может заменить профессионального переводчика (Мальнева, 2021: 89).

При этом, несмотря на вышесказанное, российские учёные всё же признают, что технологии ИИ (искусственный интеллект) обладают серьёзными перспективами и потенциалом для дальнейшего развития. Машинный перевод постепенно совершенствуется в некоторых областях, где в настоящее время используются навыки переводчиков-специалистов. Отсюда можно заключить, что развитие интеграции человека и машины является тенденцией будущего. Переводчик и машина в ряде сфер уже сформировали сложную функциональную систему, предъявляющую всё более высокие требования к компетенциям работников в сфере перевода (Устинова, 2021: 16).

1.2. Преподавание в области переводческих технологий

Стремительное развитие переводческих технологий привело к постепенному утверждению важности данного аспекта в подготовке профессиональных кадров в области перевода, а модель «машинный перевод + вспомогательные автоматизированные инструменты + постредактирование» превратилась в повсеместно признанную методику

(徐彬, 郭红梅 / Сюй Бинь, Го Хунмэй, 2015: 71). «Переводческие технологии» указаны в принятом в КНР «Руководстве по преподаванию специальности “перевод” в бакалавриате» в качестве профилирующей дисциплины, а обучение этой дисциплине стало важной составляющей образовательной системы. Тем не менее, нынешнее преподавание перевода в Китае по-прежнему сталкивается с такими проблемами, как слабая осведомлённость преподавателей о переводческих технологиях, отсутствие системы учебных программ, нехватка образовательных ресурсов и профессиональных преподавателей (王华树, 李德凤, 李丽青 / Ван Хуашу, Ли Дэфэн, Ли Лицин, 2018: 76). Таким образом, внедрение курсов по переводческим технологиям в систему традиционного обучения переводу является важной задачей исследований в области дидактики перевода. В качестве способов решения указанных выше проблем китайские учёные называют интенсивное формирование учебных программ по переводческим технологиям, широкое применение образовательных ресурсов массовых онлайн-курсов (МООС), активизацию научных исследований в сфере обучения переводческим технологиям. Кроме того, Ван Сянлин и Ша Лу, изучая данный вопрос на примере обучения автоматизированному переводу (CAT), интегрировали оценочный компонент в четыре этапа учебного процесса: обучение, тренировку, совместную отработку материала, контроль эффективности. Таким образом, исследователи продемонстрировали реализацию модели динамического оценивания в обучении переводческим технологиям и выявили её практическую осуществимость, что может считаться успешным примером внедрения системы оценивания для данной области в целом (王湘玲, 沙璐 / Ван Сянлин, Ша Лу 2021: 58). Цуй Цилян, принимая во внимание текущую ситуацию с устаревшей учебной моделью и нехваткой ресурсов для курсов по переводческим технологиям, в своей работе предлагает принцип построения кейс-ресурсов, который включает в себя проект, моделирование содержания, организацию и управление. При этом, интегрируя практический опыт кейсового обучения, исследователь предлагает метод создания кейс-ресурсов

для преподавания в области переводческих технологий и даёт ряд практических рекомендаций по его применению (崔启亮 / Цуй Цилян, 2021: 60).

Учёные в России также придают большое значение техническим навыкам переводчиков, подчёркивая важность обучения переводческим технологиям. Так, О.А. Артеменко (2008: 54) в своём исследовании рассуждает о современных технологиях формирования переводческой компетенции. А.Ю. Ряховская (2018: 166) рассматривает проблему формирования информационно-технической компетенции будущих переводчиков путём включения современных информационных технологий в образовательный процесс. Она анализирует виды деятельности переводчиков и отмечает значимость навыков поиска и обработки информации, умения пользоваться аппаратными средствами и переводческими сервисными программами. Д.Б. Мирзалиева (2019: 60) изучает проблемы обучения переводчиков, использование информационных технологий при подготовке профессиональных переводческих кадров, задачи по развитию переводческих навыков, а также учебные интернет-ресурсы, помогающие педагогам в этой сфере. Е.С. Кудинова (2019: 142) интерпретирует понятие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), даёт обзор современных ИКТ, анализирует преимущества их применения при обучении студентов с учётом их ментального кода.

1.3. Влияние переводческих технологий на переводческую деятельность и переводоведение

Примечательной особенностью развития переводческого дела в нынешнем контексте информатизации является тенденция движения переводческих технологий от края к центру. Основываясь на этой концепции, Ван Тао и Лу Пэн рассматривают взаимосвязь между переводческими технологиями и практикой перевода, переводоведением и преподаванием перевода, а также место технологий в переводе и их классификации (王涛, 鹿鹏 / Ван Тао, Лу Пэн, 2008: 20). Чэнь Цзижун (陈钧, 2020: 1104) считает, что применение переводческих технологий имеет три основных преимущества: стандартизация процесса перевода, отражение иерархичности в переводе, а также сочетание инструментального и гуманитарного характеров обучения переводу (陈吉荣 / Чэнь Цзижун, 2013: 109). В 2016 году компания Google запустила систему машинного перевода на основе нейронных сетей, что существенно повысило качество данного типа перевода. Чжао Шо, изучив в качестве примера работу программной системы Systran PNMT, проанализировал преимущества

нейронного машинного перевода по сравнению с традиционными системами, а также разъяснил вспомогательную роль технологий в сочетании с когнитивностью в переводческой практике (赵硕 / Чжао Шо, 2018: 79).

Под воздействием всё более зрелых технологий искусственного интеллекта машинный перевод смог добиться многочисленных сдвигов в парадигме исследований и разработок, а также впечатляющих достижений в скорости и качестве перевода, языковом охвате и пополнении базы знаний. Однако в то же время исследования и разработки в этой области на данный момент демонстрируют тенденцию к разделению между инженерией и лингвистикой, в результате чего сталкиваются с большим количеством препятствий, требующих преодоления. В частности, Ли Ханьцзи и Чэнь Хайцин утверждают, что сущность текущих проблем переводческих технологий заключается в неспособности рационально ответить на «вопрос семантики» и «вопрос прагматики» в поле философии языка (李晗佺, 陈海庆 / Ли Ханьцзи, Чэнь Хайцин, 2020: 122). Учёными предполагается, что будущие исследования и разработки в данной области должны не только определить технические ограничения и преимущества машинного перевода, но и укрепить связь дисциплин, включая философию, когнитивистику, лингвистику и информатику, чтобы стимулировать дальнейшее развитие этого вида технологий.

В России немало учёных обсуждают применение переводческих технологий в практике, в том числе машинный перевод, компьютерно-переводческие инструменты и т.д. (Блинкова, 2020: 294; Шериева, 2018: 187; Пащенко, 2019: 214). Современные технологические разработки повышают производительность и качество перевода, поддерживают международное общение и демонстрируют растущую потребность в инновационных технологических решениях вековой проблемы языкового барьера. Однако эти инструменты также представляют собой серьёзные проблемы и неопределённость для переводческой профессии и отрасли (Алимов, 2022: 75). А.К. Подпорина рассматривает проблемы, появившиеся в связи с внедрением технологии искусственных нейронных сетей (Подпорина, 2018: 250). В 2021 году она также предложила некоторые из возможных вариантов применения современных инструментов анализа текста, подразумевающих использование цифровых технологий в переводческих исследованиях. В.И. Солопов в своей статье (Солопов, 2019: 38) подчёркивает важность выработки переводчиком собственной стратегии при переводе с использованием информационных технологий, а также перечисляет

основные направления влияния информационных технологий на переводческую стратегию в процессе перевода. Е.Ю. Карцева и другие (Карцева, Маргарян, Гурова, 2016: 155) представили общую оценку перспектив переводческой профессии в свете стремительного развития современных технологий, в том числе инструментов автоматизированного перевода. Т.В. Ростовцева рассматривает вопросы применения новых коммуникативных технологий, таких как социальные сети, в работе переводчиков, а также предлагает основные направления формирования персональной информационной среды с учётом потребностей переводчиков-практиков (Ростовцева, 2020: 81).

Сравнительный анализ в целом показывает единство мнений среди учёных Китая и России в отношении исследований переводческих технологий. Во-первых, стоит отметить общее одобрение концепции симбиоза человека и машины. Говоря об изучении сущности феномена переводческих технологий как такового или же о «технологическом повороте» в рамках переводоведения, исследователи двух стран отстаивают идею снятия противоречий между применением искусственного и естественного интеллектов, не отрицают и не исключают гуманитарный фактор в переводе, а вместо этого делают акцент на взаимовыгодном сближении человека и технологий. Технологический прогресс и развитие человеческих навыков взаимозависимы, и вопрос о том, каким образом переводчик и цифровые технологии могут перейти от независимого существования к синергизму, заслуживает особого внимания. Кроме того, модель кооперации человека и машины в будущем способна продемонстрировать процессы индивидуализации, интеграции и расширения масштабов деятельности её участников. Во-вторых, исследователи обеих стран подчёркивают прикладную ценность использования переводческих технологий, которая воплощается не только в практике, но и в дидактике перевода. Цифровые технологии вносят изменения в парадигму переводоведения, модели переводческой деятельности и преподавания, и при этом также способствуют реализации нового вектора развития в изучении перевода. Тем не менее, вне зависимости от того, насколько продвинуты технологии, их развитие неотделимо от развития человека, поэтому при формировании переводческих дисциплин необходимо не только активно идти навстречу применению новых технологий, но и придерживаться рациональных принципов при внедрении инноваций, уважать базовые законы развития переводоведения и образования в сфере перевода.

2. Исследования переводческих технологий в Китае и России: «цифровой перевод» против «технологического поворота»

28 июля 2017 года в России была официально утверждена национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». При активной поддержке правительством цифровой трансформации и применения цифровых технологий российские учёные-переводоведы следуют национальной стратегии развития и, продолжая укреплять исследовательскую базу в сфере классического переводоведения, начинают обращаться к изучению новой области — цифровому переводу. Китайские учёные в свою очередь полагают, что переводческие технологии наносят сокрушительный удар по традиционному переводу, полагающему человека в качестве субъекта, а парадигма переводоведения в глобальном масштабе цифровой эпохи претерпевает и будет продолжать претерпевать глубокие изменения, в связи с чем многие учёные однозначно выдвигают концепцию «технологического поворота» в исследованиях перевода. Таким образом, в контексте современных тенденций развития процесс цифровизации является не только неизбежным выбором для переводческой практики, но и возможностью для новых прорывов в переводоведческих исследованиях.

2.1. «Цифровой перевод» в России

В российских научных кругах распространено мнение, согласно которому информационные технологии, интернет-технологии, технологии искусственного интеллекта и т.д. уже проникли в сферу перевода, а поскольку в условиях цифровой эпохи переводческая отрасль должна следовать складывающимся тенденциям, ответом на необходимость послужило возникновение идеи «цифрового перевода». В 2019 году Н.К. Гарбовский и О.И. Костикова (2019: 10) впервые предложили инновационную концепцию «цифрового перевода», определив данный термин как «новый вид перевода, представляющий собой систему сетевого взаимодействия когнитивно-коммуникативной деятельности переводчика-человека и цифровых информационно-коммуникационных средств». В эпоху цифровых технологий отношения противоречивости между переводчиком и ИИ становятся всё более очевидными. В этой сложной системе навыки переводчика и технология искусственного интеллекта смешиваются между собой, представляя собой как взаимовыгодное сотрудничество, так и исключительное противоречие взаимного противостояния. В связи с этим авторы работы выдвигают

три новые категории вопросов, касающиеся следующих аспектов: когнитивно-технологический, социально-экономический, педагогический и психологический. В частности: с когнитивно-технологической точки зрения, интеграция традиционных когнитивных операций как неотъемлемой части переводческого искусства с современными коммуникационными технологиями ИИ обладает широкими перспективами развития отрасли; с социально-экономической точки зрения, возможность применения цифровых ИКТ оказывает глубокое влияние на социальную сферу и стимулирует её развитие в ситуации новой технологической действительности; с точки зрения преподавания перевода, бесперебойное функционирование нового цифрового общества требует подготовки переводческих кадров с учётом потенциальных социальных преобразований, способных повлиять на профессию переводчика в ближайшие 20 лет, в связи с чем особенно актуальной становится разработка конструктивных программ обучения, отвечающих требованиям стремительно меняющейся среды человеческой деятельности в условиях цифровизации.

Концепция «цифрового перевода» следует идее симбиотического бинома человек — ИИ и их взаимовыгодного сотрудничества. Более того, это понятие не статично, оно обладает временной продолжительностью и преемственностью, будет изменяться вслед за изменениями эпохи, наделаться новыми коннотациями, что также свидетельствует о явной динамичности переводческих технологий. «Технологии» сейчас возглавляют новые тенденции, становясь мощным фактором, стимулирующим развитие переводоведения и переводческой практики, а также радикальные преобразования в области перевода в целом. Судя по результатам текущих исследований, «цифровой перевод» в России по-прежнему опирается на переводческие технологии, а то, каким образом объединить актуальные на данный момент новые технологии, включая большие данные, облачные вычисления и т.д., для комплексного развития отрасли является новой проблемой российского переводоведения. Тем не менее, «цифровой перевод» уже сделал большой шаг вперёд, и в дальнейшем необходимо продолжать уделять должное внимание исследованиям его сущности, классификаций, закономерностей, принципов, методов и прочих аспектов, так как любая инновационная концепция может быть принята наукой только в том случае, если она укоренится в исследовательском поле. В связи с вышесказанным автор с нетерпением ожидает публикации дальнейших результатов исследований российских учёных-переводоведов в данной области.

2.2. «Технологический поворот» в китайском переводеведении

Широкое применение и эффективность технологий в переводческой практике очевидны, при этом они также оказывают определённое влияние на переводеведение, однако в их исследованиях с самого начала не наблюдалось сильного ажиотажа. Традиционное переводеведение ограничено лингвистическими и культурными аспектами текста, оно «уже отстаёт от развития переводческой деятельности, а традиционные теории больше не могут объяснить, не говоря уже о том, чтобы направлять, сегодняшнюю переводческую практику» (廖七一 / Ляо Ции, 2015: 16), поэтому переводческие технологии должны стать новой областью исследований. В действительности, ещё в 2014 году Чжан Сяоцзюнь и Хэ Ин (张霄军, 贺莺, 2014: 74) высказали мнение о том, что в сфере перевода произошёл технологический поворот. В своём заявлении учёные основывались на докладе XX Всемирного конгресса переводчиков, в котором подчёркивалась важность переводческих технологий и утверждалось, что машинный перевод всё сильнее интегрируется в переводческую деятельность и переводеведение, а технологии перевода приносят всё большее удобство переводчикам и работникам смежных отраслей, вплоть до изменения модели их работы. Так называемый «технологический поворот» подразумевает трансформацию переводческой практики, переход от перевода, осуществляемого исключительно переводчиком-человеком, к объединению человека и информационных технологий, вызванный развитием ИКТ, компьютерной лингвистики, терминологии и других сфер науки, что повлекло за собой переворот в теоретических исследованиях перевода (张成智、王华树 / Чжан Чэнчжи, Ван Хуашу, 2016: 106). Чжан Сюйдун и Чжан Вэй (张旭东, 张伟 / Чжан Сюйдун, Чжан Вэй, 2016: 88) обратились к истории развития переводческих технологий, главным образом сосредоточив внимание на практической деятельности. Учёные затронули вопрос технологического поворота в сфере текстообработки, вспомогательных компьютерных переводческих технологий, локализации и т.д., а также в области переводческой индустрии, образования и переводеведения.

Тем не менее, есть немало учёных, кто скептически относится к данной точке зрения. Полемика о «технологическом повороте» направлена в первую очередь на внутреннее содержание и объём этого понятия. Так, Чжао Хуан (赵奂 / Чжао Хуан, 2018: 106) считает, что само использование термина «технологический поворот» неверно, так как нарушает рамки определения, данного Т. Куном, и не соответствует устоявшейся норме перевода слова «поворот».

Весь процесс так называемого поворота представляет собой закономерную схему «кризис веры — поиск прорыва — научная революция — парадигмальный поворот (смена парадигмы)», тогда как применение технических средств в развитии переводоведения не соответствует этому порядку. В упоминаниях китайскими учёными «технологического поворота» в течение последних лет содержание термина сильно разнится. Профессор Хань Цзымань (韩子满) на II Китайском форуме по передовым исследованиям в области перевода, состоявшемся в 2021 году, отметил, что с учётом новых достижений в сфере переводоведения более актуальным термином должен стать «цифровой поворот», поскольку учёные при изучении феноменов перевода всё больше опираются на цифровые данные, а в изучении переводческих закономерностей цифровые данные стали основным объектом их исследования. Понятие «цифровой поворот» не только более точно обобщает текущую ситуацию и тенденции в современном переводоведении, но также может помочь нам перенять некоторые концепции и методы из науки о данных, внедрить инновационную методологию в исследования перевода, расширить их горизонты и стимулировать более глубокое развитие переводоведения. Кроме того, «технологический поворот» в переводоведении легко спутать с тем же термином в других дисциплинах. «Технологический поворот» — обычное явление в современных гуманитарных и социальных науках, суть которого часто сводится к изучению влияния технологий на объект исследования. Оно имеет очевидную этическую окраску, что особенно ярко проявляется в философии.

3. Общие трудности в исследованиях переводческих технологий

Переводческие технологии — это относительно новое явление в переводоведении, отражающее будущие тенденции в академических исследованиях, переводческой практике и преподавании перевода. Тем не менее, оно ещё не привлекло всеобщего внимания в среде переводоведческого сообщества, а количество и качество значительных научных теорий по-прежнему невысоко по сравнению с общим числом исследований в сфере перевода. Несмотря на то что влияние переводческих технологий сегодня возрастает, вызывая ряд дискуссий в академических кругах, на данный момент всё ещё рано говорить о достаточном объёме результатов исследований. Внимание, уделяемое данному аспекту в переводоведении, непропорционально мало относительно его роли в переводческой практике: среди статей, опубликованных научными журналами

Babel и «Чжунго Фаньи» («Перевод в Китае»), доля работ, посвящённых переводческим технологиям, составляет менее 3%. Учёные, определяющие главные тенденции в современной науке, также проявляют меньше интереса к данной тематике (吴雨鸽 / У Юйгэ, 2017: 20).

Кроме того, наблюдается несоответствие теории и практики в сфере переводческих технологий. Хотя применение технологий уже привело к трансформации переводческой практики, традиционная теория перевода пока отстаёт в своей объяснительной силе в отношении данного феномена, тогда как вопрос его теоретического обоснования и переосмысления наукой с каждым днём становится всё более актуальным. Переводческие технологии не должны и не смогут сохраниться лишь на уровне прикладного инструментария, для глубокой интеграции с теорией перевода и стимулирования правильного развития переводоведения им требуется научный анализ с позиций новых масштабов, применения новых методов, объектов и моделей исследования. Углублённое изучение поворота к переводческим технологиям, затрагивающее трансграничную интеграцию многообразия технологий, взаимное заимствование в рамках междисциплинарных теорий и внедрение новых методологических подходов, безусловно, будет способствовать последовательному совершенствованию переводоведческой парадигмы в будущем, а также реструктуризации научных знаний и восстановлению онтологии перевода.

Заключение

Переводческие технологии в цифровую эпоху демонстрируют новую тенденцию к синтезу временного своеобразия и технологичности, параллелизму индивидуализации и глобализации, сосуществованию плюрализма и дифференциации. Российские учёные, следуя данной тенденции, выдвинули инновационную концепцию основанного на применении современных технологий «цифрового перевода», инициировав подъём в сфере соответствующих исследований, способствующий синхронии в развитии теоретических и прикладных вопросов переводоведения, включая обоснование цифрового перевода, человеко-машинное взаимодействие в переводческой деятельности, применение машинного перевода и т.д.

Наступление цифровой эпохи привело к стремительному развитию переводческих технологий, сделав их объектом пристального внимания учёных, постепенно формирующим вокруг себя новые направления в переводоведении. В частности, китайские учёные,

руководствуясь идеей смены научных парадигм в исследованиях перевода, предложили концепцию «технологического поворота».

Сегодня мы живём в эру развития, основанного на цифровых данных. Рассмотрев в качестве примера любое предприятие, можно с уверенностью заявить, что, будучи не в состоянии адаптироваться к требованиям времени, оно в лучшем случае начнёт отставать от конкурентов, в худшем — будет отсеяно. В эпоху господства цифровых технологий ни одна отрасль не может остаться в стороне, и переводческая деятельность с её тенденцией к цифровизации не исключение. Таким образом, «цифровой перевод» должен сделать переводческую практику более эффективной, переводческие исследования более глубокими, а преподавание перевода — более передовым.

Список литературы

Алимов Т.Э., Хомидова Л.Р. Влияние переводческих технологий на процесс и продукт перевода // Вестник науки и образования, 2022. № 1–2 (121). С. 74–78.

Артеменко О.А. Формирование профессиональной переводческой компетентности с использованием новых информационных технологий // Высшее образование сегодня, 2008. № 12. С. 54–55.

Блинкова Л.М., Спиридонов Г.А. Компьютерные технологии и переводческая деятельность // Актуальные проблемы гуманитарного образования: Материалы VII Международной научно-практической конференции. Минск: Белорусский государственный университет, 2020. С. 294–301.

Бородина А.В. «Цифровой переводчик» — агент нотариального курса? Переосмысление нотариального перевода в цифровую эпоху // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2021. № 2. С. 68–78.

Гарбовский Н.К., Костикова О.И. Интеллект для перевода: искусный или искусственный? // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2019. № 4. С. 3–25.

Горшкова В.Е., Шурик Н.В. Конкуренция интеллектов при кинопереводе (тифлокомментирование) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2021. № 2. С. 31–41.

Ире К. Двухязычная специальная терминология в эпоху цифровизации: задачи и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2021. № 2. С. 100–107.

Карцева Е.Ю., Маргарян Т.Д., Гурова Г.Г. Развитие машинного перевода и его место в профессиональной межкультурной коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2016. № 3. С. 155–164.

Кудинова Е.С. Информационно-коммуникационные технологии в обучении иностранному языку студентов переводческого факультета //

Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки, 2019. № 1 (830). С. 142–154.

Куницына Е.Ю., Вебер Е.А. Шекспир и искусственный интеллект: перспективы цифрового художественного перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2021. № 2. С. 42–67.

Мальнева Е.Ю., Хрущева Т.В. Бегущий по лезвию 2021: переводчик в эпоху цифровой революции // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2021. № 2. С. 89–99.

Мирзалиева Д.Б. Использование информационно-коммуникационных технологий при обучении переводу // Academy. Науки об образовании, 2019. № 4. С. 60–61.

Пащенко М.В. Информационные технологии в переводческой деятельности // Слагаемые качества современного гуманитарного образования: сборник материалов XVII Международной научно-методической конференции. Тольятти: Самарская гуманитарная академия, 2020. С. 214–216.

Подпорина А.К., Попова Л.Ю., Печинская Л.И. Использование технологий искусственных нейронных сетей в профессиональной и образовательной переводческой деятельности // Актуальные проблемы языкознания, 2018. Т. 1. С. 250–255.

Ростовцева Т.В. Некоторые аспекты использования современных коммуникативных технологий в переводческой деятельности // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук: Сборник трудов участников Четвёртой Международной заочной научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2020. С. 81–86.

Ряховская А.Ю. Критерии отбора переводческих технологий в контексте формирования информационно-технической компетенции будущих переводчиков // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского, 2018. № 3 (69). С. 166–173.

Солопов В.И. О важности выработки переводческой стратегии в процессе перевода с использованием информационных технологий // Вестник дипломатической академии министерства иностранных дел Кыргызской республики им. Казы Дикамбаева, 2019. № 12. С. 38–44.

Устинова Т.В. Коммуникативная деятельность и профессиональная компетентность переводчика в век машинного перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2021. № 2. С. 12–20.

Шебаршина Д.Ю. Проблема внимания при синхронном переводе как один из ключевых факторов, обуславливающих «конкуренцию интеллектов» // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2021. № 2. С. 21–30.

Шериева К.Р. Использование информационных технологий в переводческой деятельности // Студенческая наука для развития информационного общества: сборник материалов VII Всероссийской научно-технической конференции. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2018. С. 187–190.

陈吉荣. (2013) (14 (06)) 翻译技术研究新论[J]. 西南交通大学学报 (社会科学版), pp. 109-113.

陈钧. (2020) (15 (09)) 数字技术和互联网对翻译的影响与变革——评《数字化时代的翻译》[J]. 中国科技论文, pp. 1104.

崔启亮. (2021) (03) 翻译技术教学案例资源建设和应用研究[J]. 外语界, pp. 22-29.

李晗佶, 陈海庆. (2021) (05) 翻译技术中“认知摩擦”问题与消解途径[J]. 外语学刊, pp. 60-65.

李晗佶, 陈海庆. (2020) (41 (06)) 机器翻译技术困境的哲学反思[J]. 大连理工大学学报 (社会科学版), pp. 122-128.

李彦, 肖维青. (2018) (05)) 翻译技术的理性批判: 工具理性与价值理性的冲突与融合[J]. 上海翻译, pp. 1-5+94.

廖七一. (2015) (36 (03)) 范式的演进与翻译的界定[J]. 中国翻译, pp. 16-17.

潘幼博. (1990) (01) 人工翻译是否将被机器替代?[J]. 中国科技翻译, pp. 19-23.

王华树, 李德凤, 李丽青. (2018) (03)) 翻译专业硕士(MTI)翻译技术教学研究:问题与对策[J]. 外语电化教学, pp. 76-82+94.

王涛, 鹿鹏. (2008) (01) 翻译技术的理念与分类[J]. 中国科技翻译, pp. 20-23.

王湘玲, 沙璐. (2021) (05) 基于动态评价理论的翻译技术教学评价模式构建[J]. 外语界, pp. 58-65.

王贇, 张政. (2022) (43 (02)) 数字化时代机器翻译的风险审视及控制研究[J]. 中国翻译, pp. 109-115.

吴雨鸽. (2017) (24 (02)) 再议翻译学的技术转向[J]. 外语与翻译, pp. 20-24.

徐彬, 郭红梅. (2015) (1) 基于计算机翻译技术的非技术文本翻译实践[J]. 中国翻译, pp. 71-76.

张成智, 王华树. (2016) (2) 论翻译学的技术转向[J]. 翻译界, pp. 104-118.

张霄军, 贺莺. (2014) (35 (06)) 翻译的技术转向——第20届世界翻译大会侧记[J]. 中国翻译, pp. 74-77.

张旭东, 张伟. (2016) (33 (05)) 翻译的技术化倾向述评[J]. 外语研究, pp. 88-91.

张政, 王贇. (2020) (36 (03)) 哲学视域下的人与翻译技术关系之思考[J]. 外国语文, pp. 145-151.

赵奂. (2018) (39 (05)) 库恩科学哲学视阈下口译研究技术范式与技术转向之名实考辨[J]. 山东外语教学, pp. 99-108.

赵硕. (2018) (39 (04)) 翻译认知视角下的神经网络翻译研究——以Systran PNMT为例[J]. 中国翻译, pp. 79-85.

References

Alimov T.E., Khomidova L.R. (2022) Vliyanie perevodcheskikh tekhnologii na process i produkt perevoda = Influence of Translation Technologies on the Translation Process and Product. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. No. 1-2 (121), pp. 74-78 (In Russian).

Artemenko O.A. (2008) Formirovanie professionalnoi perevodcheskoi kompetentnosti s ispolzovaniem novykh informatsionnykh tekhnologii = Development of Professional Translation Competence Using New Information Technologies. *Vysshee obrazovanie segodnya*. No. 12, pp. 54–55 (In Russian).

Blinkova L.M., Spiridonov G.A. (2020) Kompyuternye tekhnologii i perevodcheskaya deyatelnost. = Computer Technologies and Translation. Aktualnye problemy gumanitarnogo obrazovaniya: Materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet Publ., pp. 294–301 (In Russian).

Borodina A.V. (2021) “Tsifrovoi perevodchik” — agent notarialnogo diskursa? Pereosmyslenie notarialnogo perevoda v tsifrovuyu epokhu = “Digital Translator” — an Agent of Notarial Discourse? Rethinking Notarized Translation in the Digital Age. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 68–78 (In Russian).

陈吉荣. (2013) (14 (06)) 翻译技术研究新论[J]. 西南交通大学学报(社会科学版), pp. 109–113.

Chen Jirong. (2013) (14(06)) Fanyi jishu yanjiu xin lun = A New Theory in Translation Technology. *Xinan jiaotong daxue xuebao (shehui kexue ban)*, pp. 109–113 (In Chinese).

陈钧. (2020) (15(09)) 数字技术和互联网对翻译的影响与变革——评《数字化时代的翻译》[J]. 中国科技论文, pp. 1104.

Chen Jun. (2020) (15(09)) Shuzi jishu he hulianwang dui fanyi de yingxiang yu biange — ping “shuzihua shidai de fanyi” = How Digital Technology and Internet Influenced and Changed Translation: Comments on “Translation in the Digital Age”. *Zhongguo keji lunwen*, pp. 1104 (In Chinese).

崔启亮. (2021) (03) 翻译技术教学案例资源建设和应用研究[J]. 外语界, pp. 22–29.

Cui Qiliang. (2021) (03) Fanyi jishu jiaoxue anli ziyuan jianshe he yingyong yanjiu = Creation and Use of Case Resources in Teaching Translation Technology. *Waiyu jie*, pp. 22–29 (In Chinese).

Garbovskii N.K., Kostikova O.I. (2019) Intellect dlya perevoda: iskusnyi ili iskusstvennyi? = Intelligence for Translation: Artificial or Artistic? *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 3–25 (In Russian).

Gorshkova V.E., Shchurik N.V. (2021) Konkurentsia intellektov pri kinoperevode (tiflokommentirovanie) = Intelligence Competition in Film Translation (Audio Description). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 31–41 (In Russian).

Ire K. (2021) Dvuyazychnaya spetsialnaya terminologiya v epokhu tsifrovizatsii: zadachi i perspektivy = Bilingual Special Terminology in the Era of Digitalization: Problems and Prospects. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 100–107 (In Russian).

Kartseva E.Yu., Margaryan T.D., Gurova G.G. (2016) Razvitie mashinnogo perevoda i ego mesto v professionalnoi mezhkulturnoi kommunikatsii = The Evolution of Machine Translation and its Place in Professional Intercultural

Communication. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika.* No. 3, pp. 155–164 (In Russian).

Kudinova E.S. (2019) Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v obuchenii inostrannomu yazyku studentov perevodcheskogo fakulteta = Information and Communication Technologies in Teaching Foreign Languages to Students of the Faculty of Translation. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki.* No. 1 (830), pp. 142–154 (In Russian).

Kunitsyna E.Yu., Veber E.A. (2021) Shekspir i iskusstvennyj intellekt: perspektivy tsifrovogo khudozhestvennogo perevoda = Shakespeare and Artificial Intelligence: Prospects for Digital Literary Translation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda.* No. 2, pp. 42–67 (In Russian).

李哈佺, 陈海庆. (2021) (05) 翻译技术中“认知摩擦”问题与消解途径[J]. 外语学刊, pp. 60–65.

Li Hanji, Chen Haiqing. (2021) (05) Fanyi jishu zhong “renzhi moca” wenti yu xiaojie tuijin = “Cognitive Friction” Problems and Solutions in Translation Technology. *Waiyu xuekan*, pp. 60–65 (In Chinese).

李哈佺, 陈海庆. (2020) (41(06)) 机器翻译技术困境的哲学反思[J]. 大连理工大学学报(社会科学版), pp. 122–128.

Li Hanji, Chen Haiqing. (2020) (41(06)) Jiqi fanyi jishu kunjing de zhexue fansi = Philosophical Reflection on Dilemmas of Machine Translation Techniques. *Dalian ligong daxue xuebao (shehui kexue ban)*, pp. 122–128 (In Chinese).

李彦, 肖维青. (2018) (05) 翻译技术的理性批判:工具理性与价值理性的冲突与融合[J]. 上海翻译, pp. 1–5+94.

Li Yan, Xiao Weiqing. (2018) (05) Fanyi jishu de lixing pipan: gongju lixing yu jiazhi lixing de chongtu yu ronghe = Critique of Translation Technology Rationality: Conflict and Fusion of Instrumental and Value Rationalities. *Shanghai fanyi*, pp. 1–5+94 (In Chinese).

廖七一. (2015) (36(03)) 范式的演进与翻译的界定[J]. 中国翻译, pp. 16–17.

Liao Qiyi. (2015) (36(03)) Fanshi de yanjin yu fanyi de jieding = The Evolution of the Paradigm and the Definition of Translation. *Zhongguo fanyi*, pp. 16–17 (In Chinese).

Malneva E.Yu., Khrushcheva T.V. (2021) Begushchii po lezviyu 2021: perevodchik v epokhu tsifrovoi revolyutsii = Blade Runner 2021: Translator in the Age of Digital Revolution. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda.* No. 2, pp. 89–99 (In Russian).

Mirzalieva D.B. (2019) Ispolzovanie informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii pri obuchenii perevodu = The Use of Information and Communication Technologies in Teaching Translation. *Academy. Nauki ob obrazovanii.* No. 4, pp. 60–61 (In Russian).

潘幼博. (1990) (01) 人工翻译是否将被机器替代?[J]. 中国科技翻译, pp. 19–23.

Pan Youbo. (1990) (01) Rengong fanyi shifou jiang bei jiqi tidai? = Will Human Translators be Replaced by Machines? Zhongguo keji fanyi, pp. 19–23 (In Chinese).

Pashchenko M.V. (2020) Informatsionnye tekhnologii v perevodcheskoi deyatelnosti = Information Technologies in Translation. Slagaemye kachestva sovremennogo gumanitarnogo obrazovaniya: sbornik materialov XVII Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii. Tolyatti: Samarskaya gumanitarnaya akademiya Publ., pp. 214–216 (In Russian).

Podporina A.K., Popova L.Yu., Pechinskaya L.I. (2018) Ispolzovanie tekhnologii iskusstvennykh neironnykh setei v professionalnoi i obrazovatelnoi perevodcheskoi deyatelnosti = The Use of Artificial Neural Networks in Professional and Educational Translation. Aktualnye problemy yazykoznaneya. Vol. 1, pp. 250–255 (In Russian).

Rostovtseva T.V. (2020) Nekotorye aspekty ispolzovaniya sovremennykh kommunikativnykh tekhnologii v perevodcheskoi deyatelnosti = Some Aspects of Using Modern Communication Technologies in Translation. Aktualnye problemy gumanitarnykh i sotsialnykh nauk: Sbornik trudov uchastnikov Chetvertoi Mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet tekhnologii upravleniya i ekonomiki Publ., pp. 81–86 (In Russian).

Ryakhovskaya A.Yu. (2018) Kriterii otbora perevodcheskikh tekhnologii v kontekste formirovaniya informatsionno-tekhnicheskoi kompetentsii budushchikh perevodchikov = Selection Criteria for Translation Technologies Aiming at Developing Information and Technical Competencies of Future Translators. *Voprosy sovremennoi nauki i praktiki. Universitet imeni V.I. Vernadskogo.* No. 3 (69), pp. 166–173 (In Russian).

Solopov V.I. (2019) O vazhnosti vyrabotki perevodcheskoi strategii v protsesse perevoda s ispolzovaniem informatsionnykh tekhnologii = On the Importance of Developing a Translation Strategy in a Translation Process Using Information Technology. *Vestnik diplomaticheskoi akademii ministerstva inostrannykh del Kyrgyzskoi respubliki imeni Kazy Dikambaeva.* No. 12, pp. 38–44 (In Russian).

Ustinova T.V. (2021) Kommunikativnaya deyatelnost i professionalnaya kompetentnost perevodchika v vek mashinnogo perevoda = Communicative Activity and Professional Competence of a Translator in the Age of Machine Translation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda.* No. 2, pp. 12–20 (In Russian).

Shebarshina D.Yu. (2021) Problema vnimaniya pri sinkhronnom perevode kak odin iz klyuchevykh faktorov, obuslavlivayushchikh “konkurentsiyu intellektov” = Attention Problem in Simultaneous Interpreting as One of the Key Factors Determining the “Intelligence Competition”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda.* No. 2, pp. 21–30 (In Russian).

Sherieva K.R. (2018) Ispolzovanie informatsionnykh tekhnologii v perevodcheskoi deyatelnosti = The Use of Information Technology in

Translation. *Studencheskaya nauka dlya razvitiya informatsionnogo obshchestva: sbornik materialov VII Vserossiiskoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii*. Stavropol: Severo-Kavkazskii federalnyi universitet Publ., pp. 187–190 (In Russian).

王华树, 李德凤, 李丽青. (2018) (03) 翻译专业硕士 (MTI) 翻译技术教学研究:问题与对策[J]. *外语电化教学*, pp. 76–82+94.

Wang Huashu, Li Defeng, Li Liqing. (2018) (03) Fanyi zhuanke shuoshi (MTI) fanyi jishu jiaoxue yanjiu: wenti yu duice = Methods of Teaching Translation Technology within an MA Program in Translation and Interpreting: Difficulties and Solutions. *Waiyu dianhua jiaoxue*, pp. 76–82+94 (In Chinese).

王涛, 鹿鹏. (2008) (01) 翻译技术的理念与分类[J]. *中国科技翻译*, pp. 20–23.

Wang Tao, Lu Peng. (2008) (01) Fanyi jishu de linian yu fenlei = Concept and Classification of Translation Technology. *Zhongguo keji fanyi*, pp. 20–23 (In Chinese).

王湘玲, 沙璐. (2021) (05) 基于动态评价理论的翻译技术教学评价模式构建[J]. *外语界*, pp. 58–65.

Wang Xiangling, Sha Lu. (2021) (05) Jiyu dongtai pingjia lilun de fanyi jishu jiaoxue pingjia moshi goujian = Development of an Evaluation Model for Translation Technology Teaching Based on Dynamic Assessments. *Waiyu jie*, pp. 58–65 (In Chinese).

王贇, 张政. (2022) (43(02)) 数字化时代机器翻译的风险审视及控制研究[J]. *中国翻译*, pp. 109–115.

Wang Yun, Zhang Zheng. (2022) (43(02)) Shuzihua shidai jiqi fanyi de fengxian shenshi ji kongzhi yanjiu = Machine Translation Risk Review and Control in the Digital Age. *Zhongguo fanyi*, pp. 109–115 (In Chinese).

吴雨鸽. (2017) (24(02)) 再议翻译学的技术转向[J]. *外语与翻译*, pp. 20–24.

Wu Yuge. (2017) (24(02)) Zaiyi fanyixue de jishu zhuanxiang = Renewed Discussion of the Technological Shift in Translation Studies. *Waiyu yu fanyi*, pp. 20–24 (In Chinese).

徐彬, 郭红梅. (2015) (1) 基于计算机翻译技术的非技术文本翻译实践[J]. *中国翻译*, pp. 71–76.

Xu Bin, Guo Hongmei. (2015) (1) Jiyu jisuanji fanyi jishu de fei jishu wenben fanyi shijian = Non-technical Text Translation Practice Using Computer Translation Technology. *Zhongguo fanyi*, pp. 71–76 (In Chinese).

张成智, 王华树. (2016) (2) 论翻译学的技术转向[J]. *翻译界*, pp. 104–118.

Zhang Chengzhi, Wang Huashu. (2016) (2) Lun fanyixue de jishu zhuanxiang = On the Technological Shift in Translation Studies. *Fanyi jie*, pp. 104–118 (In Chinese).

张霄军, 贺莹. (2014) (35(06)) 翻译的技术转向——第20届世界翻译大会侧记[J]. *中国翻译*, pp. 74–77.

Zhang Xiaojun, He Ying. (2014) (35(06)) Fanyi de jishu zhuanxiang — di 20 jie shijie fanyi dahui ceji = Technological Shift in Translation: Notes on the XX FIT World Conference. *Zhongguo fanyi*, pp. 74–77 (In Chinese).

张旭东, 张伟. (2016) (33(05)) 翻译的技术化倾向述评[J]. 外语研究, pp. 88–91.

Zhang Xudong, Zhang Wei. (2016) (33(05)) *Fanyi de jishuhua qingxiang shuping = A Commentary on the Technology Trends in Translation.* *Waiyu yanjiu*, pp. 88–91 (In Chinese).

张政, 王赞. (2020) (36(03)) 哲学视域下的人与翻译技术关系之思考[J]. 外国语文, pp. 145–151.

Zhang Zheng, Wang Yun. (2020) (36(03)) *Zhexue shiyu xia de ren yu fanyi jishu guanxi zhi sikao = Reflections on Relations Between People and Translation Technology from a Philosophical Perspective.* *Waiguo yuwen*, pp. 145–151 (In Chinese).

赵旻. (2018) (39 (05)) 库恩科学哲学视阈下口译研究技术范式与技术转向之名实考辨[J]. 山东外语教学, pp. 99–108.

Zhao Huan. (2018) (39 (05)) *Ku'en kexue zhexue shiyu xia kouyi yanjiu jishu fanshi yu jishu zhuanxiang zhi mingshi kaobian = Technological Paradigm of and Technological Shift in Interpreting Research from the Perspective of Kuhn's Philosophy of Science.* *Shandong waiyu jiaoxue*, pp. 99–108 (In Chinese).

赵硕. (2018) (39(04)) 翻译认知视角下的神经网络翻译研究——以Systran PNMT 为例[J]. 中国翻译, pp. 79–85.

Zhao Shuo. (2018) (39(04)) *Fanyi renzhi shijiao xia de shenjing wangluo fanyi yanjiu — yi Systran PNMT weili = Neural Machine Translation from the Perspective of Translation Understanding: Systran PNMT Case Study.* *Zhongguo fanyi*, pp. 79–85 (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Гу Цзюньлин — доктор филологических наук, доцент, декан факультета русского языка института иностранных языков и международных отношений, Чжэнчжоуский университет, просп. Кэсюе-дадао № 100, Чжэнчжоу, Китай, 450001; 852600325@qq.com

Сун Цзяньфэн — аспирант факультета русского языка института иностранных языков и международных отношений, Чжэнчжоуский университет, просп. Кэсюе-дадао, No. 100, Чжэнчжоу, Китай, 450001; 473045657@qq.com

ABOUT THE AUTHORS:

Gu Junling — Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Dean of the Russian Language Department, School of Foreign Languages and International Relations, Zhengzhou University. Kexue-dadao No. 100, Ave. Zhengzhou, China, 450001; 852600325@qq.com

Sun Jianfeng — PhD candidate at the Russian Language Department, School of Foreign Languages and International Relations, Zhengzhou University. Kexue-dadao No. 100, Ave. Zhengzhou, China, 450001; 473045657@qq.com

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interests.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-31-54

ИССЛЕДОВАНИЕ ДВУКРАТНОГО СХОДСТВА В ПЕРЕВОДЕ МЕТАФОРЫ

Сунь Цюхуа

Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай

Для контактов: sunqihua15@163.com

Аннотация. Перевод метафоры является важным аспектом исследования онтологии перевода. Перевод метафоры представляет собой не только процесс осмысления поверхностного внутриязыкового сходства, но и процесс преобразования глубинного межъязыкового сходства, что, по существу, завершает сложный мыслительный процесс «двукратного сходства». Исследование перевода метафоры, включая внутриязыковое сходство и межъязыковое сходство, характеризуется двукратным сходством. Внутриязыковое сходство метафорического перевода строится через точечное, линейное и поверхностное сходство в метафорической форме. Линейное, плоскостное и трёхмерное сходства для формирования межъязыкового сходства выводятся на основе внутриязыкового сходства. Через шесть сходных моделей для формирования метафоры в исходном тексте на русском языке выводятся 18 форм и 4 метода перевода сходства метафоры.

Ключевые слова: перевод метафоры, внутриязыковое сходство, межъязыковое сходство, мыслительный процесс

Фондовый проект. Статья подготовлена при поддержке приоритетного гранта Фонда общественных наук КНР № 17СУУ057 и № 208ZD312.

Для цитирования: Сунь Цюхуа. Исследование двукратного сходства в переводе метафоры // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. № 3, 2022. С. 31–54. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-31-54

Статья поступила в редакцию 19.09.2022;
одобрена после рецензирования 14.11.2022;
принята к публикации 15.11.2022.

RESEARCH INTO QUADRATIC SIMILARITY OF METAPHOR TRANSLATION

Sun Qiuhua

Heilongjiang University, Harbin, China
For contacts: sunqihua15@163.com

Abstract. Metaphor translation is an important aspect of translation ontology research. Metaphor translation is not only the process of understanding the superficial intralingual similarity, but also the process of transforming the deep interlingual similarity, which is essentially a complex thinking process of “quadratic similarity”. The study of metaphor translation involves both intralingual and interlingual similarities and has the characteristics of quadratic similarity. The intralingual similarity of metaphor translation is formed by point, line and plane similarity forms; and the interlingual similarity of metaphor translation is based on the intralingual similarity and deduces the line, plane and three-dimensional similarity of metaphor translation. Based on the six similarity patterns of the original Russian metaphor constructs, 18 similarity transformation types of Metaphor translation are deduced and four translation strategies are proposed.

Keywords: metaphor translation; intralingual similarity; interlingual similarity; thinking process

Fund project: The article was prepared with the support of the priority grant of the Social Science Foundation of the People’s Republic of China No. 17CYY057 and No. 208ZD312.

For citation: Sun Qiuhua. (2022) Research into quadratic similarity in metaphor translation. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 3. P. 31–54. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-31-54

This article was submitted on September 28.2022;
approved after review on November 14.2022;
accepted for publication on November 15.2022.

Введение

Всё в мире связано, и сходство — самый распространённый способ связи. Сходство означает, что два разных объекта имеют общие признаки, которые можно идентифицировать и измерить. У любых объектов есть скрытое сходство, и при соответствующих условиях люди могут его обнаружить. Сходство — это основа для

формирования отношений между объектами. Пока существует сходство между объектами, они могут быть представлены независимо от степени сходства, и здесь можно сказать: одно похоже на другое (Чжоу Мэйли, 2004: 9). Мы используем сходство воспринимаемых объектов для сравнения абстрактных понятий, потому что это единственный способ их распознать (Пэ Юйхай, 2022: 90). Метафора — это не только необычное языковое явление, но и особенное и распространённое когнитивное явление. В ней отражение основывается на сходстве и имеет сложную многомерную структуру. В своей кажущейся поверхностной структуре метафора отражает нормы и рациональность на глубоком уровне логики, так что между существенно разными объектами образуются нелогичные связи. Перевод метафоры — это не только процесс понимания поверхностного внутриязыкового сходства, но и процесс трансформации глубокого межъязыкового сходства. Это сложный психологический и когнитивный процесс, касающийся перевода сходства между двумя языками и между разными культурами, в то же время это также мыслительная деятельность, которая воссоздаёт метафору исходного языка целевым языком. Перевод метафоры, по сути, завершает процесс «двукратного сходства».

1. Механизм мыслительного нахождения сходства метафоры

В связи с важностью сходства метафоры в отношении к пониманию метафоры, очень необходимо обсудить основу и мыслительный процесс нахождения сходства метафоры.

1.1. Основа нахождения сходства метафоры

С точки зрения порождения, метафора представляет собой новые комбинации понятий и их отношения, сформированные в человеческом мозге через рассуждения по аналогии, основанные на сходстве. Сходство метафоры тесно связано с законами мышления человека. «Большое количество экспериментов в экспериментальной и когнитивной психологии доказало, что законы мышления по сходству, такие как “закон ассоциации по сходству” ассоциативной психологии, “закон подобия” гештальтпсихологии, “условный рефлекс” и “теория подражания” бихевиоризма, а также “ассимиляция” и “адаптация” теории когнитивного развития Жана Пиаже и др. выполняются повсеместно. Основные направления психологии в той или иной степени признают место и роль сходства в мыслительных процессах. Информационная деятельность в нейронной сети человека работает на принципах сходной активации, сходной свя-

зи, сходного катализа и взаимного совпадения, вызванных сходной информацией» (Ли Шаньтин, 2008: 21).

Чтобы понять мыслительную основу нахождения сходства метафоры, нужно исходить из механизмов работы нейронов головного мозга, то есть из его источника. Таким образом, для понимания сходства метафоры существуют правила, которым нужно следовать, и они не только останутся на уровне неизвестного. «Мозг представляет собой сложную и открытую систему, а внешняя информация, поступающая в нервную систему, кодируется РНК (рибонуклеиновой кислотой). Сходные информационные блоки, кодируемые РНК, играют важную роль в нахождении сходства и связи по сходству. При взаимном совпадении РНК, которые широко распределяются в мозге человека, выполняют функции самовоспроизведения и самоподобия» (Чжан Гуанцзянь, Гао Линьшэн, Чжан Ваньчжу, 2000: 81). Результаты исследований в нейропсихологии и нейровизуализации доказали, что «метафора отличается от языка и включает в себя разные нейронные механизмы, её порождение зависит от правого полушария мозга» (Сунь Цюхуа, 2014: 139). В связи с этим нахождение сходства метафоры также связано с правым полушарием мозга.

1.2. Мыслительный процесс нахождения сходства метафоры

Как возникает сходство метафоры в мышлении? По мере совершенствования мыслительных способностей человека глубина и широта когнитивной деятельности продолжают увеличиваться, понятийный аппарат также постоянно развивается. Понятие — это форма мышления, мышление — это форма понятия, а язык является внешним выражением понятия и мышления. Для порождения метафоры в мышлении необходима активация понятийной системы, но активация языкового выражения не требуется. Формирование и совершенствование понятия является постепенным процессом. С учётом постоянного увеличения знаний, концепции слов становятся богаче. Поскольку невозможно найти слова, выражающие новые понятия, принято использовать существующие слова для выражения новых образов и связей на основе сходства. Это давно сформированный мозгом человека механизм мышления, а также важный метод познания мира. Развитие когнитивных способностей влияет на формирование языка, а язык также влияет на развитие когнитивных способностей человека. Язык является результатом обработки образов воспринимаемых объектов абстрактным мышлением человека, а также продуктом сознательной деятельности головного мозга. Значение является совокупностью

свойств указанного объекта и формируется в процессе выражения в форме языка понятия объекта и его отношений с другими объектами. Распознавание мышлением человека сходства между объектами помогло сформировать когнитивную способность метафоры, а выражение ограниченными языковыми знаками множества объектов стимулировало порождение метафорического языка. Слова, обозначающие языковые понятия, также постоянно развиваются, что проявляется в увеличении случаев словообразования, основанного на метафоричности и расширении семантики слов на основе сходства.

2. Внутрязыковое сходство в переводе метафоры

Собственное или создаваемое сходство между целевым доменом и исходным доменом в метафоре относится к внутрязыковому сходству в переводе метафоры, и оно является обязательным элементом для её конструирования. Подобная форма — внешнее проявление внутрязыкового сходства в переводе метафоры. В основе перевода метафоры лежит понимание внутрязыкового сходства. В то же время внутрязыковое сходство также является «первичным сходством» перевода метафоры, которое закладывает основу для формирования «вторичного сходства».

2.1. Основа конструирования метафоры — сходство

Опыт, который накапливается в человеческом мозге до распознавания новых объектов, называется «аналогичный блок», который может установить связь между новыми объектами и знакомыми явлениями. Метафора — это своего рода когнитивный феномен, суть которого заключается в распознавании и понимании определённого объекта на основе сходства с другим объектом (Lakoff & Johnson, 1980: 148). «Миллер считает, что метафора является описанием сходства» (Ван Инь, 2007: 414). Если два объекта абсолютно одинаковы или не имеют никакого сходства, то метафора не может быть установлена. Сходство в метафоре обозначает, что целевой домен и исходный домен имеют некоторые сходные характеристики или свойства. «Основываясь на понимании целевого домена, автор находит исходный домен, отражающий характеристики и свойства целевого домена, и устанавливает метафорическую связь между исходным и целевым доменами» (Ван Вэньбин, 2006: 125). Итак, основные элементы для конструирования метафоры включают целевой домен, исходный домен и их сходство. «С точки зрения современной лингвистики, метафора рассматривается как один из видов семантической неправильности, возникающий в результате

намеренного нарушения закономерностей смыслового соединения слов» (Арутюнова, 1999, 346). «Три основных признака конструирования метафоры: существование двух разных объектов, имеющих сходство; это сходство либо существует объективно, либо создается субъективно с учётом социальных и культурных факторов; перенос какого-либо свойства с одного объекта на другой» (Ма Мин, 2005: 109). «Два метода построения метафоры: метод, основанный на существующем сходстве между исходным доменом и целевым доменом, и метод, когда метафора создается на основании недавно обнаруженного или намеренно воображаемого автором сходства» (Шу Динфан, 2000: 15). Другими словами, в основе построения метафоры лежит сходство, без которого метафора не может существовать.

2.2. Типы сходства в конструировании метафоры

С развитием исследований метафоры типы сходства, используемые в метафоре русского языка, уже не ограничиваются традиционной моделью «целевой домен, исходный домен», включая пять новых: «целевой домен», «исходный домен», «целевой домен, сходство», «исходный домен, сходство», «целевой домен, исходный домен, сходство». Для этих шести моделей можно использовать метафорические слова, например «есть», «быть», «казаться» и др., знак тире «—». При переводе на китайский язык можно использовать метафорические слова, такие как 《像》, 《是》, 《为》, 《成为》 и др. Процесс конструирования метафоры заключается в определении сходства, по которому определяются общие признаки и свойства между смыслами слова, словосочетания и фразы. Это сходство иногда очевидно, а иногда скрыто.

2.2.1. Точечное конструирование метафоры

При конструировании метафоры оригинального текста, если существует только целевой или исходный домен, сосредоточенный на конкретном слове, словосочетании или на одном слове в фразе, то данная модель конструирования называется точечным конструированием метафоры.

- целевой домен

Рис. 1

- target domain

Fig. 1

- исходный домен

Рис. 2

- source domain

Fig. 2

Рис. 1, когда в конструировании метафоры существует только целевой домен. Теоретически каждая метафора должна содержать в себе исходный домен. Но когда существует общая когнитивная модель, конкретный контекст или фоновые знания, целевой домен может вызывать сходство сам по себе, при этом исходный домен скрывается. Такое явление часто встречается как в русском, так и в китайском языке. Возможны следующие вариации: существует одинаковая словоформа между целевым и исходным доменами; у целевого домена обнаруживаются некоторые свойства исходного домена; целевой домен является обобщением исходного домена. При этом без упоминания об исходном домене и сходстве читатели оригинального текста могут его ясно понять. Приведём следующие примеры: «*меню*», «*капля в море*», «*Вот альфа и омега их работы*» и т.д.

Рис. 2, когда в конструировании метафоры существует только исходный домен. Некоторые конкретные контексты позволяют не устанавливать целевой домен и сходство, а выражать целевой домен через исходный домен для повышения привлекательности. Цель — добиться какого-либо эффекта или избежать употребления определённых слов. Приведём следующие примеры: «*Буревестник*», «*слёзы дождя*», «*Почему она не вышла из тюрьмы?*» «*Прозрачная ложится пелена на свежий дёрн и незаметно тает*» и т.д.

2.2.2. Линейное конструирование метафоры

Существует три варианта линейного конструирования метафоры оригинального текста: «целевой домен, исходный домен», «целевой домен, сходство», «исходный домен, сходство». В первом случае сходство скрывается, а в остальных случаях оно выделяется. Их основа — два слова с направленностью, между которыми существует отражённое или сходное отношение. В связи с этим такая модель конструирования называется линейным.

Рис. 3

Fig. 3

Рис. 4

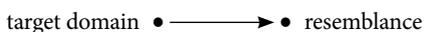

Fig. 4

исходный домен • —————> • сходство

Рис. 5

source domain • —————> • resemblance

Fig. 5

Примечание: В данных рисунках стрелкой «←» отмечено отражённое отношение с направленностью между исходным и целевым доменом, стрелкой «→» отмечено сходное отношение с направленностью между целевым доменом и сходством, между исходным доменом и сходством.

Рис. 3: в конструировании метафоры существует целевой и исходный домен. Автор намеренно вводит читателя в так называемый эффект «саспенс» (от англ. suspense — неопределённость, тревожное ожидание) и намеренно скрывает сходство. Это распространённая в русском языке модель конструирования метафоры. Приведём следующие примеры: «Ты славную долю выбрал себе, **сокол**», «Они знают, что **хлеб** есть **валюта валют**», «Этот парень ест за двоих, **зверь** на работу», «**Смерть** сына для матери была **казнью души**», «**Религия — опиум** для народа» и другие.

Рис. 4: в конструировании метафоры существует целевой домен и сходство. Из-за отсутствия исходного домена, традиционная грамматика русского языка признает такой тип метафоры случаем лексической несочетаемости, а прагматика в некоторых конкретных контекстах признает её правильность. Приведём следующие примеры: «Умереть страшно, если ты живёшь в себе и для себя. Если **лес живой**, дерево, умирая, не умирает», «Студенты в обычные дни — ничего, **“розовыми”**» и другие.

Рис. 5: в конструировании метафоры существует исходный домен и сходство. Целевой домен отсутствует для пробуждения фантазии читателей. Данная модель метафоры позволяет читателю найти множество целевых доменов, имеющих познавательное и поучительное значение. Приведём следующие примеры: «Какая страшная **надстройка!**», «Прошёл свой путь от тракториста до секретаря райкома. **Тяжёлый хлеб...**» и т.д.

2.2.3. Плоскостное конструирование метафоры

Когда в конструировании метафоры присутствует типичная полная модель, включающая в себя целевой домен, исходный домен и сходство, состоящие в тесной внутренней связи и выраженные в трёх словах с направленностью, между которыми существует

отражённое или сходное отношение. В связи с этим такая модель конструирования метафоры называется плоскостным. Подробнее см. рис. 6.

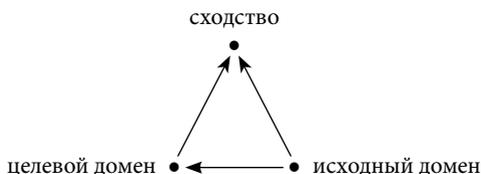

Рис. 6

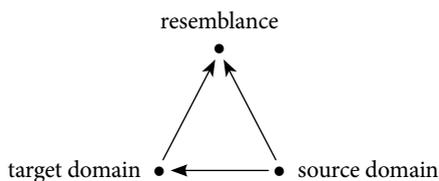

Fig. 6

Рис. 6: в конструировании метафоры существует целевой домен, исходный домен и сходство. Данная модель (условно) позволяет использовать для исходного домена эпитет, отражающий сходство между целевым и исходным доменом. При этом читатели смогут сразу «читать» смысл метафоры. Приведём следующие примеры: «Все эти пламенные **речи** оказались лишь **пустым сотрясением воздуха**», «Она сама была **парень в юбке**», «Он был **ужасный петух**», «Гейне как-то сказал: «**Честность — прекрасная вещь, если кругом все честные, а я среди них жулик**» и другие.

3. Межъязыковое сходство в переводе метафоры

Межъязыковое сходство в переводе метафоры представляет собой двукратное сходство в переводе метафоры. Сходство — это стандарт для оценки качества перевода не только метафоры, но и всего перевода. По сравнению с другими языковыми явлениями, межъязыковая деятельность в контексте метафоры кажется сложнее, поэтому необходимо в полной мере рассмотреть основные элементы конструирования метафоры. Необходимо установить, каким образом переводятся линейные, плоскостные и трёхмерные сходства метафоры на основе точечных, линейных и плоскостных форм в конструировании метафоры подлинника.

3.1. Сходство как стандарт оценки качества перевода метафор

«...при переводе семантические потери неизбежны, ...речь может идти только о максимально возможной полноте передачи значений, выражаемых текстом подлинника» (Бархударов, 1975: 8). Любая переводческая деятельность стремится достичь стандарта «эквивалентности», но это основная трудность при переводе (Фёдоров, 1983: 31). Самый высокий стандарт перевода — «сходство» (Гу Чжэнкунь, 1989: 18). Перевод является преобразованием одной языковой системы в другую с наиболее полным воспроизведением смысла оригинала, однако полное соответствие недостижимо (Гарбовский, 2007: 5). С точки зрения реального перевода, оценка качества перевода между родственными или неродственными языками в основном зависит от подобия между переводом и подлинником. Перевод — это умственная и межсемиотическая деятельность, когда человек и/или машина переводят культурные данные языка А на язык В, чтобы получить аналогичный объём информации. С пассивной точки зрения, результат перевода должен выражать сходство между переводом и оригиналом. С активной точки зрения, перевод — это процесс стремления к сходству (Хуан Чжунлянь, 2009: 6).

«Любой перевод основан на исходном тексте. Высший стандарт качества перевода заключается в имитации переводом исходного текста, в стремлении к наилучшему приближению к оригиналу» (Сюе Хайбинь, 2012: 109). Таким образом, слова «подобие», «сходство», «близость» и т.д. являются терминами, описывающими стандарт перевода. Какие стандарты используются для оценки перевода? «Предпосылка и основа аналогии — это сходство, являющееся основой в её изучении» (Чжоу Мэйли, 2004: 5). В широком понимании процесс перевода имеет сходие со строением метафоры черты. Текст оригинала эквивалентен исходному домену, перевод эквивалентен целевому домену, а сходство воплощается в различных формах перевода и удачном выражении содержания подлинника. Таким образом, стандартом перевода является сходство. Перевод метафоры, как вид перевода, также использует сходство как стандарт качества перевода. Поскольку для метафоры требуются сходие черты или признаки между целевым и исходным доменом, двукратное сходство существует на протяжении всего процесса перевода метафоры.

3.2. Подобные формы в переводе метафоры

Так как объективные знания человечества о мире примерно одинаковы, в русском и китайском языках неизбежно появляются разные формы выражения метафоры с одинаковым или неодинаковым отражением концептуального домена. При переводе на китайский язык эта форма может быть сохранена полностью или частично или не сохранена вообще (т.е. форма содержания исходного текста, его структура и культурная коннотация и т.д. совершенно не сохранены). Для перевода линейного, плоскостного и трёхмерного сходства в конструировании метафоры существуют такие методы перевода, как буквальный перевод, добавление, опущение, замена и комплексный метод. Данные формы сходства и методы перевода позволяют обеспечить соответствующее стандарту качество перевода метафоры.

3.2.1. Линейное сходство в переводе метафоры

Если в точечном конструировании метафоры исходного текста устанавливается только модель «целевой домен 1» или «исходный домен 1», то в переводе возможно установить четыре модели: «целевой домен 1», «исходный домен 1», или «исходный домен 1 и целевой домен 1», или «сходство». При этом следует подчеркнуть, что точечное сходство в конструировании метафоры исходного текста переводится как точечное или линейное сходство или вообще не создаёт метафору в переводе. Конечно, можно использовать такие методы, как буквальный перевод, добавление и замена, но перевод всё равно остаётся на уровне преобразования сходства слов с направленностью, словосочетаний или определённых слов в предложении. При этом сходство в переводе метафоры останется линейным.

1) Если в конструировании метафоры оригинального текста существует только целевой домен 1, то есть два варианта перевода: дословный перевод в соответствующий целевой домен 1 (см. рис. 7-1) или его замена на исходный домен 1 (см. рис. 7-2).

Рис. 7-1

Рис. 7-2

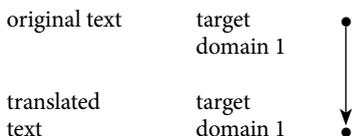

Fig. 7-1

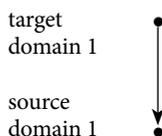

Fig. 7-2

Примечание: Стрелка «↓» — это символ направления перевода (оригинал → переводной текст). Цифра «1» — это элемент оригинала. Цифра «2» — это элемент вне оригинала.

① **меню**

菜单

② Вот **альфа** и **омега** их работы.

这就是他们工作的全部。

Когда слово ① используется в качестве целевого домена, оно имеет единую морфологию с исходным доменом. Термин «меню», широко используемый в IT сфере, имеет сходство со словом «меню» для заказа еды в кафе или ресторане. Поскольку научные концепции, используемые в русском и китайском языках, одинаковы, можно перевести его дословно как 《菜单》. В предложении ② целевой домен «альфа», являющийся названием буквы «α» в греческом алфавите, обозначает исходный домен «начало», а целевой домен «омега» — исходный домен «конец». Поскольку слова «альфа» и «омега» относительно незнакомы китайским читателям, они переводятся на исходные домены 《开始》 и 《结束》. В связи с тем, что выражение 《工作的开始和结束》 не соответствует манере китайского языка, оно заменено на выражение 《工作的全部》.

2) Если в конструировании метафоры исходного текста имеется только исходный домен 1, то в процессе перевода могут возникнуть следующие ситуации: дословный перевод в соответствующий исходный домен 1 (см. рис. 8-1); методом добавления исходный домен 1 переводится на исходный домен 1 и целевой домен 1 (см. рис. 8-2); исходный домен 1 переводится на целевой домен 1 методом замены (см. рис. 8-3); исходный домен 1 переводится на сходство 1 методом замены (см. рис. 8-4). Подробнее см. ниже:

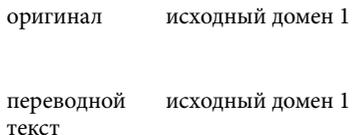

Рис. 8-1

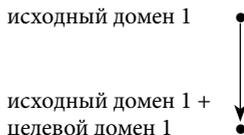

Рис. 8-2

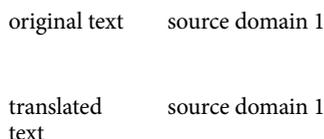

Fig. 8-1

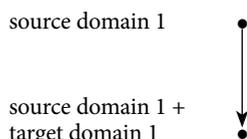

Fig. 8-2

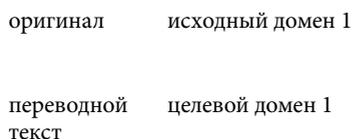

Рис. 8-3

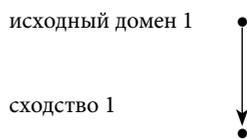

Рис. 8-4

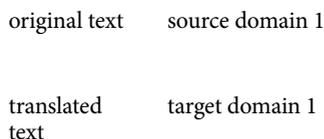

Рис. 8-3

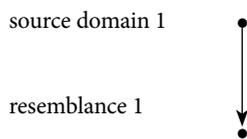

Рис. 8-4

③ Почему она не вышла из **тюрьмы**?
为什么她不从牢笼中跳出来呢?

④ **колыбель революции**
革命的摇篮——彼得堡

⑤ **слёзы** дождя
雨滴

⑥ **одного поля ягоды**
志同道合

В предложении ③ исходный домен «тюрьма» обозначает целевой домен «брак». Как в русском, так и в китайском языках есть метафорическое выражение «брак — это тюрьма», можно сразу понять его смысл без упоминания целевого домена, поэтому его можно перевести как «牢笼». Словосочетание ④ само является исходным доменом. В связи с тем, что всем русским известно, что революция 1905 года, Февральская и Октябрьская революция произошли в Петербурге, поэтому для облегчения понимания китайскими читателями текста, следует перевести не только исходный домен «колыбель революции», но и целевой домен «Петербург». В словосочетании ⑤ исходный домен «слёзы» обозначает целевой домен «капли». Если исходный домен напрямую переведён как «雨泪»,

китайским читателям будет трудно понять его, поэтому он может быть переведён лишь методом замены на целевой домен 《雨滴》. Словосочетание ⑥ используется в качестве исходного домена. Поскольку в китайском языке нет выражения «ягода в поле», поэтому переведено только сходство «единомышленники», которое заменило исходный домен.

3.2.2. Плоскостное сходство в переводе метафоры

Плоскостное сходство в переводе метафоры возникает в случае, если в линейном конструировании метафоры присутствует одна из следующих трёх моделей: «целевой домен 1, исходный домен 1», «целевой домен 1, сходство 1», «исходный домен 1, сходство 1». При плоскостном конструировании метафоры также может появляться модель «целевой домен 1, исходный домен 1 и сходство 1». В перечисленных нами случаях в переводе существуют модели: «целевой домен 1, исходный домен 1», или «целевой домен 1, исходный домен 2», или «целевой домен 1, сходство 1», или «целевой домен 1, исходный домен 1 и сходство 1», или «целевой домен 1, сходство 1», или «целевой домен 1, сходство 2» (синоним сходства 1), или «исходный домен 1, сходство 1», или «целевой домен 1, сходство 1» и др. Следует подчеркнуть, что и линейное, и плоскостное сходство в конструировании метафоры могут переводиться как линейное сходство. Несмотря на возможность использования буквального перевода, замены, опущения и добавления, отражённое или сходное отношение между оригиналом и переводом остаётся на уровне сходного перевода между двумя словами с направленностью, или между двумя и тремя словами с направленностью. Таким образом, перевод метафоры может иметь плоскостное сходство.

1) Если метафора отвечает модели «целевой домен 1, исходный 1», её можно перевести разными способами: буквальный перевод на модель «целевой домен 1, исходный 1» (см. рис. 9-1); перевод на модель «целевой домен 1, исходный домен 2» методом замены (см. рис. 9-2); замена исходного домена 1 сходством 1, сохранение целевого домена 1 (см. рис. 9-3); добавление сходства 1 к модели «целевой домен 1, исходный 1» (см. рис. 9-4). Подробнее см. ниже:

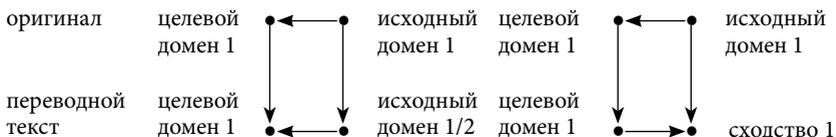

Рис. 9-1/2

Рис. 9-3

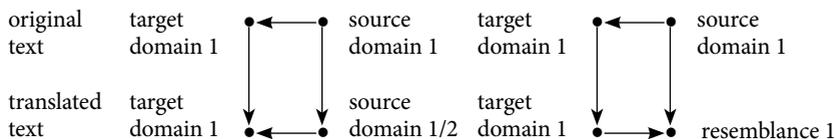

Fig. 9-1/2

Fig. 9-3

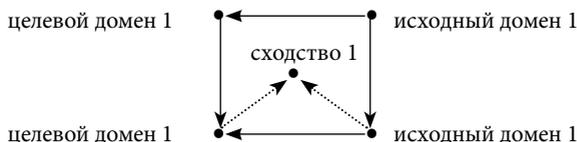

Рис. 9-4

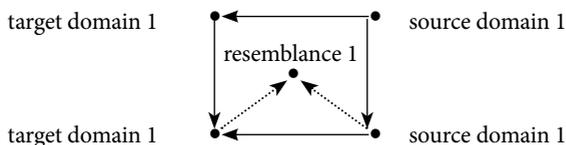

Fig. 9-4

- ⑦ **Ты** славную долю выбрал себе, **сокол**.
你选择了一种光荣的命运, 你这只鹰。
- ⑧ Этот **парень** ест за двоих, **зверь** за работой.
这个小伙子吃饭顶俩, 干起活来象个小老虎。
- ⑨ **Смерть** сына для матери была **казню** души.
儿子的死伤透了母亲的心。
- ⑩ **Религия** — **опиум** для народа.
宗教是毒害人民的鸦片。

В предложении ⑦ целевой домен выражен словом «ты», а исходный домен — «сокол». Поскольку, в данном случае можно использовать буквальный перевод целевого домена «你» и исходного домена «鹰», так как и у русских, и у китайских читателей есть похожая когнитивная конструкция. В предложении ⑧ целевым доменом является слово «парень», а исходным доменом — «зверь». В русском языке слово «зверь» обозначает трудолюбивого и сильного человека, а в китайском языке является словом с отрицательной коннотацией, что не соответствует смыслу оригинала, поэтому следует сохранить только целевой домен «парень», заменив поверхностный смысл исходного домена его глубинным смыслом «тигрё-

нок». В предложении ⑨ «смерть» — целевой домен, а исходный домен — «казнь», имеющие общее сходство «страдать». Буквальный перевод 《儿子的死是对母亲心灵的判刑。》, не понятен китайским читателям, поэтому исходный домен исключается, а переводится только сходство. В предложении ⑩ целевой домен — «религия», а исходный домен — «опиум». Их общая черта — отравление людей. Для подробного выражения семантики сходство также следует перевести на китайский язык.

2) При переводе модели конструирования метафоры «целевой домен 1, сходство 1» возможны следующие варианты: дословный перевод (см. рис. 10-1); замена на модель «целевой домен 1, сходство 2» (см. рис. 10-2). Подробнее см. ниже:

Рис. 10-1

Рис. 10-2

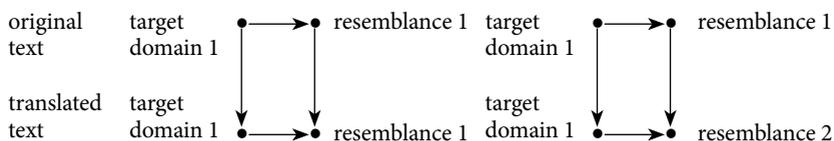

Fig. 10-1

Fig. 10-2

⑪ Умереть страшно, если ты живёшь в себе и для себя. Если **лес живой**, дерево, умирая, не умирает.

假如你囿于自我, 只为自己活着, 死是可怕的。假如森林活着, 树木则虽死犹生。

⑫ Студенты в обычные дни — ничего, «**розовыми**».

大学生们平日里无所事事, 红光满面。

В предложении ⑪ имеется только целевой домен «лес» и сходство «живой», а исходный домен «человечество» отсутствует. Поскольку исходный домен есть в контексте, можно использовать буквальный перевод без учёта исходного домена. В предложении ⑫ существуют целевой домен «студенты», сходство «розовые», отсутствует исходный домен «цветы». В китайском языке сходство 《粉红色》 сложно для восприятия китайскими читателями, поэтому в процессе перевода оно заменяется на 《红光满面》.

3) Если метафора конструируется по модели «исходный домен 1 и сходство 1», то возможны следующие варианты перевода: буквальный перевод (см. рис. 11-1); замена на модель «целевой домен 1, сходство 1» (см. рис. 11-2). Подробнее см. ниже:

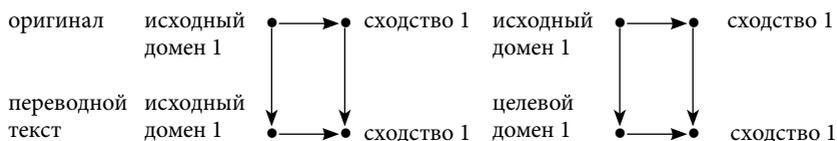

Рис. 11-1

Рис. 11-2

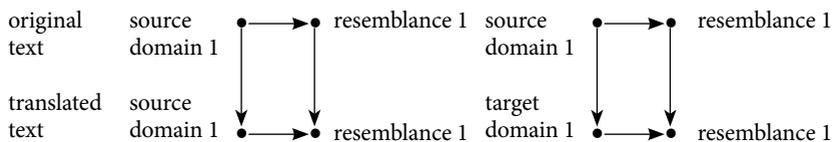

Fig. 11-1

Fig. 11-2

⑬ Какая страшная надстройка!

多么可怕的上层建筑!

⑭ Прошёл свой путь от тракториста до секретаря райкома. Тяжёлый хлеб...

他从一个拖拉机手到区委书记一路走来。谋生艰难啊.....。

В предложении ⑬ исходный домен «надстройка» и сходство «страшная», а целевой домен отсутствует. Для эффекта оригинальности выражения возможно опускание целевого домена в русском и китайском текстах, поэтому его можно буквально перевести как «可怕的上层建筑». В предложении ⑭ исходный домен «хлеб» и сходство «тяжёлый». Так как хлеб не относится к списку основных продуктов питания китайцев, буквальный перевод невозможен, только замена исходного домена «面包» целевым доменом «谋生», соответствующим манере китайского языка.

4) Если при конструировании метафоры появляется модель «целевой домен 1, исходный домен 1 и сходство 1», то в переводе возможны два варианта: перевод методом опущения до модели «целевой домен 1 и сходство 1» (см. рис. 12-1); перевод методом опущения до модели «целевой домен 1, исходный домен 1» (см. рис. 12-2). Подробнее см. ниже:

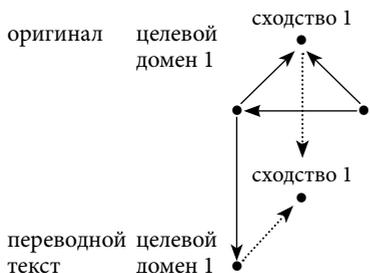

Рис. 12-1

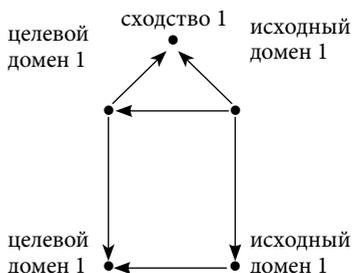

Рис. 12-2

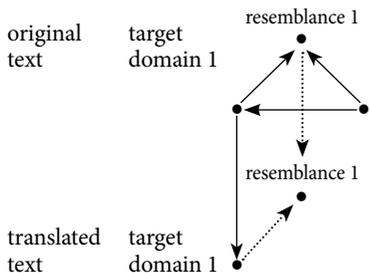

Fig. 12-1

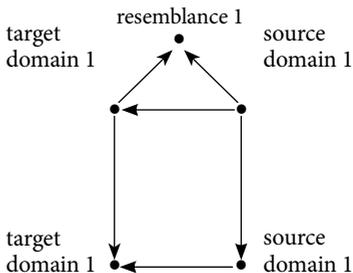

Fig. 12-2

⑮ Все эти пламенные речи оказались лишь **пустым сотрясением воздуха**.

所有这些慷慨激昂的演说，原来只不过是空喊一通。

⑯ Она сама была **парень в юбке**.

她是个具有男子汉气概的姑娘。

В предложении ⑮ целевой домен «речи», исходный домен «сотрясение воздуха» и сходство «пустой». Поскольку сходство «пустой» и слово «воздух» в исходном домене в китайском языке тождественны, исходный домен удаляется. В предложении ⑯ целевой домен «она», исходный домен «парень» и сходство «в юбке». Общеизвестно, что местоимение «она» указывает на «девушку», в данном примере нет необходимости переводить сходство.

3.2.3. Трёхмерное сходство в переводе метафоры

Если в плоскостном конструировании метафоры появляется модель «целевой домен 1, исходный домен 1 и сходство 1», то в переводе возможны модели «целевой домен 1, исходный домен 1 и сходство 1» или модель «целевой домен 1, исходный домен 2,

сходство 1». Следует подчеркнуть, что плоскостное сходство в конструировании метафоры полностью отражается в переводе. Хотя возможны буквальный перевод и метод замены, но отражённое или сходное отношение между оригиналом и переводом остаётся на уровне сходного перевода между тремя словами и тремя словами с направленностью. Таким образом, перевод метафоры также демонстрирует трёхмерное сходство.

Если в конструировании метафоры появляется модель «целевой домен 1, исходный домен 1 и сходство 1», то в переводе возможны следующие варианты: дословный перевод (см. рис. 13-1); замена на модель «целевой домен 1, исходный домен 2 и сходство 1» (см. рис. 13-2). Подробнее см. ниже:

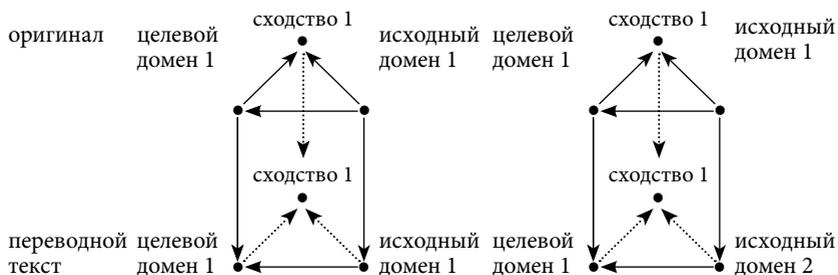

Рис. 13-1

Рис. 13-2

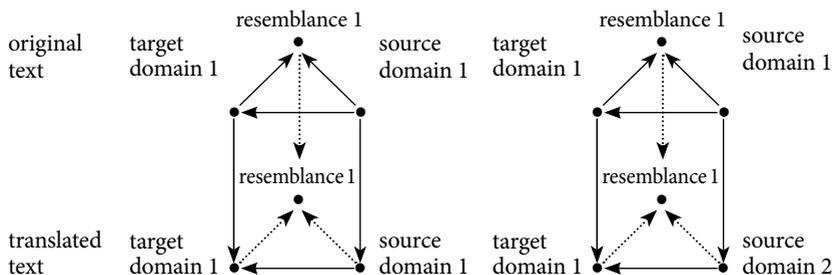

Fig. 13-1

Fig. 13-2

⑰ Он был ужасный петух.

他可是只好斗的公鸡。

⑱ Гейне как-то сказал: «Честность — прекрасная вещь, если кругом все честные, а я среди них жулик».

海涅说过：“如果周围所有的人都是诚实的，而其中唯独我是骗子，诚实才是优秀的品德。”

В предложении ⑰ целевой домен «он», исходный домен «петух» и сходство «ужасный» переводятся как 《他》, 《公鸡》 и 《好斗》. сравнивает «его» с петухом для выражения скрытого смысла «у него петушиный характер». В предложении ⑱ целевой домен «честность», исходный домен «вещь» и сходство «прекрасная». По контексту исходный домен «вещь» следует переводить как 《品德》.

Результаты исследований в области перевода метафоры показывают следующее. Во-первых, с точки зрения форм сходства перевода метафоры, существует также шесть моделей конструирования метафоры. Во-вторых, метафорические элементы оригинала различны, но метафорические элементы перевода одинаковы. Как показано на рис. 9-1 и рис. 12-2, в конструировании метафоры могут появляться «целевой домен 1, исходный домен 1» и «целевой домен 1, исходный домен 1, сходство 1», а в конструировании метафоры перевода возможна модель «целевой домен 1, исходный домен 1». Как показано на рис. 9-3, рис. 10-1, рис. 11-2, рис. 12-1, такие модели конструирования метафоры как «целевой домен 1, исходный домен 1», «целевой домен 1, сходство 1», «исходный домен 1, сходство 1», «целевой домен 1, исходный домен 1 и сходство 1» в переводе представлены моделью «целевой домен 1, сходство 1». Как показано на рис. 9-4 и рис. 13-1, модели конструирования метафоры «целевой домен 1, исходный домен 1» и «целевой домен 1, исходный домен 1, сходство 1», в конструировании метафоры переводного текста представлены моделями «целевой домен 1, исходный домен 1 и сходство 1». В-третьих, точечное сходство в конструировании метафоры оригинала преобразуется в точечное или линейное сходство в переводе; линейное или плоскостное сходство в конструировании метафоры при переводе трансформируется в линейное сходство; плоскостное сходство в конструировании метафоры исходного текста остаётся без изменений. В-четвёртых, как показано на рис. 8-3, в конструировании метафоры оригинала имеется модель «исходный домен 1», а в переводе она заменяется на «сходство 1», которое не является метафорой.

4. Вывод

Исследования перевода метафоры являются важной частью исследований перевода. Перевод метафоры проходит двукратный процесс сходства — внутриязыковое и межъязыковое сходство. Основа конструирования метафоры и стандарт перевода метафоры — это сходство. В переводе метафоры в основе получения линейного, плоскостного и трёхмерного сходств лежат точечное,

линейное и плоскостное сходство в конструировании метафоры. Основываясь на перечисленных 6 моделях в конструировании метафоры, настоящая статья выводит 18 форм перевода метафоры (см. рис. 7-1 и 13-2) и предлагает 4 метода перевода: буквальный перевод, добавление, опущение и метод замены. Перевод метафоры — это очень сложный когнитивный процесс, требующий как логических рассуждений, так и образного мышления. Эффект перевода метафоры зависит от понимания внутриязыкового сходства и межъязыкового сходства, поэтому суть перевода метафоры заключается в её двукратном сходстве.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: «Языки русской культуры», 1999. 346 с.
- Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с.
- Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. 2-е изд. М.: Издательство Московского университета, 2007. 544 с.
- Фёдоров А.В. Основы общей перевода. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
- 王文斌. 再论隐喻中的相似性(J). 四川外语学院学报, 2006 (2). С. 125–130.
- Ван Вэньбинь. Повторное обсуждение сходства в метафоре (J). Вестник Сычуаньского института иностранных языков, 2006 (2). С. 125–130.
- 王寅. 认知语言学(M). 上海: 上海外语教育出版社, 2007: 681.
- Ван Инь. Когнитивная лингвистика (М). Шанхай: Шанхайское издательство по обучению иностранным языкам, 2007. 681 с.
- 辜正坤. 翻译标准多元互补论(J). 中国翻译, 1989 (1). С. 16–20.
- Gu Чжэнкунь. Теория плюралистической дополнительнойности стандартов перевода (J). Китайский перевод, 1989 (1). С.16–20.
- 李善廷. 论隐喻的相似性(J).中国俄语教学, 2008 (1). С. 21–24.
- Ли Шаньтин. О сходстве метафоры (J). Русский язык в Китае, 2008 (1). С. 21–24.
- 马明. 隐喻相似性及其认知研究(J). 东北大学学报(社会科学版), 2005(5). С. 387–390.
- Ма Мин. Метафорическое сходство и его когнитивные исследования (J). Вестник Северо-Восточного университета. Серия: социальные науки, 2005 (5). С. 387–390.
- 彭玉海. 俄语动词概念隐喻的认知运作分析(J). 外国语文, 2022 (4). С. 87–95.
- Пэ Юйхай. Анализ когнитивного механизма концептуальной метафоры глагола в русском языке(J). Журнал иностранных языков, 2022 (4). С. 87–95.
- 孙秋花. 隐喻相似性的思维生成机理与语言理解机制(J). 学术交流, 2014 (9). С. 138–142.

Сунь Цюхуа. Механизм мыслительного нахождения и понимания языковых выражений сходства метафоры (J). Журнал академического обмена, 2014 (9). С. 138–142.

薛海滨. “忠”还是“不忠”: 翻译与改写的家族相似性 (J). 上海理工大学学报(社会科学版), 2012 (2). С. 108–111.

Сюе Хайбинь. «Верный» или «неверный»: семейное сходство между переводом и переписыванием (J). Вестник Шанхайского научно-технического университета, серия: социальные науки, 2012 (2). С. 108–111.

黄忠廉. 翻译方法论(M). 北京: 中国社会科学出版社, 2009: 278.

Хуан Чжунлян. Методология перевода (M). Пекин: Издательство китайских социальных наук, 2009. 278 с.

张光鉴, 高林生, 张菀竹. 科学教育与相似论(M). 南京: 江苏科学技术出版社, 2000: 351.

Чжан Гуанцзянь, Гао Линьшэн, Чжан Вэньчжу. Научное образование и теория сходства (M). Нанькин: Цзянсуское научно-техническое издательство, 2000. 351 с.

周美立. 相似性科学(M). 北京: 科学出版社, 2004: 330.

Чжоу Мэйли. Наука сходства (M). Пекин: Научное издательство, 2004. 330 с.

束定芳. 隐喻学研究(M). 上海: 上海外语教育出版社, 2000: 280.

Шу Динфан. Исследования метафор(M). Шанхай: Шанхайское издательство по обучению иностранным языкам, 2000. 280 с.

Lakoff & Johnson. *Metaphors We Live by*. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 148 с.

References

Arutjunova N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka = Language and the Human World*. 2-e izd., ispr. Moscow: “Jazyki russoj kul'tury”. 346 p. (In Russian).

Barkhudarov L.S. (1975) *Yazyk i perevod = Language and translation*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. 240 p. (In Russian).

Fjodorov A.V. (1983) *Osnovy obshhej perevoda = Fundamentals of the General theory of translation*. Moscow: Vysshaja shkola. 303 p. (In Russian).

Garbovskij N.K. (2007) *Teoriya perevoda: uchebnik = Translation theory: textbook*. 2-e izd. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 544 p. (In Russian).

Lakoff & Johnson. (1980) *Metaphors We Live by = Metaphors We Live by*. Chicago: The University of Chicago Press. 148 p. (In English).

辜正坤. 翻译标准多元互补论(J). 中国翻译, 1989 (01): 16–20.

Gu Zhengkun. (1989) *The Theory of Multiple Complementarity of Translation Standards*(J). Chinese Translation, (01), pp. 16–20 (In Chinese).

黄忠廉. 翻译方法论(M). 北京: 中国社会科学出版社, 2009: 278.

Huan Zhonglian. (2009) *Methodology of Translation* (M). Beijing: China Social Science Press. 278 p. (In Chinese).

李善廷. 论隐喻的相似性(J). 中国俄语教学, 2008(01): 21–24.

Li Shanting. (2008) On the Similarity of Metaphors (J). *Russian Language Teaching in China* (01), pp. 21–24 (In Chinese).

马明. 隐喻相似性及其认知研究(J). *东北大学学报(社会科学版)*, 2005(05): 387–390.

Ma Ming. (2005) A study of metaphorical similarity and its cognition(J). *Journal of Northeastern University (Social Science Edition)*, (05), pp. 387–390 (In Chinese).

彭玉海. 俄语动词概念隐喻的认知运作分析(J). *外国语文*, 2022(04): 87–95.

Peng Yuhai. (2022) Analysis of the cognitive operation of conceptual metaphors of Russian verbs (J). *Foreign Languages*, (04), pp. 87–95 (In Chinese).

束定芳. 隐喻学研究(M). 上海: 上海外语教育出版社, 2000: 280.

Shu Dingfang. (2000) *Studies in Metaphor* (M). Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press. 280 p. (In Chinese).

孙秋花. 隐喻相似性的思维生成机理与语言理解机制(J). *学术交流*, 2014 (09): 138–142.

Sun Qiuhua. (2014) Mechanisms of thought generation and language comprehension for metaphorical similarity (J). *Academic Communication*, (09), pp. 138–142 (In Chinese).

薛海滨. “忠”还是“不忠”: 翻译与改写的家族相似性 (J). *上海理工大学学报(社会科学版)*, 2012 (02): 108–111.

Xue Haibin. (2012) “Faithful” or “Unfaithful”: Family resemblance between translation and rewriting (J). *Journal of Shanghai University of Technology (Social Science Edition)*, (02), pp. 108–111 (In Chinese).

王文斌. 再论隐喻中的相似性(J). *四川外语学院学报*, 2006 (02): 125–130.

Wang Wenbin. (2006) Re-discussing Similarity in Metaphor. *Journal of Sichuan Institute of Foreign Languages*, (02), pp. 125–130 (In Chinese).

王寅. 认知语言学(M). 上海: 上海外语教育出版社, 2007: 681.

Wang Yin. (2007) *Cognitive Linguistics* (M). Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press. 681 p. (In Chinese).

张光鉴, 高林生, 张菡竹. 科学教育与相似论(M). 南京: 江苏科学技术出版社, 2000: 351.

Zhang Guangjian, Gao Linsheng, Zhang Wanzhu. (2000) *Science Education and Similarity Theory*(M). Nanjing: Jiangsu Science and Technology Press. 351 p. (In Chinese).

周美立. 相似性科学(M). 北京: 科学出版社, 2004: 330.

Zhou Meili. (2004) *The science of similarity* (M). Beijing: Science Press. 330 p. (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Сунь Цюхуа — доктор наук, доцент, замдиректора института русского языка Хэйлуунцянского университета, Китай, пров. Хэйлуунцян, Харбин, район Наньган, улица Сюфулу № 74, Хэйлуунцянский университет, главный корпус А424, 150080; sunqiuhua15@163.com

ABOUT THE AUTHOR:

Sun Qiuhua — PhD, Associate Professor at the Institute of the Russian Language, Heilongjiang University, A424, Main Building, Heilongjiang University, No. 74, Xuefu Road, Nangang District, Harbin, Heilongjiang Province, China150080; sunqiuhua15@163.com

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-55-67

ПОНЯТИЙНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ГЛАГОЛОМ “TO SUGGEST” В АНГЛИЙСКОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ

Юлия Владимировна Васильева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Для контактов: Julia_vasilyeva@icloud.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопроса перформативности английских глаголов и, в частности, анализу конструкций, содержащих глагол *to suggest* в английской научной речи, с целью выявления его понятийных особенностей и отнесения данного глагола к разряду перформативных. Практическая значимость работы связана с тем фактом, что анализу подвергается также роль сопутствующих модальных операторов (в данной работе — *may* и *can*) с целью выявления взаимозависимых факторов влияния формулы перформативности и модальности высказывания в концептуальном аспекте.

В модели описываются основные подходы к изучению перформативности, представленные Дж. Остином, Э. Бенвенистом, Л.Н. Мурзиным и Э.А. Белоглазовой, даётся обоснование прямой корреляции между интенцией высказывания и выбором соответствующей грамматической формы. В статье представлена классификация иллокутивных актов, предложенная Ю.М. Сулеймановой, в которой выделяется три различных иллокутивных типа, закладывающих основу перформативности. Посредством методов наблюдения и системного анализа в работе описываются характеристики глагола *to suggest* с целью выявления свойств, позволяющих отнести данный глагол к разряду косвенно ассертивных в соответствии с классификацией Ю.М. Сулеймановой.

С учётом вышеупомянутых факторов в данной статье исследуется аспект модальности как непосредственной составляющей англоязычных высказываний научной речи с превалирующим маркером, заложенным в глаголе *to suggest* и представляющим собой перформативную формулу на основании полученных результатов исследования. Таким образом, производится оценка перспектив значимости аспекта модальности в научном дискурсе с прослеживанием функциональной связи между реципиентом и продуцентом сообщения, а также средствами экспликации интенций последнего.

Ключевые слова: перформативность, перформативный глагол, модальные глаголы, эпистемическая модальность, научный дискурс, иллокутивный акт, иллокутивная сила

Для цитирования: Васильева Ю.В. Понятийная особенность перформативных высказываний с глаголом “to suggest” в английской научной речи // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022. № 3. С. 55–67. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-55-67

Статья поступила в редакцию 28.12.2021;
одобрена после рецензирования 11.10.2022;
принята к публикации 11.11.2022.

NOTION-RELATED FEATURES OF THE PERFORMATIVES COMPRISING THE VERB “TO SUGGEST” IN ENGLISH ACADEMIC DISCOURSE

Julia V. Vasilyeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: Julia_vasilyeva@icloud.com

Abstract. The article dwells upon the study of speech acts produced within the frames of the English academic discourse wherein the illocutionary act represents an ultimate unit to consider. Hence, there is an attempt made herein to look into the notion of performativity of English verbs, with the verb “to suggest” being an integral part of the English modals *can/may*-comprising constructions and playing a key role in this analysis. The field of this study is dedicated to the semantics of an event in academic medical discourse, aimed at revealing the possible trends for mental representations in the course of medicine-related texts reading as well as modelling possible scenarios of such events and their occurrence.

The aforementioned information with due account of such terms as plausibility, certainty and likelihood that are of high importance when it comes to the medicine and health-related topics, brings across the purpose of this study. This work is thus aimed at proving (and finding the corresponding evidence or reasoning) the fact that the verb “to suggest” belongs to the performative ones. Such methods as due observation and systematic analysis help us reveal the comprehensive properties of the verb “to suggest” as a basis underlying the author’s intentions and representing the new special type of performatives named “implicitly assertive” as suggested by Y.M. Suleymanova in her study dedicated to the performative types.

In the course of this study, we consider a handful of possible scenarios with can/may-comprising constructions following the main clause introduced by the verb “to suggest” and apply the theory of speech acts developed by J. Austin. The findings we obtain herein bring us to the conclusion that the verb “to suggest” should be referred to as a performative verb, belonging to the so named class of “implicitly assertive performatives”.

Keywords: performativity, performative verb, modal verbs, epistemic modality, academic discourse, illocutionary act, illocutionary force

For citation: *Vasilyeva Ju. V.* (2022) Notion-related features of the performatives comprising the verb “to suggest” in English academic discourse. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies.* 3. P. 55–67. DOI: 10.5959/MSU2074-6636-22-2022-3-55-67

This article was submitted on December 28.2021;
approved after reviewing on October 11.2022;
accepted for publication on November 11.2022.

Введение

В современных условиях внимание лингвистов всё больше сосредотачивается на проблемах определённых видов дискурса и, в частности, научного дискурса: это продиктовано практической значимостью его моделирования, а также функционально-смысловым содержанием его компонентов, создавая потребность исследования модальности и соответствующих модальных операторов.

Проблема вероятности событий, обозначенных в английской речи посредством эпистемической, деонтической и иных видов модальности, рассматривается российскими и зарубежными учёными-лингвистами на материале в основном художественной литературы. Однако, научный дискурс по-прежнему является недостаточно исследованным с точки зрения степени интенсив-

ности интенции утверждений, заложенной в нём имплицитно или эксплицитно и выраженной с помощью модальности, по причине вариативности оттенков значения, разнообразных пограничных случаев употребления и контекста. Академическая английская речь, речь языка медицины являются предметом данного исследования и представляют собой наиболее актуальную составляющую информационного поля, детерминированного своей комплексностью и динамичностью развития, а также степенью достоверности своего содержания.

Материалы и методы

Определение доминирующей позиции потенциально перформативного предиката и степени его принадлежности к модальной рамке всего высказывания в научном дискурсе является перво-степенной задачей данной работы. Предполагается, что выявленные закономерности концептуализации событий, связанных с медициной и сферой здравоохранения и обусловленных определёнными видами речевого намерения не на поверхностном, а на глубинном уровне раскроют возможности репрезентации значений модальных операторов и их непосредственное воздействие на восприятие человека. Комплексный анализ событийной семантики модальных глаголов английской академической речи, проведённый на основе материалов, опубликованных специализированными научными изданиями, и лежащий в основе речевого воздействия на читателя, позволит оценить перспективы значимости аспекта модальности в научном дискурсе и проследить функциональную взаимосвязь между реципиентом и продуцентом сообщений и средствами экспликации интенций последнего. Материалом для данной работы послужила актуальная статья “COVID-19 and Cancer: Current Challenges and Perspectives” (<https://doi.org/10.1016/j.cell.2020.09.018>).

Актуальность

Данное лингвистическое исследование нацелено на изучение речевых актов, составляющих основу языкового общения языка медицины, при воспроизведении которых особое значение отводится понятию иллюкутивного акта — минимальной единицы языкового общения. Отметим, что наиболее важный признак отличия иллюкутивного акта от локутивного есть его интенциональность. Под интенциональностью понимается связанность самого речевого акта с определённой целью или намерением; одновременно с этим, мы можем противопоставлять иллюкутивный акт перлокутивно-

му ввиду наличия определённых правил, соответствие которым является залогом успешного осуществления данного акта, т.е. по признаку конвенциональности.

Литературный обзор

Дж. Остин был первым, кто сформулировал проблему перформативного высказывания в рамках теории речевых актов, выделив понятие иллокутивного акта как основы перформативности. Напомним, что перформатив по Дж. Остину — высказывание, эквивалентное действию, поступку (Austin, 1962: 9). Таким образом, отождествляя само действие непосредственно с высказыванием об этом действии, учёный относит традиционно перформативное высказывание и к языковому факту, и факту действительности.

Дж. Остином были выделены следующие признаки перформативности высказывания:

1. Перформативный глагол в форме 1-го лица, единственного числа, настоящего времени, изъявительного наклонения, активного залога;
2. Использование перформативных высказываний для обозначения только тех событий, которые именованы посредством перформативных глаголов;
3. Не являясь констатацией фактов как таковой, перформативные высказывания не могут обладать ни истинным, ни ложным значением (Austin, 1962: 10).

Своё несогласие с подобной трактовкой перформативности одним из первых выразил Э. Бенвенист, который высказывает категорическое возражение подобного определения перформативности и предлагает не разграничивать речевые акты на эксплицитно и имплицитно-перформативные, но ввести своеобразную характерную черту-свойство перформативного высказывания — автореферентность. Свою теорию учёный выдвигает за счёт необходимости признания перформативного высказывания как факта языка (языкового факта), в силу того, что его произносят, так и факта действительности — в силу того, что само по себе оно априори отождествляет осуществление действия (Бенвенист, 1974: 308).

Тем не менее, в лингвистике имеет место иное направление, представители которого оценивают формулу перформативности под другим углом зрения. Так, согласно мнению группы учёных — сторонников данного течения, в лингвистике любое сложное предложение, отображающееся по формуле: «Я говорю тебе, что...», то есть повествующее о сложноподчинительной связи между

адресатом сообщения и самим сообщением, представляет собой перформативное высказывание. Представители данной теории сопоставляют понятие перформативности и владения речевым исполнением в рамках абсолютизации всех задействованных сторон речевого действия и обобщают мыслительную и речевую деятельность, характеризуя оба вида активности такими перформативными маркерами, как *to believe, to expect, to say, to suppose, to think, to assert* (Мурзин, Белоглазова, 1980: 63; Ross, 1970: 225).

В данном исследовании мы будем придерживаться указанного выше тезиса о том, что любое высказывание несёт в себе признак перформативности, где все перформативные глаголы выражают «в общем одну коммуникативную целенаправленность высказывания — сказать что-либо» (Мурзин, Белоглазова, 1980: 65). Тем не менее, чтобы избежать элиминации оппозиции перформативность/неперформативность, лишаящей саму перформативность основания для существования, в качестве неотъемлемой составляющей перформативного высказывания мы будем использовать понятие интенциональности.

А.В. Бондарко был первым, кто обосновал прямую корреляцию между намерением говорящего и выбором грамматической формы, выполняющей некую соответствующую данному контексту семантико-прагматическую функцию. По мнению учёного, существует два основополагающих аспекта интенциональности: 1) аспект актуальной связи данного значения с намерениями говорящего в акте речи; 2) аспект смысловой информативности (Бондарко, 1998: 63).

Учитывая исследование Е.А. Филимоновой о прототипическом подходе к классификации иллокутивных актов, Ю.М. Сулейманова выступает с предложением выделить три основных подкласса, а именно:

1. Иллокутивные типы, представляющие собой класс асертивов (собственно глаголы утверждения);
2. Иллокутивные типы, которые обладают двумя или несколькими иллокутивными функциями, каждая из которых может доминировать в зависимости от контекста (сюда относятся косвенно утвердительный подтип глаголов);

Наше исследование нацелено на определение способов выражения определённых видов речевого намерения, заложенных на глубинном уровне продуцентами сообщений — авторами научных статей. В свете максимальной важности, отведённой достоверности событий, изложенных в научных изданиях, наблюдается тенденция к использованию второго иллокутивного типа, при котором Ю.М.

Сулейманова предлагает называть такие глаголы *ситуативно утвердительными* (косвенно ассертивными) и относить к ним: *to agree, to understand, to consider, to call, to declare, to remark, to witness, to answer, to know, to illustrate, to testify, to believe, to mention, to swear, to postulate, to approve, to note, to mean* и др. (Сулейманова, 2010: 91). Употребление косвенно ассертивных глаголов снизит степень интенсивности ассертивной интенции и — как следствие — степень ответственности автора за представленные выводы. Рассмотрим пример:

*In this situation data **suggest** that it is best to observe for a period of time and monitor for COVID-19 symptomatology prior to administering treatment.*

*Evidence **suggests** that patients with cancer **are more likely to be infected** by SARS-CoV-2, **more likely to develop** a severe COVID-19 infection, and **more likely to die** as a result of COVID-19.*

Д.В. Спиридонов и П.Ю. Фофанова констатируют вариативность условий, служащих предпосылкой для развития в высказываниях предрасположенности к перформативности. Так, учёные ссылаются на следующие составляющие: фонологические (интонационной структуры высказывания), прагматические (о так называемых условиях успешности писал Austin (Austin, 1962: 14), семантические («перформативной пригодности» сочетаний языковых единиц), лексические (употребления перформативных глаголов и устойчивых сочетаний) и синтаксические (валентности перформативных глаголов и устойчивых глагольных выражений; положение клаузы, содержащей перформатив, в структуре предложения) (Спиридонов, Фофанова, 2015: 68).

Дж. Серль называет перформативы не иначе как «индикаторами иллюкутивной силы», которая распространяется на всё предложение (proposition), представленное в виде схемы: (Force (proposition)), или $F(p)$ (Searl, 1969: 30). Взяв для примера один из наиболее прототипических случаев, мы можем отнести перформатив к модальному компоненту семантики высказывания (выражаемую при помощи модальных глаголов *can, must, should* и др.), и отразить её знаком F в схеме Дж. Серля, что будет являться индикатором пропозициональной части, то есть p у Серля и соответствовать полноценной формуле перформативного высказывания. Тем не менее, в нашем исследовании мы рассматриваем глаголы других классов, которые также используются для реализации ассертивной интенции, в частности, мы подвергаем анализу ситуативно утвердительный глагол “to suggest”. Приведём примеры:

*In addition, endothelial cells also express the ACE2 receptor, and viral inclusions have been demonstrated in endothelial cells of patients with COVID-19, **suggesting** that viral endotheliopathy and microcirculatory dysfunction **can** further **contribute** to the thrombotic complications seen in patients with COVID-19.*

*Furthermore, others **suggest** that health disparities with regard to cancer care **are more likely to become** accentuated during COVID-19 crisis due to socioeconomic factors and decreased access to telehealth services.*

Данные высказывания расцениваются как перформативные в силу того, что выражают предположение, т.е. их потенциальная перформативность интерпретируется как косвенный речевой акт. В приведённых примерах употреблён косвенно ассертивный глагол “*to suggest*”, который, согласно теории Дж. Серля, мог бы выражаться в перформативной формуле (*Assumption (proposition)*) или A (p). Предположение, диктующее дальнейший сценарий развития событий посредством глагола *to suggest*, является подтверждением иллюкутивной цели предположения, раскрываемого продуцентом через сложноподчинительную связь.

Как мы можем убедиться из приведённых примеров, ни один из индикаторов иллюкутивной силы самостоятельно не может расцениваться как семантически полный, так как не содержит в себе ассертивной составляющей, что подразумевает обязательное наличие пропозиционального содержания, в большинстве случаев выражаемого посредством дополнительного придаточного предложения, вводимого через *that*. В таком случае полная схема события иллюстрируется следующим образом: (*assumption Suggesting (proposition that X can contribute)*). Принимая во внимание фактор модальности — слабую эпистемическую возможность, заложенную в модальном глаголе *can*, и иллюкутивную цель предположения, выражённую через глагол *to suggest*, мы отмечаем важность фактора перформативности высказывания и заниженную степень интенсивности интенции утверждения. Сравним далее:

*Available data **suggest** that, once symptoms have resolved, persistent viral shedding **can be observed** for up to 66 days, leading to positive PCR tests after recovery.*

*There is evidence **to suggest** that the immune response to SARS-CoV-2 **can play** different roles.*

*Hence, we **conjectured** that the dead Malayan pangolins **may carry** a new CoV closely related to SARS-CoV-2.*

Даже если из многочисленного спектра всех возможных значений глагола *to conjecture* мы выбираем нейтральное, выраженное в индикаторе иллюкутивной цели под названием *Assumption*, в

первую очередь на себя обратит внимание тот факт, что пропозициональная часть данного сложноподчинительного предложения раскрывается через модальный глагол *may*. Напомним, что модальный оператор *may* является индикатором сильной эпистемической возможности, более вероятностного оттенка наступления события. Отразим перформативную формулу как (*statement Conjectured (proposition that X may carry)*).

Так, Дж. Байби и С. Флейшман в отношении концептуальной дифференциации значений глаголов *can* и *may* выступают с предложением своеобразной шкалы, отражающей приверженность говорящего к истинности пропозиции через пропозицию возможности (глагол *can*) и вероятности (*may*), подчеркивая более высокий статус приверженности к истине именно у глагола *may* (Bybee, Fleischman, 1995: 65).

Дж. Лич рассуждает о существовании различных степеней эпистемической возможности, относя глагол *may* к фактуальной возможности, а глагол *can* — к теоретической и высказывая предположение о том, что глагол *may* более свойственен более формальному контексту, а именно — академической письменной речи, в то время как глагол *can* характерен для высказываний общего характера (Leech, 1971: 82). Тем не менее, в рамках исследования научных статей, посвящённых теме COVID-19 и, в частности, статье, подвергающейся лингвистическому анализу в данной работе, вышеупомянутое предположение учёного может быть опровергнуто с учётом превалирующего числа случаев употребления именно глагола *can* и весьма ограниченного — глагола *may*.

Примечательно также, что в исследуемых нами материалах прослеживается тенденция обезличивания глагола *to suggest* как индикатора иллюкативной силы:

*In addition, endothelial cells also express the ACE2 receptor, and viral inclusions have been demonstrated in endothelial cells of patients with COVID-19, **suggesting** that viral endotheliopathy and microcirculatory dysfunction **can** further **contribute** to the thrombotic complications seen in patients with COVID-19.*

*In fact, there are early signals to this effect from certain studies of patients with cancer and COVID-19, with one study **suggesting** that Black patients with cancer are half as likely to receive remdesivir for COVID-19 compared with White patients.*

В то время, как глагол *to conjecture* употреблён в 1 л. мн.ч прошедшего времени, что в традиционной теории речевых актов является одним из основных средств выражения речевого намерения

продуцента, значительная часть выражений, содержащих глагол *to suggest* вообще употребляется в сослагательном наклонении, снимая тем самым ответственность с лица/лиц, делающих то или иное предположение в рамках научных изысканий:

*ACE2 expression in lung tissue, where it is thought to play a key role in SARS-CoV-2 infection, **has been suggested** to increase with age.*

*Given that multiple host proteins **have been suggested** to play a key role in SARS-CoV-2 infection, their expression patterns and the modulators of their expression have been recently studied.*

Как отмечает Жан-Кристофер Верстрет в своей работе “Subjective and objective modality: Interpersonal and ideational functions in the English modal auxiliary system”, перформативность, являющаяся признаком субъективной модальности, отличается от традиционной перформативности, которая ассоциируется, как правило, с иллокутивной силой высказывания. По мнению исследователя, такая перформативность, связанная с иллокутивной силой высказывания, относится к факту о том, что воспроизведение высказывания приводит к появлению определённой интерактивной роли говорящего по отношению к собеседнику (читающему/слушающему) (Verstraete, 2001: 1520). Так, к примеру, делая обещание, говорящий накладывает на себя обязательство перед собеседником (читающим/слушающим); при постановке вопроса говорящий ставит себя в своего рода асимметричное относительно положение знания ситуации, имеющегося между ним самим и собеседником, что подразумевает социальное взаимодействие между говорящим и слушающим и позволяет отнести подобный вид предикатных отношений к так называемой интерактивной перформативности. В оппозиции этому виду находится перформативность, связанная с субъективной модальностью, которая не устанавливает категорию взаимоотношений «Я» и «Ты» в контексте дискурса, однако, она накладывает определённую ответственность на говорящего по отношению к пропозициональной части высказывания.

Результаты

Приведённые изыскания (а также количественный анализ, подтверждающий частоту использования глагола *to suggest* в научных статьях) иллюстрируют тот факт, что предположение, диктующее дальнейший сценарий развития событий посредством глагола *to suggest*, является подтверждением иллокутивной цели предполо-

жения, раскрываемого продуцентом через сложноподчинительную связь. Таким образом, это позволяет нам сделать вывод о том, что глагол *to suggest* может быть отнесён к разряду косвенно ассертивных глаголов, составляющих перформативную формулу.

Список литературы

Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. Сер. Литература и язык, 1986. Т. 45, № 3. С. 208–223.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М.: УРСС, 2001. 208 с.

Лайонз Дж. Грамматические функции // Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. 544 с.

Мурзин Л.Н., Белоглазова Э.А. О перформации предложения с деривационной точки зрения // Семантические аспекты слова и предложения: Проблемы деривации. Пермь: Пермск. гос. ун-т, 1980. С. 62–71.

Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. 423 с.

Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 170–194.

Спирidonов Д.В. Синтаксические условия реализации перформативности (на материале английских композитных перформативов с ассертивным глаголом) / Д.В. Спиридонов, П.Ю. Фофанова // Научный диалог, 2015. № 11 (47). С. 66–80.

Сулейманова Ю.М. Перформативный глагол как средство экспликации ассертивной интенции // Вестник Оренбургского государственного университета, 2010. Вып. 11. С. 90–93.

Филимонова Е.А. Прототипическая картина класса комиссисов: На материале английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2003. 204 с.

Фурс Л.А. Особенности когнитивной категории в синтаксисе / Л.А. Фурс // Когнитивные категории в синтаксисе: коллективная монография / под ред. Л.В. Ковалевой, С.Ю. Богдановой, Т.И. Семеновы. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2009. С. 21–50.

Bybee J., Fleischman S. (eds.) (1995) Modality in grammar and discourse. J. Bybee, S. Fleischman. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins. 575 p.

Leech G. (1971) Meaning and the English verb. G. Leech. London: Longman. 131 p.

Ross J. (1969) Guess who? Papers from the 5th Regional meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago: University of Chicago. 252–286.

Verstraete Jean-Christophe. (2001) Subjective vs objective modality: Interpersonal and ideational functions in the English modern auxiliary system. Journal of Pragmatics 33 (10), pp. 1505–1528.

References

Aspersyan Y. (1986) *Performativy v grammatike i slovare = Performatives in grammar and dictionary.* Izv. AN SSSR. Seria Literatura i yazyk. Vol. 45, No. 3, pp. 208–223 (In Russian).

Bybee J., Fleischman S. (eds.) (1995) *Modality in grammar and discourse.* J. Bybee, S. Fleischman. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins. 575 p.

Filimonova E. (2003) *Prototipicheskaya kartina klassa kommissivov = Prototype picture of the commissive class: Na materiale anglijskogo i russkogo yazykov: published summary of the thesis of Cand. Sc. Philology.* Ufa. 204 p. (In Russian).

Furs L. (2009) *Osobennosti kognitivnoy kategorii v sintaksise = The peculiarities of the cognitive category in syntax.* Furs L., *Kognitivnye kategorii v sintaksise: monografiya*, edited by Kovaleva L., Bogdanova C., Semenova T. Irkutsk: Izd-vo IGLU, pp. 21–50 (In Russian).

Leech G. (1971) *Meaning and the English verb*, G. Leech. London: Longman. 131 p.

Lions Dzh. (1978) *Grammar functions. Introduction into the theoretical linguistics.* Moscow: Progress. 544 p. (In Russian).

Murzin L., Beloglazova E. (1980) *O performacii predlozheniya s derivacionnoy tochki zreniya, Semanticheskiye aspekty slova i predlozheniya: Problemy derivacii = About performativity of a sentence from derivation point of view. Semantic aspects of a word and a sentence: Problems of derivation.* Perm: Permsk. gos. un-t, pp. 62–71 (In Russian).

Ostin Dzh. (1986) *Word as action.* Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Moscow: Progress. Issue. 17: *Teoria rechevykh aktov.* 423 p.

Ross J. (1969) *Guess who? Papers from the 5th Regional meeting of the Chicago Linguistic Society.* Chicago: University of Chicago, pp. 252–286.

Sjorl' Dzh. R. (1986) *Classification of illocutive acts.* Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Moscow: Progress. Issue 17, pp. 170–194 (In Russian).

Spiridonov D. (2015) *Sintaksicheskie usloviya realizacii performativnosti (na materiale anglijskih kompositnyh performativov s assertivnym glagolom) = Syntactical conditions for enactment of performativity (a case study of the English composite performatives comprising the assertive verb).* Spiridonov D., Fofanova P. *Nauchnyy dialog.* No. 11 (47), pp. 66–80 (In Russian).

Suleymanova Y. (2010) *Performativnyy glagol kak sredstvo eksplikacii assertivnoy intencii = Performative verb as the means of explication of the assertive intention.* *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta.* Orenburg. Issue. 11, pp. 90–93 (In Russian).

Verstraete, Jean-Christophe. (2001) *Subjective vs objective modality: Interpersonal and ideational functions in the English modern auxiliary system.* *Journal of Pragmatics* 33 (10), pp. 1505–1528.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Васильева Юлия Владимировна — аспирант кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51; Julia_vasilyeva@icloud.com

ABOUT THE AUTHOR:

Julia V. Vasilyeva — Postgraduate Student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University; Building 51, the 1st Building of Humanities, Leninskie gory, 1, Moscow 119991, Russia; Julia_vasilyeva@icloud.com

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и необязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.111-26

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-68-77

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕНТАЛЬНОГО ГЛАГОЛА *EXREST* И ЕГО ПРОИЗВОДНЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Вероника Геннадиевна Павленко

Ставропольский государственный педагогический институт,
г. Ставрополь, Россия

Для контактов: verony79@mail.ru

Аннотация. Одной из задач лингвистических исследований становится анализ языковых явлений, связанных с отражением в языке мыслительной деятельности человека. До конца не определены и не описаны механизмы языковой репрезентации мыслительной деятельности человека. Объясняется это трудностью восприятия внутренних процессов мышления, не поддающихся непосредственному наблюдению, и отсутствием принципиальной основы классификации языковых средств со значением «ментальный». В статье рассматриваются когнитивно-прагматические и семантико-синтаксические особенности функционирования ментального глагола *exrest* и его производных в английском языке. Цель работы — изучить семантико-синтаксические и когнитивные особенности глагола *exrest* и его производных. Научная новизна работы определяется анализом синтаксических особенностей глагола *exrest* и его производных со значением «ментальный» в рамках коммуникативно-прагматического аспекта в английском языке. Задачи исследования — описать синтаксические особенности глагола *exrest* и его производных со значением «ментальный», определить лексико-семантическую структуру глагола *exrest* и его производных со значением «ментальный»; выявить семантические, прагматические и когнитивные характеристики глагола *exrest* и его производных. В работе были применены следующие методы: дефиниционный анализ и метод контекстуального анализа. Результаты исследования показали, что когнитивное значение «ментальный» сохраняется в той или

иной степени во всех однокоренных словах глагола expect. Автором были сделаны выводы о том, что актуализация прагматических значений глагола expect и его производных происходит только в контексте реального коммуникативного дискурса.

Ключевые слова: ментальный, производный, когнитивный, прагматика, пропозиция, контекст, семантика, значение

Для цитирования: Павленко В.Г. Когнитивно-прагматические и семантико-синтаксические характеристики ментального глагола expect и его производных (на материале английского языка) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022. № 3. С. 68–77. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-68-77

Статья поступила в редакцию 28.02.2022;
одобрена после рецензирования 03.10.2022;
принята к публикации 11.11.2022.

COGNITIVE-PRAGMATIC AND SEMANTIC-SYNTACTIC CHARACTERISTICS OF THE MENTAL VERB *EXPECT* AND ITS DERIVATIVES (IN THE ENGLISH LANGUAGE)

Veronika G. Pavlenko

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia.
For contacts: verony79@mail.ru

Abstract. One of the main tasks of linguistic research is to analyze the linguistic phenomena associated with the reflection of human mental activity in the language. The work of the linguistic representation of human mental activity has not been fully defined and described yet. This can be explained by the difficulty of perceiving the internal processes of thinking that are impossible to see, and the lack of any reasonable classification of linguistic means with the meaning “mental”. The article deals with the cognitive-pragmatic and semantic-syntactic features of the mental verb “expect” and its derivatives in the English language. The purpose of the research is to study the semantic-syntactic and cognitive features of the verb “expect” and its derivatives. The scientific originality of the work is determined by the analysis of the syntactic features of the verb “expect” and its derivatives with the meaning “mental” within the communicative and pragmatic aspect in English language. The objectives of the work are to describe the syntactic features of the verb expect and its derivatives with the meaning “mental”, to determine the lexical-semantic structure of the verb “expect” and its derivatives with the meaning “mental”; to identify the

semantic, pragmatic and cognitive characteristics of the verb “expect” and its derivatives. The following methods were used in the work: the definitional analysis and the method of contextual analysis. The results of the study showed that the cognitive meaning “mental” is in the cognate words of the verb “expect”. The author concluded that the actualization of the pragmatic meanings of the verb expect and its derivatives only occurs in the context of real communicative discourse.

Keywords: context, semantic, meaning, cognitive, mental, derivative, pragmatics, proposition

For citation: *Pavlenko V.G. (2022) Cognitive-pragmatic and semantic-syntactic characteristics of the mental verb expect and its derivatives (in the English language). Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 3. P. 68–77. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-68-77*

The article was submitted on February 28.2022;
approved after reviewing on November 03.2022;
accepted for publication on November 11.2022.

Введение

Настоящая работа посвящена исследованию когнитивно-прагматических и семантико-синтаксических особенностей ментального глагола expect и его производных на материале английского языка.

Интерес к изучению ментального глагола expect и его производных обусловлен неоднозначностью их семантического прочтения. Данные языковые единицы обладают контекстной зависимостью и имеют несколько лексико-семантических значений.

Актуальность темы обусловлена направленностью современной лингвистики на изучение когнитивно-прагматических особенностей функционирования языковых единиц в английском языке.

Объектом исследования в настоящей работе являются ментальный глагол expect и его производные, выражающие когнитивное значение «ментальный», в рамках коммуникативно-прагматического аспекта.

Предметом исследования выступают когнитивно-прагматические и семантико-синтаксические характеристики глагола expect и его производных в художественном дискурсе английского языка.

Цели статьи

Цель исследования состоит в рассмотрении семантико-синтаксических и ко-гнитивных особенностей глагола *ехрест* и его производных в сфере художественного дискурса английского языка.

Достижение цели предполагает поэтапное решение следующих задач:

— определение лексико-семантической структуры глагола *ехрест* и его производных со значением «ментальный»;

— выявление семантических, прагматических и когнитивных характеристик глагола *ехрест* и его производных в художественном дискурсе английского языка;

— описание синтаксических особенностей глагола *ехрест* и его производных со значением «ментальный».

Для решения поставленных задач были использованы следующие методы и приёмы: дефиниционный — для выявления лексико-семантической структуры глагола *ехрест* и его производных со значением «ментальный»; метод контекстуального анализа — для установления зависимости между семантико-прагматической функцией глагола *ехрест* и его производных со значением «ментальный» и их позиционным варьированием в пределах предложения и текста.

1. Обзор литературы

Методологической основой исследования послужили фундаментальные работы отечественных и зарубежных лингвистов: Ч. Филмор, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попов, И.А. Стернин и др.

Материалом исследования послужили данные, полученные методом сплошной выборки из текстов художественной литературы. Общий объём выборки исследуемых микроконтекстов составил свыше 2500 примеров.

2. Глаголы ментальной деятельности

Основные методы исследования — лингвистический¹ и когнитивный подходы². В работе проводится анализ семантико-синтак-

¹ Лингвистический подход к тексту отличается таким взглядом на отбор языкового материала, который учитывает различные лингвистические критерии. Он учитывает: языковую сочетаемость, многозначность слова, семантическую ценность слова, стилистическую нейтральность и частоту употребления.

² Когнитивный подход к языку подразумевает анализ лингвистических фактов в их связи с организацией понятийной системы. Языковые структуры рассматриваются при этом сквозь призму общих знаний человека о мире, накопленного им опыта взаимодействия с окружающей средой, и в тесной зависимости от психологических, коммуникативных и культурных факторов.

сических и когнитивных особенностей глагола *expect* и его производных.

Глагольная семантика в английском языке, как и в любом другом, достаточно разнообразна с точки зрения выражения деятельности, процесса и состояния. В данной семантической категории особое место занимают глаголы ментальной деятельности, которые маркируют структуру мыслительного процесса и тем самым могут рассматриваться как сложный денотат.

Поясним, что мы подразумеваем под ментальной деятельностью. Под ментальной деятельностью человека понимается специфическая активность человека по познанию и преобразованию окружающей действительности, связанная с разумом, с умственными способностями, проявляющаяся через речепроизводство, фиксирующая результаты познавательной деятельности в языке.

В семантике ментальных глаголов находит отражение и содержание мысли, и коммуникативная сторона речи, и эмоциональное отношение, мнение, точка зрения (оценка). Субъективный характер данной группы глаголов проявляется в том, что говорящий оценивает в разной степени достоверности то, что он передаёт в своём сообщении реципиенту.

Когнитивный подход к описанию функционирования глаголов ментальной деятельности в художественном дискурсе английского языка позволяет определить те концептуальные структуры, которые используются для передачи информации, связанной с мыслительной концептосферой *think* («думать»). Функционально-семантическое многообразие глаголов ментальной деятельности образуется путём расщепления суперконцепта «ментальная деятельность», прототипическим глаголом которого и является глагол *think*, на различные когнитивно-семантические составляющие. Прототипический характер глагола *think* не вызывает сомнений, так как он в наиболее общем виде описывает процесс ментального действия. Прототипичность как свойство элемента категории семантической прагматики была введена Ч. Филлмором, который полагал, что с глаголом связана сцена-прототип, определяющий основное содержание, которое, в свою очередь, вкладывается в глагол при условии отсутствия какой-либо добавочной информации (Филмор, 1988). Такой характеристики и удовлетворяет глагол *think*, который является пропозициональным глаголом выражения отношения по поводу некоторой пропозитивной информации, или выражения гипотетической оценки.

В группу ментальных относят следующие глагольные лексемы английского языка: *think*, *suppose*, *guess*, *presume*, *expect*, *believe*,

fancy, которые являются носителями эпистемической модальности в тексте дискурса. Известно, что эпистемическая модальность подразумевает изучение отношения говорящего к содержанию высказывания. При построении высказывания с эпистемической модальностью важную роль играет субъективная оценка. Данная группа глаголов служит средством репрезентации оценки ментальной деятельности человека.

Что касается прототипичного глагола *think*, то он покрывает разнообразные семантические значения, связанные с процессами, состояниями и результатами ментального действия, а именно: семантику предположения во всех временах, семантику размышления, представления, семантику мнения, семантику веры и надежды, семантику оценки, конклюдивного вывода.

3. Результаты и дискуссия

В данной статье мы дадим анализ ментальному глаголу *expect*, который маркирует двойственное семантическое прочтение пропозиции, передавая как вероятностную информацию, так и утверждение определённых фактов. Актуализация одного из этих прагматических значений происходит только в контексте реального коммуникативного дискурса.

Проведём дефиниционное описание глагола *expect*, которое покажет, что этот глагол имеет не один лексико-семантический вариант, раскрывающий его семантическую структуру.

Глагол *expect* «ждать, ожидать, надеяться, предполагать, думать, полагать», в Большом Оксфордском Словаре имеет 6 лексико-семантических значений, из которых можно выделить значения, как актуальные для нашего исследования (*Oxford English Dictionary*, 1961). Данный глагол употребляется как в переходной, так и непереходной форме.

ЛСВ-1: *to wait; to defer action until some contingency arises*. Как показывает дефиниция, этот глагол употребляется в непереходной форме и имеет значение «ждать чего-то». Приведём пример: *To sit at home, expecting till a kinsman came to marry her*. В данном ЛСВ глагол выражает ментальный процесс.

ЛСВ-2: *to wait for, await*. Глагол употребляется в переходной форме и выражает значение «ожидать кого-то, чего-то». Приведём пример: *With what anxiety I expect your news of her health!* В данном ЛСВ глагол выражает ментальный процесс.

ЛСВ-3: *to look for mentally. To look forward to as one's goal or motive*. Как показывает дефиниция, этот глагол выражает значение

предчувствовать, предвосхищать. Приведём пример: *Good men do rather expect renowne, then treasure.* В данном ЛСВ глагол выражает ментальный процесс.

ЛСВ-4: *to expect for = to look for.* В данном ЛСВ глагол *expect* выражает значение «ждать, искать, надеяться» а именно ментальный процесс. Приведём пример: *A pease, for which so many people long and earnestly expect.*

ЛСВ-5: *to anticipate, to suspect, suppose, surmise.* В этом ЛСВ глагол имеет значение «ожидать, предполагать, предчувствовать, подозревать». Приведём пример: *Now, I expect, Lady Ambrose, that, in its true sense, you know a good deal more history than you are aware of.* В данном ЛСВ глагол *expect* выражает ментальный результат.

Лексико-семантическая структура глагола *expect* выражает два значения — ментальный процесс и ментальный результат.

В семантике глагола *to expect*, как это видно из дефиниционной информации, определяющими являются семы: ждать, надеяться и предполагать, думать. Он может выражать как значение ментального процесса, так и ментального результата. Таким образом, глагол *to expect* употребляется контекстно-связанно.

В большинстве случаев глагол выражает ментальный процесс. В данном случае реализуется основное значение глагола *expect* (надежда).

Очень часто глагол *expect* функционирует в форме причастия I и выражает значение ментального процесса.

Пример: *“I was expecting to find him here.”* (Wells, 1985).

Как модусный глагол, глагол *expect* употребляется препозитивно по отношению к своей пропозитивной части. Здесь он получает значение ментального результата.

Пример: *“I expect you remember hearing”, said Pond...”* (Cristie, 1989).

Возможно употребление в кратких ответах диалоговой речи, выражающих согласие, несогласие отрицание с предыдущим утверждением.

Пример: *“You are’t in the mood. See you tomorrow?” “I expect so.”* (Greene, 2004). Согласно данному контексту, глагол *expect* выражает ментальный результат.

В персонажной речи реализуется основное значение глагола *expect* — ментальный результат. В наиболее ясном виде это значение представлено в перформативном употреблении этого глагола. В неперформативных контекстах выражает ментальный процесс.

Речевыми контекстами функционирования этого глагола является преимущественно персонажная речь (прямая/несобственно-прямая речь), которая составляет 90% от общего числа высказываний с глаголом *expect*, и авторская речь (около 10%).

От глагола *expect* образовано существительное *expectation(s)*, которое имеет значение «ожидание», «надежда», «виды на будущее», а также существительное *expectancy*, имеющее значение «ожидание», «предвкушение», «надежда» и наречие *unexpectedly* «неожиданно».

Существует значительное число конструкций и свободных словосочетаний, в составе которых находятся однокоренные с ним имя существительное *expectancy/expectation* и прилагательное *expectant*. Абсолютное большинство конструкций и словосочетаний образовано с опорой на существительное *expectation/expectancy* и значительно меньше с опорой на прилагательное *expectant*: *to answer smb's expectation(s)*, *to meet smb's expectation(s)*, *to come up smb's expectation(s)*, *to convey the sense of expectation*, *to shield one's eyes in expectation of smth*, *to look with expectation*, *to look up at smb with expectation*, *to glitter with expectation*, *to be full of expectancy*, *to feel the electricity of expectation*, *to wait in an expectant silence*, *to say with great expectancy*, *to have expectations*, *eager expectancy*, (*ordinary, innocent, confident*) *expectation* и т.д.

Семантическое значение существительного *expectation* зависит от контекста и подвергается модификации со стороны глагола.

Существительное *expectation* может выражать значение:

1) ментального процесса: *to answer smb's expectation(s)*, *to meet smb's expectation(s)*, *to come up smb's expectation(s)*, *to convey the sense of expectation*, *to look with expectation*, *to look up at smb with expectation*;

2) ментального результата: *to have expectations*, *to be full of expectancy*.

Пример: “He lay there in your bed. He looked up at me with great expectation. He was gratified” (Pinter, 1986). В данном предложении существительное подвергается модификации со стороны глагола *look* и выражает, таким образом, значение «ментального процесса».

Употребляясь в качестве вводного слова, наречие *unexpectedly* выражает значение «ментальное состояние».

Пример: “Unexpectedly Poirot smiled” (Chesteron, 2007). Изучив производные глагола *expect*, можно сделать вывод, что существительное *expectation* имеет значение «ментальный результат» и «ментальный процесс», а наречие *unexpectedly* имеет значение «ментальное состояние».

В результате изучения семантико-синтаксических и когнитивных характеристик лексемы *ехрест* и её производных было установлено, что когнитивное значение «ментальный» сохраняется в той или иной степени во всех однокоренных словах.

Выводы

Различие в семантическом прочтении лежит в области прагматики текста и дискурса и зависит от коммуникативной цели автора текста, или говорящего.

В отличие от других групп ментальных глаголов, глагол *ехрест* не является прототипическим, но, в зависимости коммуникативной цели автора текста, или говорящего, он может актуализировать когнитивное значение «ментальный». А также пропозициональное значение ментального глагола может сохраняться в его производных.

Анализ контекстов функционирования глагола *ехрест* и его производных с ментальным значением, позволил выявить разнообразные семантические значения, связанные с процессами, состояниями ментального действия. Актуализация их прагматических значений происходит только в контексте реального коммуникативного дискурса.

Список литературы

Филмор Ч. Фреймы и семантика понимания. Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, Вып. 23. 1988, С. 52–92.

Chesterton G.K. (2007) *The Incredulity of Father Brown*. Детективные новеллы. На англ. яз. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во. 336 p.

Cristie A. (1989). *Selected Detective Prose*, Moscow: Raduga Publishers, 43 p.

Greene G. (2004) *The Heart of the Matter: Penguin Classics Deluxe Edition*, 262 p.

Hemingway E. *The Short Happy Life of Francis Macomber*. 118 p.

Huxley A. (1976) *Crome Yellow*. На англ. яз. Изд. второе. М.: Прогресс, 143 p.

Oxford English Dictionary. (1961) (Being a Corrected Re-issue with an Introduction, Supplement, and Bibliography of a New English Dictionary on Historical Principles Founded Mainly on the Materials Collected by the Philological Society: in 12 vol. Oxford: Oxford University Press, pp. 48–56.

Pinter H.A. (1986) *Selection of Critical Essays*. M. Scott. London: Macmillan. 378 p.

Wells H.G. (1985) *The Time Machine*. Сборник. На англ. яз. М.: Менеджер. 131 p.

References

- Filmor Ch.* (1988) *Frejmy i semantika ponimanija. Novoe v zarubezhnoj lingvistike* = Frames and semantics of understanding. *New in foreign linguistics*. Moscow: Progress. Vyp. 23, pp. 52–92 (In Russian).
- Chesterton G.K.* (2007) *The Incredulity of Father Brown*. *Detektivnye novelly*. Na angl. yaz. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo. 336 p.
- Cristie A.* (1989) *Selected Detective Prose*, Moscow. Raduga Publishers. 43 p.
- Greene G.* (2004) *The Heart of the Matter: Penguin Classics Deluxe Edition*. 262 p.
- Hemingway E.* *The Short Happy Life of Francis Macomber*. 118 p.
- Huxley A.* (1976) *Crome Yellow*. Na angl. yaz. Izd. vtoroe. Moscow: Progress. 143 p.
- Oxford English Dictionary* (1961) *Being a Corrected Re-issue with an Introduction, Supplement, and Bibliography of a New English Dictionary on Historical Principles Founded Mainly on the Materials Collected by the Philological Society: in 12 vol.* Oxford: Oxford University Press, pp. 48–56.
- Pinter N.A.* (1986) *Selection of Critical Essays*. London: Macmillan. 378 p.
- Wells H.G.* (1985) *The Time Machine*. *Sbornik*. Na angl. yaz. Moscow: “Menedzher”. 131 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Павленко Вероника Геннадиевна — ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», Российская Федерация, Ставропольский край, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417 «А»; verony79@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3247-4879>

ABOUT THE AUTHOR:

Veronika G. Pavlenko — State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Stavropol State Pedagogical Institute”, Russian Federation, Stavropol Territory, Stavropol, st. Lenina, 417 “A”; verony79@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3247-4879>

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и необязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of Interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1: 811.163.41

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-78-92

О ДЕСТРУКТИВНОМ ВЛИЯНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК

Юлия Леонидовна Шапич

Представительство Россотрудничества в Сербии, Российский центр
науки и культуры «Русский дом» в Белграде, Белград, Сербия
Для контактов: julija.sapic@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется лингвистическая интерференция в письменном художественном переводе сборника рассказов А.П. Чехова на сербский язык „То је била она”, выполненном носителем сербского языка. Рассматриваются лексико-семантический и семантико-синтаксический уровни межъязыкового воздействия на материале русского и сербского языков, представленном в виде параллельно приведённых примеров оригинального текста и его перевода. Анализируются эффекты деструктивной интерференции, ведущие к смысловым искажениям оригинала. Результаты анализа являются посильным вкладом в изучение интерференции письменного и устного перевода на материале близкородственных языков и могут быть использованы для целей прикладной лингвистики.

Ключевые слова: лингвистическая интерференция, близкородственные языки, сербский язык, русский язык, художественный текст, письменный перевод

Для цитирования: Шапич Ю.Л. О деструктивном влиянии лингвистической интерференции при переводе рассказов А.П. Чехова на сербский язык // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022. № 3. С. 78–92. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-78-92

Статья поступила в редакцию 20.09.2022;
одобрена после рецензирования 07.10.2022;
принята к публикации 11.11.2022.

ON THE DESTRUCTIVE INFLUENCE OF LINGUISTIC INTERFERENCE IN THE TRANSLATION OF CHEKHOV'S STORIES INTO SERBIAN

Yulia L. Shapich

Representative Office of Rossotrudnichestvo in Serbia, Russian Center of Science and Culture „Russian House” in Belgrade, Serbia.

For contacts: julija.sapic@gmail.com

Abstract. The article analyzes the linguistic interference in the written literary translation of a book of stories by A.P. Chekhov into the Serbian language by a native speaker of the Serbian language. The lexical-semantic and semantic-syntactic levels of interlanguage influence in the Russian and Serbian languages are considered. The effects of destructive interference leading to semantic distortions of the original text are analyzed. The results of the analysis are a feasible contribution to the study of interference in translation and interpreting in closely related languages and could be used for the purposes of applied linguistics.

Keywords: linguistic interference, Serbian, Russian, literary text, written translation, stories, closely related languages

For citation: *Shapich Y.L.* (2022) O destruktivnom vlijanii lingvističkih interferencija pri prevodu rasskazov A.P. Chekhova na serbskij jazyk. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda. — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 3. P. 78–92. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-78-92

The article was submitted on September 20.2022;
approved after reviewing on October 07.2022;
accepted for publication on November 11.2022.

Роль русской классической литературы для сербского народа трудно переоценить. Произведения русских писателей стоят в магазинах на полках «классика» (не «зарубежная литература»), изучаются в школе и считаются общеславянским эталоном нравственности, духовным фундаментом общества. Вот почему миссия межкультурного посредника — и преподавателя русского как иностранного, и переводчика — донести до сербского читателя аутентичный текст или его качественный перевод, который, кроме лингвокультуры и богатства художественных приёмов, представляет собой также нравственную парадигму.

Высококачественный перевод — подразумеваемая, но порой труднодостижимая цель, и виной тому часто является лингвистическая интерференция, возникающая в результате взаимодействия двух языковых систем. Языковые контакты десятилетиями привлекали лингвистов, как отечественных (Щерба, 1974), так и зарубежных (Вайнрайх, 1979), а с развитием переводоведения к интерференции правомерно установился интерес исследователей перевода (см. обзор: Самохина, 2018). Большинство трудов на русском языке посвящено механизмам влияния структур родного языка на неродной в устном и письменном переводе на английский, французский, немецкий, испанский и др. (Миньяр-Белоручев, 1996; Гарбовский, 2007; Алимов, 2015, 2005), см. также публикации (Мякшин, 2020; Кучуркина, 2017 и др.); количество работ, посвящённых переводу на родной язык, гораздо меньше (Серкова, 2020). В контексте взаимодействия с европейскими языками описаны типы интерференции. Так, например, выделяют фонетическую (фонологическую), орфографическую, грамматическую (морфологическую, синтаксическую и пунктуационную), лексическую, семантическую, стилистическую и внутриязыковую интерференцию (Алимов, 2015: 33). Сербские слависты и русисты интерференцию рассматривают в основном в аспекте преподавания русского языка (Кончаревић, 2004; Пешић, 2018) и др., тогда как работы в области перевода в целом немногочисленны и фрагментарны.

Об актуальности изучения интерференции на материале близкородственных языков свидетельствует, с одной стороны, возросший межкультурный и литературный взаимообмен, а с другой — недостаток научных и учебных материалов на данную тему. Комплексное изучение интерференции подразумевает, в первую очередь, инвентаризацию и классификацию проблемных единиц близкородственных языков, в терминологии В.В. Алимова интерферентов (2015), выявление и описание механизмов интерференции, критических языковых уровней родственных языков, а также освещение эффектов деструктивного переноса с целью предотвращения искажений и получения прикладных переводоведческих и лингвистических знаний. Не на последнем месте стоит вопрос о сохранении наследия русской классики — отечественного достояния и «визитной карточки» русской культуры за рубежом.

Так как речь идёт о межязыковом взаимодействии, основным для настоящего исследования является сопоставление текстов. Материалом послужили сербские издания рассказов А.П. Чехова, отобранные по принципу доступности современному сербскому читателю. В продаже обнаружено три сборника рассказов „7 при-

ча” (Чехов, 2021), „То је била она” (Чехов, 2008) и „Хумореске и приповетке” (Чехов, 2003), а четврти, „80 priča i novela” (Чехов, 1986), взят из библиотечних фондов. Переводы рассказов всех сборников, кроме 2008 г., характеризуются высоким уровнем эквивалентности и художественности языка; сборник „То је била она” (Чехов, 2008) содержит ряд искажений, в основном вызванных интерференцией³.

Имея в виду этимологическое родство русского и сербского языков, т.е. общность базового лексического фонда и сходство грамматико-синтаксических структур, преобладающим в процессе перевода является положительный перенос на различных языковых уровнях одновременно. А именно, лексемы двух языков, схожие по фонетическим и графическим характеристикам — межъязыковые омонимы и паронимы, — могут иметь идентичную корневую морфему, принадлежать к одной и той же грамматической категории, выполнять одинаковую синтаксическую функцию. Но их семантика может быть асимметричной и даже диаметрально противоположной, ср. хрестоматийные примеры: серб. *вредан* ‘прилежный’, *печенье* ‘мясо, жаркое’, *бистар* ‘прозрачный’ и др. В рассматриваемом письменном переводе на сербский (родной для переводчика) язык художественного текста на первом плане оказывается уровень семантики, точнее — лексико-семантический и семантико-синтаксический, а также внутриязыковая многоуровневая интерференция. Иными словами, речь идёт о неверной передаче семантики лексем (и фразем), семантики грамматических форм и контекста языка перевода в целом. В качестве иллюстрации приведём пример из рассказа «Дамы»:

- 1. *Чех.* ...У вашего батюшки есть состояние <...>, какая же вам надобность проситься на это место? Ведь жалованье грошовое! — Я не из-за жалованья, а так... И всё-таки служба казённая.⁴
- 1. *Пер.* ...Ваш браца је имућан <...>, па каква вам је потреба да тражите то место? Па тешко се сажалити на вас! — Нисам ја ради сажаленја, само... (Дамы, с. 11)⁵.

³ Переводы выполнили: сб. 1986: В. Стевановић, М. Бабовић, М. Јанковић, М.М. Пешић, М. Стојнић, П. Митропан, М. Стојиљковић, Ј. Јанићијевић, А. Терзић, К. Цветковић, Љ. Михајловић, М. Максимовић, Д. Илић, М. Подольски; сб. 2003: М. Сибиновић, М. Бабовић, М.М. Пешић, П. Митропан, С. Сластиков, О. Влатковић, М. Табаковић, В. Стевановић, А. Терзић, Љ. Михајловић, Ј. Јанићијевић, М. Стојиљковић; сб. 2008: М. Бижић; сб. 2021: Ј. Јанићијевић, В. Стевановић.

⁴ <http://chehov-lit.ru/chehov/text/damy.htm>

⁵ Здесь и далее в цитатах на серб. яз. приводятся примеры из сборника „То је била она” (Чехов, 2008).

Итак, молодой человек в переводе живёт на деньги ‘брата’; далее, собеседник убеждает его отказаться от места, аргументируя это *грошовым жалованием*, а в переводе ему ‘трудно сжалиться’ над ним; наконец, ответ юноши *я не из-за жалования* переведён как ‘я не из-за сожаления’. Негативный перенос происходит на лексико-семантическом уровне — *батюшка* воспринято как образование от серб. *бата* ‘брат’ с диминутивным суффиксом *-юшк-*, а *жалование* — как отглагольное существительное от глагола *жалеть*⁶.

Рассмотрим другой пример — описание бедной обстановки дома акушерки («Необыкновенный»):

- 2. Чех. Зелёный свет лампочки скудно ложится на дешёвую мебель в белых запыленных чехлах, на *жалкие цветы*, на *косяки*, по которым *вьётся плющ*...⁷
- 2. Пер. Зелено светло светильке оскудно пада <...> на *суморне боје*, на *прозорске оквире* по којим се *сакупља буђ*... (Чудак, с. 30).

В данном случае под влияние внутриязыковой грамматической интерференции попали формы мн. ч. слов *цвет* и *цветок*, и *цветы* переданы как ‘цвета’, *косяки* — как ‘оконные рамы’, по которым в переводе растёт ‘плесень’ (вместо *плющ*), а атрибут *жалкие* переведён как ‘мрачные’. Учитывая, что последнее выбрано ради семантического согласования и контекстно обусловлено (так же, как и *сакупља* на месте ‘вьётся’), следует выделить ещё один уровень, смежный с другими уровнями интерференции и являющийся их следствием, который можно условно назвать уровнем контекстного согласования.

Приведём третий пример, где герой описывает процесс творчества («Драматург»):

- 3. Чех. ...Мне в руки случайно или через приятелей — *самому-то мне некогда следить!* — попадаетея какая-нибудь французская или немецкая штучка. <...> Я несу её к сестре или *нанимаю целковых за пять студента*... Те переводят, а я <...> подтасовываю под русские нравы...⁸
- 3. Пер. ...Мени у руке случајно или преко пријатеља — *и сам сам некада тако радио* — допадне некакво француско или немачко делце. <...> Однесем га сестри или *позајмим пара за пет студената*... Па преводне... (Драматург, с. 21).

Передача сочетания *некогда следить* словами ‘я сам так когда-то делал’ вызвана формальным (фонетическим и графическим,

⁶ Ср. семантический верный перевод раннего сборника: „Pa plata je bedna! – Ja ne tražim zbog plate, nego...” (Čehov, 1986: 317).

⁷ <http://chehov-lit.ru/chehov/text/neobyknovennyj.htm>

⁸ <http://chehov-lit.ru/chehov/text/dramaturg.htm>

морфологическим, лексическим, грамматическим) сходством рус. *некогда* с серб. *некада* ‘когда-то’, а рус. *следить* — с серб. *следити* ‘следовать’ (правилу и т.д.). В искажении смысла контекста *нанимаю студента за пять целковых* (в сербском переводе ‘занимаю денег на пять студентов’) участвует уровень морфологии — смешение приставок *за-* и *на-* в глаг. *нанимать* и *занимать*, а также грамматики — из-за формального соответствия формы ед.ч. слова *студента* в русском языке форме род. п. мн. ч. в сербском, а катализатором выступает синтаксическая структура, основанная на инверсии и выражающая значение приблизительности в русском языке — *целковых за пять*.

В эпизоде рассказа «Печенег» о княгине, оплакивающей мужа, интерференцию провоцирует синтаксическая структура предложения: повторяемость частицы, формально схожей с конструкцией с повторяющимся союзом ‘то... то...’ (возможна также неверная интерпретация *стонет* как *станет*):

- 4. Чех. *Уж она голосит-голосит, уж она стонет-стонет...*⁹
- 4. Пер. *...Час плаче, час престане...* (Печенеџ, с. 124) ‘то плачет, то перестанет.’

В следующем примере и ряде других случаев возникает вопрос, является ли причиной неверного переноса лексическая единица-интерферент или интерпретация контекста. Так, в рассказе «Ванька» слово *неделя* воспринято как ‘не-дело, бездействие’, т.к. герой «непростительно» заснул, качая хозяйского ребёнка:

- 5. Чех. *А на неделе хозяйка велела мне почистить селёдку...*¹⁰
- 5. Пер. *А због пропуста домаћица ми је наредила да... (Ванька, с. 46) ‘из-за проступка хозяйка велела мне...’*

В рассказе «Муж» скрытым фактором интерференции выступает жанр этого фрагмента — монолог-рассуждение, где герой, глядя на жену, танцующую с офицером, «думает» вслух:

- 6. Чех. *Глядеть противно!*¹¹
- 6. Пер. *С друге стране!* (Муж, с. 16)

Объясним приведённый пример подробнее: выражение *глядеть противно* истолковано как ‘глядя напротив, глядя с противоположной стороны’ и соотнесено с характерной для рассуждения вводной конструкцией *с одной / с другой стороны*.

⁹ <http://chehov-lit.ru/chehov/text/pecheneg.htm>

¹⁰ <http://chehov-lit.ru/chehov/text/vanka.htm>

¹¹ <http://chehov-lit.ru/chehov/text/muzh.htm>

Наконец, яркими примерами искажений, связанных с неверно понятым контекстом, являются случаи с заменой адресатов оскорблений: героиня называет *мерзавками*¹² женщин (за флирт), а в переводе ‘мерзавцами’ становятся не они, а мужчины-татары (Дут језик, с. 25–26); *молокосос* и *мальчишка* (о любовнике жены)¹³ в переводе становятся обращением к самой жене: серб. *балавице*, *клинка* (Освета, с. 38).

Как видим, наиболее типичным для русско-сербского негативного переноса является уровень лексико-синтаксический. Анализ текстов выявляет целую палитру так называемых «ложных друзей» переводчика, межъязыковых омонимов и паронимов с коварными семантическими расхождениями. Так, *английская горькая* (спиртное) переведена как *енглески горки чај* ‘английский горький чай’¹⁴ (с. 14); *вовремя* — *времена на време* ‘время от времени’ (с. 45); *вечерась* — *вечерас* ‘сегодня вечером’ (с. 46); *высечь* — *посећи* ‘порезать’ (с. 125); *глиба (снега)* — *глиб* ‘грязь’ (с. 7); *детская (комната)* — *дечији* ‘детский’ (мир) (с. 5); *домовой* — *домар* ‘дворник’ (с. 138); *драться* — *драти се* ‘кричать’ (с. 33); *как-то* ‘один раз’ — *понекад* ‘иногда’ / *что-то* ‘что-то’ (с. 11) / *так* ‘так’ (с. 66); *конечно* — *најзад* ‘наконец’ (с. 50); *коронка (зуба)* — *корен* ‘корень’ (с. 43); *лестно* — *лако* ‘легко’ (с. 126); *мне некогда* — *некада* ‘когда-то’ (с. 21); *молодая баба, хохлушка* — *супруга бујне косе* ‘с буйными волосами’ от хохол волос (кроме того, *баба* в рассказе не супруга, а прислуга, с. 121); *мороженое* — *ледено* ‘ледяное’ (с. 20); *некрашенная (мебель)* — *неукрашена* ‘неукрашенная’ (с. 121); *нелепо* — *мање лепо* ‘менее красиво’ / ‘некрасиво’ (с. 6, 58); *нянька* — *бака* ‘бабушка’, аналог. серб. *нана* (с. 5); *отпевать (умершего)* — *запевати* ‘запеть’ (с. 148); *погладить (собаку)* — *погледати* ‘посмотреть’ (с. 61, 66); *покривить* — *прекрити* ‘покрыть’ (с. 47); *прехорошенькая* — *предобра* ‘очень хорошая’ (с. 146); *пятерня* — *петорица* ‘пять человек’ (с. 56); *ругаться* — *ругати се* ‘издеваться’ (с. 44, 50); *сени* — *сеник* ‘сеновал’ (с. 46); *тыкать* — *тући* ‘бить’ (с. 46); *фрунт* — *строј* ‘строй’, аналог. с *фронт* (с. 56); *хлебнёшь* (чаю) — *мрвицу хлеба* ‘крошку хлеба’ (с. 41); *хорошенький (офицер)* — *добар* ‘хороший’ (с. 15); *шуба* — *шубара* ‘шапка’ (с. 5) и др.

Традиционную медвежью услугу переводчику оказывают фразеологизмы и другие устойчивые конструкции, а именно их калькирование. Неверный перевод фразеологизмов следует рассматривать

¹² <http://chehov-lit.ru/chehov/text/dlinnyj-yazyk.htm>

¹³ <http://chehov-lit.ru/chehov/text/mest-turmanov.htm>

¹⁴ Ср. эквивалент *engleska gorkovača* в (Џехов, 1986: 66).

на стыке лексико-семантического и семантико-синтаксического уровня интерференции. Так, в рассказе об удалении зуба «Хирургия» фельдшер несколько раз повторяет фразеологизм *раз плюнуть* 'легко'. В переводе он даётся буквально: в первом случае фельдшер говорит о себе — *опљунеш једанред* 'сплунешь разок', а второй раз переводчик предлагает сплунуть пациенту: *опљуните једаред* 'сплуньте разок' (с. 42). В рассказе «Письмо» героиня в интересном положении 'беременна', а в переводе она оказывается буквально у *занимљивој ситуацији* 'в интересной ситуации' (с. 54). В рассказе «Муж» из-за приезда офицеров с дамами делается *чёрт знает что* 'нечто неопишемое', но в сербском тексте *ђаво ће га знати што се дешавало с дамама* 'чёрт знает / никто не знает, что происходило с дамами'¹⁵ (с. 14). Фразема *в один прекрасный день (утро, вечер)*, предшествующая неожиданному, часто неблагоприятному повороту, передаётся в рассказе «Дамы» дословно: *једног предивног јутра* (с. 11), хотя в сербском имеется коллокация со схожим ассоциативным смыслом *једног лепог дана / јутра*. В рассказе «Печенег» приказчик за трёшницу согласится *хоть в петлю* 'на виселицу', но *петля* переведена как *замка* 'ловушка'; *некуда деваться* 'нет выхода' передано буквально как *морају негде да се деду*, хотя в серб. есть эквивалентное устойчивое выражение *немају куд* (с. 125).

Калькированы некоторые устойчивые синтаксические конструкции. Так, в рассказе «Гриша» мальчик в полусне гонит от себя печь: *пошла отсюда, печка!* В сербском эти слова лишены императивного смысла: *изашла је оданде, пећ!* 'вышла оттуда, печь' (с. 8). Ванька в одноимённом рассказе умоляет дедушку забрать его из города словами: *нету никакой моей возможности* 'я больше не могу'. В сербской версии мальчик сообщает: *овде нема никаквих могућности за мене* 'здесь для меня не имеется никаких возможностей' (с. 46).

Искажение смысла вследствие интерференции на уровне синтаксических связей говорит об их огромной роли в смысловой организации высказывания. Так, мальчик в рассказе «Гриша» говорит *не столько языком, сколько лицом и руками*, т.е. двухлетний малыш ещё не умеет говорить, так что его мимика и жесты выразительнее слов. В переводе прагматика конструкции утеряна: *Говорио је не*

¹⁵ Аналогичная трудность возникла в переводе 1986 г.: „...a što se tiče dama — đavo će ga znati šta je s njima” (Čehov, 1986: 65). Суть высказывания 'с дамами творилось нечто неопишемое, они потеряли головы', ускользнувшая в переводах, могла быть передана словами *са дамама се дешавало нешто неописиво, не можете ни да замислите / а тек шта се дешавало са дамама...*

само језиком него и лицем и рукама ‘не только языком, но и лицом и руками’ (с. 7).

В рассказе “Rara avis” сыщик в ответ на просьбу писателя показать ему фальшивомонетчиков, шантажистов и прочих негодяев отвечает: *И это можно... Сколько хотите!* Однако в сербском тексте вместо значения ‘много’ находим условие: *уколико желите* ‘если хотите’. После этого сыщик Чехова затрудняется показать честных людей, чем создается контраст между ними и множеством обманщиков. Так как из перевода не следует, что обманщиков много, этот контраст утерян (с. 24).

Неточности наносят вред художественному и лингвокультурному восприятию текста в разной степени. Меньшей степенью вреда могут считаться такие, как описание кошки, похожей на *шубу*, а в сербском — на *шубару* ‘шапку’, промелькнувшее в рассказе «Гриша» (с. 5). Однако в других случаях неверное звено вызывает диссонанс на прагматическом уровне восприятия текста, нарушая его логику.

Так, первые слова рассказа «Необыкновенный» *первый час ночи* переведены как ‘первый вечерний час’, хотя описание внешнего вида акушерки, к которой ночью звонят в дверь, свидетельствует о том, что она уже легла спать. В сербском тексте оказывается недосказанной важная деталь: акушерку побеспокоили ночью. Вернёмся к примеру с ‘плесенью’ на окнах: привнесение переводчиком этой детали производит странный эффект, принимая во внимание профессию акушерки, которая живёт хоть и скромно, но не неряшливо (ср. *белые заплатанные чехлы* на мебели) (с. 30). В рассказе «Печенег» *баба* становится ‘супругой’ (на самом деле, супруга появляется лишь через пару страниц), причём тот факт, что она *хохлушка* ‘украинка’, делает её в сербском тексте *бабой* ‘с буйными волосами’ (с. 121).

Искажению подвергаются и авторские идеи. Так, высказывание чиновника из рассказа «Дамы» *нечего делать*, переданное словами *нешто ћемо урадити* ‘что-нибудь придумаем’ (с. 12), является неверной модификацией намерения автора передать ощущение безысходности от подчинения вышестоящему чиновнику¹⁶. Ещё одна идея — о том, что честных людей мало, — вынесена в само название рассказа “Rara avis” ‘редкая птица’, но не находит своего отражения в тексте перевода.

Искривления затрагивают уровень лингвокультурной и лингвострановедческой информации. В рассказе «Гриша» фигурирует *нянька*, а в переводе — *бабушка*, которая в городе встречается,

¹⁶ Ср.: Nema se kud... (Џехов, 1986: 317–318).

видимо, с офицером (обладателем пуговиц) и отправляется с ним куда-то (обходя снежные *глыбы*, в переводе — *глиб* ‘грязь’) пить и обниматься — поведение, странное для бабушек с внуками. Кроме прочего, *три* рюмки в переводе превращаются в ‘две’, а мальчик, которому дают отхлебнуть водки, ‘закрывает’ глаза, хотя у Чехова *таращит* их (с. 7).

Как известно, язык Чехова отличается лаконичностью, именно поэтому в тексте каждое слово играет роль. Так, обращение *матушка* является знаком уважительного отношения мужа к жене. В переводе находим обращение *жено* ‘жена / женщина’ (с. 11), в лучшем случае — нейтральное, в худшем — грубое.

Безусловно, трудностью для перевода являются реалии и понятия прошлого. Так, утеряна мелькнувшая в рассказе «Ванька» картинка рождественского колядования *со звездой тут ребята не ходят — деца не ходају наоколо* ‘дети вокруг не ходят’ (с. 47). Сказанное относится и к устаревшим предметам. Стоматологический инструмент *козья ножка* из рассказа «Хирургия» переведён как *коњска кљешта* ‘щипцы-кусачки’ (обычно большие, для арматуры и т.д., с. 42), в результате картина удаления зуба приобретает больше жестокости, чем у Чехова. В рассказе «Печенег» попутчикам в карете мешает говорить *тряская езда*, а в переводе это *бука од вожње* ‘шум’ (с. 120). Так, вместо характерной для России неровной просёлочной дороги, которую представляет себе русский читатель, перед сербским читателем возникает картина повозки, тархтящей так громко, что трудно говорить¹⁷.

Лингвострановедческая специфика теряется и на уровне служебных слов: героиня рассказа «Муж» приезжает из Ялты, а в переводе — с Ялты. Предлог указывает, скорее, на географическое название горы или острова, чем на название города.

Неверная транслитерация разрушает общеславянский культурный фон, константы которого оказываются неузнанными. *Афонская гора* переведена как *Афонска планина* (Хирургија, с. 42), ср. серб. *Атос* или *Света Гора*. В такой транслитерации сербский читатель вряд ли узнает свою святыню.

Интерференция оказывает деструктивное влияние на авторские художественные приёмы. Так, рассказ «Муж» завершается контрастной сценой, где супружеская пара возвращается по темноте и грязи с шумного бала, жена — с чувством горечи и обиды, муж — пустоты и ничтожности жизни: *А музыка, между тем, гремя-*

¹⁷ Ср. адекватный перевод *smetalo truckanje* ‘тряска’ (Čehov, 1986: 222).

ла, и потёмки были полны самых плясовых, зажигательных звуков. При переводе конструкции между тем серб. союзом *ипак* 'всё-таки' возникает особый оттенок значения уступки, которого нет в оригинале, — там музыка гремит, несмотря ни на что.

Пострадавшими оказываются также художественные образы. Острое, щемящее чувство жалости переполняет читателя рассказа «Ванька» при описании несчастного ребёнка, с трудом сдерживающего рыдания: *Ванька покривил рот, потёр своим чёрным кулаком глаза и всхлипнул*. Это чувство вряд ли испытает сербский читатель: *Ванька је прекрио уста, протрљао својом поцрнелом песнициом очи и зевнуо* 'Ванька прикрыл / покрыл (рукой) рот, потёр своим чёрным кулаком глаза и зевнул', т. е. Ваньке хочется спать. Такая реакция мальчика после только что написанных пронзительных строк может навести на мысль о неискренности письма.

Настоящая статья не охватывает неточностей перевода, не имеющих, на наш взгляд, прямого отношения к интерференции, как то: *весноватое (покрытое веснушками) лицо — неразбуђено* 'заспанное' (с. 30), *жокейское лицо — одважно* 'отважное' (с. 11), *тёмный образ (икона) — тамна просторија* 'тёмное помещение' (с. 45), *леденцы — киселе бонбоне* 'кислые конфеты' (с. 48), *остановить — отарасити се* 'отделаться' (с. 49), *встав ото сна — одрићући се сна* 'отрекаясь от сна' (с. 35), *луга — шуме* 'леса' (с. 122), *сдохшая лошадь — коњи* 'кони' (мн.ч.) (с. 125), *пейсы (волосы на висках) — новце* 'деньги' (с. 146), *неприлично — несвојствено себи* 'несвойственно себе' (с. 55), *заметалась — забацила је главу* 'закинула голову' (с. 56), *сгодиться на что-нибудь — наићи на нешто* 'найти что-нибудь' (с. 58), *кусочки — мрвице* 'крошки' (с. 58) и т.д., а также пропуски предложений в рассказах «Муж», «Печенег», «Драматург», «Ванька» и повторы в «Каштанке». Эти и другие вопросы могут быть предметом анализа в отдельной статье.

Таким образом, рассмотренный перевод художественного текста, выполненный носителем сербского языка, изобилует лексикой, фразеологией и синтаксическими конструкциями, дающими материал для изучения интерференции в переводе. Анализ позволяет сделать несколько выводов. Прежде всего, взаимодействие русского и сербского языков происходит одновременно на нескольких уровнях языковой организации, что связано с этимологией и структурной схожестью языков, однако наиболее типичными являются случаи семантической — лексико-семантической и семантико-синтаксической, а также внутриязыковой интерференции. Первичная интерференция часто влечёт за собой контекстное

согласование, т.е. дополнительное семантическое «выравнивание» контекста, которое ведёт к искажению смысла, авторских идей, лингвокультуры, редукации художественных приёмов. Причинами интерференции являются неверные ассоциации, провоцируемые как морфологической структурой лексемы, так и синтаксическими и жанровыми особенностями контекста. Эффекты интерференции указывают на важность учёта данного феномена при переводе с близкородственных языков, который на первый взгляд кажется не требующим владения языком-источником в совершенстве, а также на первостепенное внимание к постижению и поиску точных эквивалентов переводимых языковых единиц: лексем, фразеологизмов, фразеологизированных конструкций, синтаксических оборотов, пониманию и передаче культурологической информации, смысла авторских идей. Ряд проблемных языковых единиц — лексем, фразем и синтаксических конструкций, приведённых в работе, может быть дополнен и использован в качестве учебно-дидактического материала.

Список литературы

Алимов В.В. Интерференция в переводе (на материале проф. ориентир. межкультур. коммуникации и пер. в сфере проф. коммуникации): автореф. дис. ... д. филол. н.: 10.02.19. / В.В. Алимов. Военн. ун-т. М.: РГБ, 2005.

Алимов В.В. Теория перевода: Пособие для лингвистов-переводчиков: учебн. пособие. 2-е изд. / В.В. Алимов. М.: Ленанд — URSS, 2015. 240 с.

Вайнрайх У. Языковые контакты / У. Вайнрайх. Киев: Вищяя школа, 1979. 265 с.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. Учебник. 2-е изд. / Н.К. Гарбовский. М.: Изд-во Московского университета, 2007. 544 с.

Герасимова Н.И. Межъязыковая интерференция в переводе: дидактический аспект проблемы / Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) 23 (2007). С. 178–183.

Кончаревић К. Савремена настава руског језика / К. Кончаревић. Београд: Славистичко друштво Србије, 2004. 440 с.

Кучуркина Е.В. Проблема межъязыкового явления «Ложные друзья переводчиков» / Образование. Карьера. Общество. № 3 (54), 2017. С. 53–55.

Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода / Р.К. Миньяр-Белоручев. М.: Московский лицей, 1996. 208 с.

Мякишин К.А. Явление интерференции в переводе (на материале английского языка) / Наука. Исследования. Практика. Сборник избранных ст. по мат. научн. конференции, 2020. С. 75–78.

Пешић А. Међујезичка интерференција при усвајању граматике руског језика на примерима Гимназије „Свети Сава” и Тринаесте београдске

гимназије / Живи језици: часопис за стране језике и књижевности, 38.1, 2018. С. 169–191.

Самохина И.А. Языковая интерференция: обзор исследований в лингвистике / Вестник ТвГУ. Серия «Филология». № 4, 2018. С. 90–96.

Серкова С.Е. Переводческая интерференция и речевые ошибки в учебном синхронном переводе на родной язык / Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. № 4, 2020. С. 55–62.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1974–1982. (Электрон. ресурс). Режим доступа: <http://chehov-lit.ru/chehov/text/rassказы.htm>

Чехов А.П. 7 прича. Прев. Вида Стевановић, Јован Јанићијевић. 2-е изд. Београд: ЛОМ, 2021. 146 с.

Чехов А.П. Хумореске и приповетке. Прев. М. Бабовић, В. Стевановић / А.П. Чехов. Београд: Портал, 2003. 176 с.

Чехов Антон. То је била она (кратке приче). Ур. Владимир Меденица. Прев. Мирко Бижић / А. Чехов. Београд: Логос, 2008. 159 с.

Щерба Л.В. К вопросу о двуязычии / Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград: Наука, 1974. С. 313–318.

Čehov A.P. (1986) 80 priča i novela. Prev. Milosav Babović (et al.) / A.P. Čehov. Beograd: „Vuk Karadžić”. Moscow: Raduga. 734 p.

References

Alimov V.V. (2005) Interferencija v perevode (na materiale prof. orientir. mezhkul'tur. komunikacii i per. v sfere prof. komunikacii) = Interference in Translation (on the Material of Professionally Oriented Intercultural Communication and Translation in Professional Communication): author's abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philology 10.02.19. Voenn. un-t. Moscow: RGB (In Russian).

Alimov V.V. (2015) Teorija perevoda: Posobie dlja lingvistov-perevodchikov = Handbook for Linguists Translators. 2-nd ed., Moscow: Lenand — URSS. 240 p. (In Russian).

Čehov A.P. (1986) 80 priča i novela = 80 stories and novels. Transl. Milosav Babović (et al.). Belgrade: „Vuk Karadžić”. Moscow: Raduga, 734 p. (In Serbian).

Čehov A.P. (2003) Humoreske i pripovetke = Humoresques and stories. Transl. M. Babović, V. Stevanović. Belgrade: Portal. 176 p. (In Serbian).

Čehov A.P. (2021) 7 priča = 7 stories. Transl. Vida Stevanović, Jovan Janičijević. 2nd ed. Belgrade: LOM, 146 p. (In Serbian).

Čehov Anton. (2008) To je bila ona (kratke priče) = It was her (short stories). Ed. Vladimir Medenica. Transl. Mirko Bižić, Belgrade: Logos, 2008. 159 p. (In Serbian).

Čehov A.P. (1974–1982) Polnoe sobranie sochinenij i pisem: 30 Vol. = The Complete Works and Letters in 30 Volumes. AN SSSR. Institut mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo, Moscow: Nauka Publ., <http://chehov-lit.ru/chehov/text/rassказы.htm>

Garbovskij N.K. (2007) *Teorija perevoda. Uchebnik = Translation theory. Handbook.* 2-nd ed. Moscow: MGU. 544 p. (In Russian).

Gerasimova N.I. (2007) *Mezhjazykovaja interferencija v perevode: didaktičeskij aspekt problemy = Interlanguage Interference in Translation: The Didactic Aspect of the Problem.* Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomičeskogo universiteta (RINH). No. 23, pp. 178–183 (In Russian).

Končarević K. (2004) *Savremena nastava ruskog jezika = Modern Russian language teaching.* Belgrade: Slavističko društvo Srbije. 440 p. (In Serbian).

Kuchurkina E.V. (2017) *Problema mezhjazykovogo javlenija “Lozhnye druž’ja perevodčikov” = The Problem of the Cross-Language Phenomenon “False Friends of Translators”.* Obrazovanie. Kar’era. Obshhestvo. No. 3 (54), pp. 53–55 (In Russian)

Min’jar-Beloruchev R.K. (1996) *Teorija i metody perevoda = Translation theory and methods.* Moscow: Moskovskij licej Publ. 208 p. (In Russian).

Mjakshin K.A. (2020) *Javlenie interferencii v perevode (na materiale anglijskogo jazyka) = The phenomenon of interference in translation (in English).* Nauka. Issledovanija. Praktika. Sbornik izbrannyh statej po materialam nauchnoj konferencii, pp. 75–78 (In Russian).

Pešić A. (2018) *Međujezička interferencija pri usvajanju gramatike ruskog jezika na primerima Gimnazije „Sveti Sava” i Trinaeste beogradske gimnazije = Interlanguage Interference in the Learning of Russian Grammar as Examples of Saint Sava School and The Trinaesta Belgrade School.* Živi jezici: časopis za strane jezike i književnosti No 38.1, pp. 169–191 (In Serbian).

Samohina I.A. (2018) *Jazykovaja interferencija: obzor issledovanij v lingvistike = Linguistic Interference: A Review of Research in Linguistics.* Vestnik TvGU. Ser. “Filologija”, No 4, pp. 90–96 (In Russian)

Serkova S.E. (2020) *Perevodčeskaja interferencija i rechevye oshibki v uchebnom sinhronnom perevode na rodnoj jazyk = Translation Interference and Speech Errors in Native-Language Simultaneous Interpretation.* Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 22. Teorija perevoda. No 4, pp. 55–62 (In Russian).

Shherba L.V. (1974) *K voprosu o dvujazyčhii = On bilingualism.* In: *Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel’nost’.* Leningrad: Nauka Publ, pp. 313–318 (In Russian).

Vajnrakh U. (1979) *Jazykovye kontakty = Language in Contacts. Findings and problema.* Kiev: Vishhaja shkola (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Шапич Юлия Леонидовна — преподаватель, Представительство Рос-сотрудничества в Сербии, Российский центр науки и культуры «Русский дом» в Белграде, ул. Королевы Натальи 33; julija.sapic@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4788-5497>, SPIN-код 1306-9371, Researcher ID CAF-0390-2022

ABOUT THE AUTHOR:

Yulia L. Sapich — Professor, Representative at the Office of Rossotrudnichestvo in Serbia, Russian Center of Science and Culture „Russian House” in Belgrade, 33 Kraljice Natalije St.; **julija.sapic@gmail.com**, <https://orcid.org/0000-0002-4788-5497>, SPIN-code 1306-9371, ResearcherID CAF-0390-2022

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и необязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of Interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-93-104

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЦЕННОСТИ СОГЛАСИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Седа Мусаевна Юсупова

Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова,
г. Грозный, Россия

Для контактов: seda_linguist@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается сопоставительный аспект семантики английских, немецких и русских идиом, репрезентирующих ценность согласия как основу успешного взаимодействия и коммуникации. Материалом исследования служат английские, немецкие и русские идиомы, выражающие согласие и их контексты употребления из Британского национального корпуса, Корпуса современного американского английского языка, Национального корпуса русского языка. Результаты исследования показывают, что в основе согласия в разных языках находится понимание, взаимопонимание, дружественные отношения, умение выстраивать коммуникацию, доверие, душевное состояние. В разных языках обнаруживается образное варьирование согласия в идиомах и различное использование их в качестве функциональных соответствий при переводе. Так, внутренняя форма близких по значению идиом накладывает ограничения на их употребление в контекстах и соответственно влияет на возможность использования как эквивалентов.

Ключевые слова: идиомы, ценность согласия, контексты, корпусный анализ

Для цитирования: Юсупова С.М. Сопоставительный аспект ценности согласия во фразеологии (на материале английского, немецкого и русского языков) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022. № 3. С. 93–104. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-93-104

Статья поступила в редакцию 16.02.2022;
одобрена после рецензирования 16.10.2022;
принята к публикации 11.11.2022.

THE COMPARATIVE ASPECT OF THE VALUE OF CONSENT IN PHRASEOLOGY (EVIDENCE FROM THE ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES)

Seda M. Yusupova

Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia
For contacts: seda_linguist@mail.ru

Abstract. The article deals with the comparative aspect of the semantics of English, German and Russian idioms, representing the value of consent as the basis for successful interaction and communication. The material of research is English, German and Russian idioms, expressing consent and their contexts of use from the British National Corpus, the Corpus of Contemporary American English, the National Corpus of the Russian Language. The results of research show that the basis for agreement in different languages is understanding, mutual understanding, friendly relations, the ability to build communication, trust, the state of mind. In different languages, a figurative variation of consent in idioms and their different use as functional correspondences in translation are found. So, the inner form of similar in meaning idioms imposes restrictions on their use in contexts and accordingly affects the possibility of using them as equivalents.

Keywords: idioms, value of consent, contexts, corpus analysis

For citation: Yusupova S.M. (2022) The comparative aspect of the value of consent in phraseology (evidence from the English, German and Russian Languages). Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda. — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 3. P. 93–104. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-93-104

The article was submitted on February 16.2022;
approved after reviewing on October 16.2022;
accepted for publication on November 11.2022.

Введение

Согласие представляет собой одну из значимых ценностей в обществе, в выстраивании отношений и коммуникации. Согласие — это многоаспектное понятие, может иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию, может выражаться в разных ситуациях, в отсутствии желания конфликтовать или оно может быть искренним/вынужденным. Согласию сопутствуют мир, преодоление непонимания, разногласий. В понятие согласия входят такие семантические компоненты, как разрешение, утвердительный ответ, единомыслие, общая точка зрения, сходство, дружественные отношения, гармония. Понятие «согласие» определяется как единомыслие, общее мнение, дружественные отношения, единомыслие, соразмерность, стройность, гармония, разрешение (Ожегов, Шведова).

Целью исследования является сопоставительное изучение семантики идиом, описывающих согласие в английском, немецком и русском языках, выявление особенностей их употребления в контекстах. Материалом исследования послужили английские, немецкие и русские идиомы, выражающие согласие и их контексты употребления из Британского национального корпуса, Корпуса современного американского английского языка и Национального корпуса русского языка.

В качестве методологической основы был использован корпусный подход, семантический анализ, сопоставление и классификация. Семантический анализ был нацелен на изучение внутренней формы и значения. Корпусный подход позволил выявить семантические свойства идиом в контекстах употребления. Сопоставительный анализ раскрыл способы концептуализации ценности согласия в идиомах и особенности их функционирования в разных языках. На первом этапе исследования методом сплошной выборки из словарей были отобраны идиомы, входящие в семантическое поле «согласие», составлена классификация идиом. На втором этапе был проведён анализ идиом, описывающих ситуацию «согласие» в контекстах употребления.

Семантическое поле представляет собой организацию слов по общему семантическому признаку в иерархической последовательности, выражаемому обобщённым значением (ЛЭС). Семантическое поле характеризуется наличием семантических отношений между лексическими единицами. В рамках одного поля слова вступают в парадигматические, синонимичные, антонимичные, ассоциативные отношения (Кобозева, 2009: 99).

Основными характеристиками поля выступают: 1) объединение однородных и разнородных элементов (частей речи), 2) наличие не менее двух микрополей в пределах поля, 3) наличие ядерных и периферийных компонентов, 4) наложение полей друг на друга (Стернин, 1985: 38). Систематизация лексики по общим семантическим признакам легла в основу многих концепций, в которых выделяются разные параметры объединения слов в тематические группы, семантические поля, ассоциативные группы и образы (Никитин, 2009). Ассоциативные отношения играют важную роль при распределении слов в семантические группы. Теория семантического поля выступает базисной основой идеографических словарей, построенных по принципу семантической близости слов, либо в соответствии с объективной действительностью (Roget's Thesaurus, 2000). В сопоставительных исследованиях идеографическое представление лексики важно, так как в каждом языке имеется своя специфика отражения смыслового континуума (Морковкин, 1970: 10). Во фразеологии построение идеографического словаря связано с распределением идиом по таксонам, группам идиом, объединённым на основании значения (Баранов, Добровольский, 2008: 402). Другая важная категория для сопоставительного исследования — это образная составляющая идиом. Образный компонент позволяет предугадать набор актуальных значений, семантические свойства идиом, выступая в качестве когнитивной схемы, которая отражает процесс взаимодействия человека с окружающим миром. Образ может приводить к полисемии, развитию новых и дополнительных значений у идиом (Баранов, Добровольский, 2009: 7–10). Специфика употребления сопоставляемых идиом с той или иной внутренней формой обнаруживается в контекстах употребления, посредством корпусного анализа, который позволяет также выявить границы понятия эквивалентности идиом. Эквивалентными считаются фразеологизмы, тождественные по значению, образной основе и максимально сходные по компонентному составу. На уровне определённого текста обнаруживаются эквивалентные по значению идиомы, а различия семантически сходных на уровне языка идиом могут быть вызваны сочетаемостными ограничениями, степенью употребительности идиомы, неполным совпадением семантики (Добровольский, 2020: 401–409).

Результаты исследования

Результаты исследования показывают, что согласие в разных языках опирается на такие человеческие качества, как способность понимания, взаимопонимание, доброе/дружественное отношение,

умение выстраивать коммуникацию, доверие, душевное состояние. В разных языках обнаруживается образное варьирование согласия в идиомах и различное использование их в качестве функциональных соответствий при переводе. Так, внутренняя форма близких по значению идиом может накладывать ограничения на их употребление в контекстах и соответственно влиять на возможность использования как эквивалентов. Была составлена идеографическая классификация идиом семантического поля «согласие», в которой были выделены следующие таксоны.

1. Согласие — общий язык, установление контакта.
2. Согласие — договор, сделка.
3. Согласие — сходство, единение.

Рассмотрим семантику идиом, входящих в данные таксоны и специфику их функционирования в контекстах.

Согласие — общий язык, установление контакта

Английский

Agree to differ — «(о двух и более людях) позволить друг другу иметь разные мнения о чем-л., особенно для того, чтобы избежать спора», «договориться, не спорить, остаться при своём». В корпусе было найдено 6 контекстов.

*Could we **agree to differ** on our belief systems and discuss something else today? And waste one of last chances to rescue your soul? I, too, tire of debates-arguments, yet care about you too much to abandon righteousness* (BNC, 2012). / Можем ли мы **смириться** с различиями в наших системах верований и обсудить что-то другое сегодня? И потерять один из последних шансов спасти свою душу? Я тоже устаю от дебатов-аргументов, но слишком забочусь о вас, чтобы отказаться от праведности. Согласие выступает как толерантность, терпимость к различиям между людьми (Перевод мой, последующие переводы мои. — С.М.).

Speak the same language — «делиться идеями, опытом, мнением для того, чтобы коммуникация и понимание были возможными», «говорить на одном языке», найдено 226 контекстов употребления идиомы.

- a. ... *even though we didn't **speak the same language**, we were able to connect through the chessboard* (BNC, 2017). / ... несмотря на то, что мы не **говорили на одном языке**, мы смогли найти точки соприкосновения через шахматную доску. Игра становится связующим звеном.

- b. *This may sound attractive because we both **speak the same language** and many of our customs and traditions have the same historical background. Moreover, to the military men, the British Isles are our advanced air base against Europe* (BNC, 2012). / Это может показаться привлекательным, потому что мы оба **говорим на одном языке**, и многие наши обычаи и традиции имеют одинаковую историческую подоплёку. Более того, для военных Британские острова — наша передовая авиабаза против Европы. Язык, обычаи, традиции — основа достижения единства, понимания и общности.

Build bridges (between A and B) — «попытка найти пути улучшения отношений между людьми, которые не согласны в чем-то или не нравятся друг другу», «наводить мосты». Идиома встретилась в 365 контекстах. Согласие, дружеские отношения, мир — строительство мостов соединение, связь, контакт.

- a. *His individual work and his joint research with Martin Shubik has helped **build bridges** between game theory, economics, political science, and practice* (BNC, 2012). / Его индивидуальная работа и совместные исследования с Мартином Шубиком помогли **навести мосты между** теорией игр, экономикой, политологией и практикой.
- b. *...because one of the things I want to do is be able **to build bridges** and help bring cultures and people together* (BNC, 2012). / ... потому что одна из вещей, которую я хочу сделать, это быть в состоянии **построить мосты** и помочь объединить культуры и людей. В данном контексте внутренняя форма в некоторой степени влияет на значение и подбор соответствия, «построить мосты в целях объединения», подчёркивается последовательность и этапы событий.
- c. *As our world widens, we hope to feature more international coverage with greater frequency. For now, as the barriers that all too often separate us give way to a more inclusive and accurate worldview, can we **build bridges** across all cultures?* (BNC, 2015). / По мере расширения нашего мира мы надеемся на более широкое международное освещение с большей периодичностью. Пока, поскольку барьеры, которые слишком часто разделяют нас, уступают место более всестороннему и точному мировоззрению, можем ли мы **навести мосты** между всеми культурами?

Образ моста как средство объединения, соединения, достижения консенсуса между людьми и культурами. Мост между культурами — залог понимания и согласия.

Немецкий

Dieselbe /die gleiche Sprache sprechen — «хорошо понимать друг друга за счёт общего уровня и установок». В текстах также *dieselbe Sprache reden, die gleiche Sprache haben, lernen*. Музыка, искусство — достижение согласия, понимания. С *dieselbe* (1.770 контекстов), с *die gleiche* (2.099).

- a. *Etwas Spezielles finde ich, dass die Musiker mit Leuten zusammenspielen, die nicht **die gleiche Sprache** sprechen oder die sie noch nie vorher getroffen haben. So entstehen neue Freundschaften und ein Netzwerk, das für die Zukunft hilfreich sein kann, das haben wir schon herausbekommen. Das Festival soll genau dafür dienen* (Die Südschweiz, 09.08.2014) (IDS). / Что-то особенное я нахожу в том, что музыканты играют с людьми, с которыми не **говорят на одном языке** или с которыми никогда раньше не встречались. Таким образом, возникают новые дружеские отношения и сеть, которая может быть полезна для будущего, мы уже выяснили. Фестиваль должен служить именно для этого.
- b. *Sie ist aus Norwegen, er aus Frankreich, und doch sprechen sie gewissermaßen **die gleiche Sprache**. Zumindest sind sich einig darüber, welche Fragen tatsächlich von Gewicht sind* (Die Presse, 28.03.2015) [IDS]. / Она из Норвегии, он из Франции, но они **говорят на одном языке**. По крайней мере, согласны в существенных вопросах.

В контекстах высвечивается важность знания языка и культуры, а также общность взглядов в достижении согласия. Искусство также выступает звеном в процессе понимания и общения.

Eine Brücke schlagen — «устанавливать связь». В контекстах наблюдается использование разных вариантов глагола — *schaffen, bauen*. 40.345 контекстов.

- a. *Zeichnen, schneiden, sich vermarkten* — *Modedesigner müssen **eine Brücke schlagen** zwischen Kunst und Kommerz. Dass sie ihr Handwerk gelernt haben, zeigen Schüler der Fahmoda-Modeschule morgen bei den „Fahmoda Fashion Finals 2010“ im Theater am Aegi* (Hannoversche Allgemeine, 12.02.2010) (IDS). / Рисование, резка, маркетинг-модельеры должны **навести мосты** между искусством и бизнесом. О том, что они освоили свое ремесло, учащиеся школы моды Фахмода завтра покажут на «Финальном показе моды Fahmoda 2010» в театре на Эги.
- b. *Eine Brücke wollte er bauen, von Stuttgart nach New York. Diesen Kindertraum hat Eric Carle wahr gemacht: Mit weltweit 88*

*Millionen verkauften Kinderbüchern hat der Deutschamerikaner eine Brücke aus Farben und Papier zwischen den Kontinenten geschlagen. Morgen wird der Kinderbuchstar 80 (Hamburger Morgenpost, 24.06.2009) (IDS). / Он собирался **построить мост** из Штутгарта в Нью-Йорк. Эту детскую мечту Эрик Карл осуществил: с 88 миллионами проданных книг по всему миру, немецкий американец **построил мост** из цветов и бумаги между континентами. Завтра звезде детской книги исполняется 80. Мост и установление связи, единства через континенты, посредством книг.*

Русский

Находить/найти общий язык — «добиваться, достигать полного взаимопонимания», с глаголом *находить* — 61 контекст употребления, с глаголом *найти* — 166 контекстов.

a. *Представители отдельных этнокультурных традиций могут **находить общий язык** в процессе совместного общения, они могут дружить или даже любить друг друга, сотрудничать, успешно взаимодействовать по самым разным поводам (Д.Г. Подвойский. Национальный характер как фактор хозяйственной жизни // «Человек», 2004) (НКРЯ).*

b. *Наверное, это удел каждого думающего человека, который вдруг замечает, что ему становится всё труднее **находить общий язык** с современной молодёжью (Альберт Валентинов. Умирать будем молодыми // «Наука и религия», 2008) (НКРЯ).*

Наводит мосты — «находить общие точки соприкосновения, устанавливая связь». В некоторых контекстах обнаруживаются дополнительные значения, например, «поступать, устраиваться».

*Ох, как трудно **наводит мосты** человеческих отношений! (Елена Мартынова. Боснийский треугольник загадочнее Бермудского // «Общая газета», 1995.03.01) (НКРЯ).*

*Кстати, 25 рублей из этого гонорара — по тем временам большая сумма, особенно для меня, студентки — в прямом смысле этого слова улетели в водосточную трубу из моей ладони, когда я приехала в Москву **наводит мосты** в Ленинститут — и вылетели из неё над крышей (Берта Зиф. Провинция // «Уральская новь», 2003) (НКРЯ).*

В английском и немецком языках — идиомы *speak the same language, die gleiche Sprache sprechen* в контекстах имеют значение, приближенное к внутренней форме — «говорить на одном языке, знать язык». В русском языке идиома со схожей внутренней формой в контекстах имеет значение «иметь общие взгляды, мнение».

В английском и немецком языках идиомы *build bridges, eine Brücke schlagen* управляются предлогом «между», в русском языке идиома часто встречается и без предлогов.

Согласие — договор, сделка

Английский

A gentleman's agreement — «соглашение, контракт, основанные на доверии, без письменных заверений». Функциональным соответствием можно считать дословный перевод. В английской культуре образ джентльмена как показатель честности, достоинства, доверия.

No moral outrage, no far-flung debates about the obligations of writers — only a wry note in The New Yorker, followed by a gentleman's agreement (BNC, 2007). / Никакого морального возмущения, никаких дальних дебатов об обязательствах писателей — только жуткая заметка в газете, за которой следует **джентльменское соглашение**.

Русский

Приняли, во избежание недоразумений, **джентльменское соглашение** — о запрете на резкий тон или замечания друг к другу в первой половине дня (если того не требуют соображения безопасности) (Ю.В. Усачев. Дневник космонавта (1994)) [НКРЯ]. В русском национальном корпусе также найден всего один контекст с данным выражением.

Согласие — сходство, единение

Английский

With one voice — «(о группе людей) в полном согласии», «в один голос, единогласно». Идиома встретила в 307 контекстах. В большинстве контекстов употребляется с глаголом *speak*.

a. *Europe would like to speak with one voice, not only within data protection but by approaching this issue of digital dividend, monopolies in a better way — not per sectors* (BNC, 2018). / Европа хотела бы быть **единогласной** не только в рамках защиты данных, но и подходя к этой проблеме цифровых дивидендов, монополий лучшим способом — не по секторам.

b. *The trees of the forest are singing and all of the mountains with one voice are joining the chorus of this world and I will not be silent I will not be quiet anymore* (BNC, 2012). / Деревья леса поют, и все горы **одним голосом** присоединяются к хору этого мира, и я не буду молчать, я не буду молчать больше.

Немецкий

Mit einer Stimme sprechen — «говорить единогласно, единодушно». В большинстве случаев встречается в политических контекстах в значении «иметь общее, единое мнение». Найден 12.251 контекст, в части из которых идиома употреблена в прямом значении.

Aber wir wollen ihm ja keine Steine in den Weg legen. Wir wollen nur mitarbeiten. Außerdem wolle er dafür sorgen, dass Vorstand und Fraktion künftig mit einer Stimme sprechen — «anders als im Bürgermeisterwahlkampf» (Mannheimer Morgen, 08.06.2013) (IDS). / Но мы не хотим ставить ему палки в колёса. Мы просто хотим работать. Кроме того, он хочет, чтобы правление и фракция в будущем **были единогласны** — «не так как на выборах мэра».

Русский

В один голос — «единогласно, единодушно».

Причём **в один голос** заявили, что это не отменяет предыдущих экономических соглашений между странами «четвёрки» и не является концом СНГ (Екатерина Григорьева, Елена Загородняя, Игорь Моисеев. Кремлёвская мечта. Четыре президента сочинили новый экономический союз // «Известия», 2003.02.24) (НКРЯ).

В контекстах подчёркивается ценность умения находить общее, объединяющее между людьми, культурами, в работе как важное качество в коммуникации и для обретения согласия.

Заключение

Таким образом, сопоставительное изучение ценности согласия во фразеологии показывает, что в основе ценности согласия лежит понимание, общий язык, ценности, культура, искусство, доверие. Внутренняя форма оказывает большое влияние на перевод и подбор функциональных соответствий в разных языках. При переводе часто происходит подбор соответствий, не совпадающий по образному основанию. Также корпусный анализ показывает, что в контекстах значение идиом может не совпадать со словарным толкованием, обнаруживаются модификация формы леммы и дополнительные значения.

Список литературы

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. № 6, 2009. С. 11–22.

Добровольский Д.О. Корпусный подход к исследованию фразеологии: новые результаты по данным параллельных корпусов // Вестник СПбГУ. Язык и литература, 2020. Т. 17. Вып. 3. С. 398–411.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 352 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева, М., 1990. С. 539.

Морковкин В.В. Идеографические словари. М.: Изд-во Московского университета, 1970. 69 с.

Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: Учебное пособие. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 168 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: ООО «А ТЕМП», 2007. 944 с.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. 160 с.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. и с посл. А.И. Молоткова. 7-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2006. 524 с.

Duden Redewendungen. (2008) Wörterbuch der deutschen Idiomatik 3, überarbeitete und aktualisierte Auflage. (Duden Band 11). Mannheim etc.: Dudenverlag.

Oxford idioms Dictionary for learners of English. (2006) Oxford University Press. 470 p.

Roget's Thesaurus of English words and phrases. (2000) Penguin Books.

Источники

BNC — <http://www.corpus.byu.edu/bnc/>

IDS — <http://www.ids-mannheim.de/kl/.../korpora/>

НКРЯ — <http://www.ruscorpora.ru/new/>

References

Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. (2008) Aspekty teorii frazeologii = Aspects of the theory of phraseology. Moscow: Znak. 656 p. (In Russian).

Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. (2009) Principi semanticheskogo opisaniya frazeologii = Principles of semantic description of phraseology. *Voprosi yazykoznaniya*. No. 6, pp. 11–22 (In Russian).

Duden Redewendungen (2008). Wörterbuch der deutschen Idiomatik 3, überarbeitete und aktualisierte Auflage. (Duden Band 11). Mannheim etc.: Dudenverlag. 960 p.

Dobrovol'skij D.O. (2020) Korpusniy podhod k issledovaniyu frazeologii: novye rezultati po dannim paralelnih korpusov = Corpus approach to the study of phraseology: new results on data from parallel enclosures. *Vestnik SPbGU. Yazik i literatura*. Vol. 17. Issue 3, pp. 398–411 (In Russian).

Kobozeva I.M. (2009) Lingvisticheskaya semantika = Linguistic semantics: Uchebnik, edit. 4. Moscow: Knizhniy dom "LIBROKOM". 352 p. (In Russian).

Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar' (1990) = Linguistic Encyclopedic Dictionary, gl. red. V.N. Yarzeva. Moscow. 539 p. (In Russian).

Morkovkin V.V. (1970) Ideograficheskie slovari = Ideographic dictionaries. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta. 69 p. (In Russian).

Nikitin M.V. (2009) *Osnovi lingvisticheskoy teorii znacheniya: Uchebnoe posobie = Basics of Linguistic Theory of Meaning: Tutorial.* Moscow: Knizhnyi dom "LIBROKOM". 168 p. (In Russian).

Oxford idioms Dictionary for learners of English (2006). Oxford University Press. 470 p.

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (2007) *Tolkoviy slovar' russkogo yazika: 80 000 slov i frazeologicheskikh virazheniy = Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions.* Rossiyskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazika im. V.V. Vinogradova. Moscow: OOO "A TEMP". 944 p. (In Russian).

Roget's Thesaurus of English words and phrases (2000). Penguin Books. 832p.

Sternin I.A. (1985) *Leksicheskoe znachenie slova v rechi = Lexical meaning of a word in speech.* Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1985. 160 p.

Frazeologicheskij slovar russkogo jazika (2006) = *Phraseological dictionary of the Russian language.* Pod red. i s posl. A.I. Molotkova. 7-e izd., ispr. Moscow: AST: Astrel. 524 p. (In Russian).

Sources

BNC — [http:// www.corpus.byu.edu/bnc/](http://www.corpus.byu.edu/bnc/)

IDS — <http://www.ids-mannheim.de/kl/.../korpora/>

НКРЯ — <http://www.ruscorpora.ru/new/>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Юсупова Седя Мусаевна — кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»; 364059, г. Грозный, ул. Жигулевская 11-60, Российская Федерация; seda_linguist@mail.ru, ORCID: 0000-002-4924-1476

ABOUT THE AUTHOR:

Seda M. Yusupova — Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages, Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia; Zhigulevskaya Street 11-60, Grozny 364059, Russia; seda_linguist@mail.ru, ORCID: 0000-002-4924-1476

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и необязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of Interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.35

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-105-118

ИНТЕРКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНОМ РЕГИОНЕ И ЕЁ ОСНОВНЫЕ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Оксана Геннадьевна Цыганская¹, Инна Игоревна Лизенко¹,
Олеся Сергеевна Макарова^{2*}

¹ Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

² Ставропольский государственный педагогический институт,
г. Ставрополь, Россия

*Для контактов: o-ss@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению проблем интеркультурной коммуникации в Северо-Кавказском регионе. Актуальность исследования заключается в детальном диахронном анализе историко-культурных и этнолингвистических особенностей взаимодействия представителей российской культуры и культуры народов Кавказа. Целью исследования является диахронный анализ основных аспектов взаимодействия народов Северного Кавказа и Российской империи, начиная со второй половины XVIII века и заканчивая проблемами современной интеркультурной коммуникации. Для разностороннего анализа в качестве опорного материала в работе используются труды отечественных историков, социологов и лингвистов, помимо диахронического подхода, применяются некоторые подходы зарубежных культурологов. Результаты исследования отражены в сравнении и сопоставлении историко-культурных и этнолингвистических особенностей культурного полиморфизма в северокавказском историко-культурном регионе осуществляется с помощью интеграционного подхода Т. Адорно. Для поддержания принципов историзма и объективизма используется исторический источник — «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» С.М. Броневского, современника описываемых событий. Броневский не только подго-

товил большую часть материала по русско-персидским, русско-турецким и русско-кавказским договорам к началу второго этапа Кавказской войны, но и оставил комментарии касаясь этнолингвистических особенностей содержания данных документов. Например, их несистематичность или некомпетентность российских переводчиков. Подкрепляют исторический опыт работы современных историков И.Ф. Бларамберга и Ю.Ю. Клычникова. На основе изученного материала по XVIII–XIX векам в отношении южного политического направления, приводится краткая характеристика современных этно- и социоллингвистических особенностей региона.

Ключевые слова: горская культура, интеркультурная коммуникация, этнолингвистические особенности, лингвоментальный комплекс, автохтонная культура, когнитивно-валерная система, ценностный аттрактор

Для цитирования: Цыганская О.Г., Лизенко И.И., Макарова О.С. Интеркультурная коммуникация в северокавказском историко-культурном регионе и её основные этнолингвистические особенности // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022. № 3. С. 105–118. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-105-118

Статья поступила в редакцию 28.02.2022;
одобрена после рецензирования 03.10.2022;
принята к публикации 11.11.2022.

INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE NORTH CAUCASUS HISTORICAL AND CULTURAL REGION AND ITS MAIN ETHNOLINGUISTIC FEATURES

Oksana G. Tsyganskaya¹, Inna I. Lizenko¹, Olesya S. Makarova^{2*}

¹ North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

² Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia

*For contacts: o-ss@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the problems of intercultural communication in the North Caucasian region. The relevance of the study lies in a detailed diachronic analysis of the historical, cultural and ethnolinguistic features of the interaction between representatives of Russian culture and the culture of the peoples of the Caucasus. The aim of the study is a diachronic analysis of the main aspects of interaction between the peoples of the North Caucasus and the Russian Empire, starting from the second half of the 18th century and ending with the problems of present-day intercultural communication. For a comprehensive analysis, the works of Russian historians, sociologists and lin-

guists are used as a reference material in the work, in addition to the diachronic approach, some approaches of foreign cultural scientists are used. The results of the study are reflected in the comparison of the historical, cultural and ethnolinguistic features of cultural polymorphism in the North Caucasian historical and cultural region, carried out using the integration approach of T. Adorno. To maintain the principles of historicism and objectivism, a historical source is used, viz. “The latest geographical and historical news about the Caucasus” by S.M. Bronevsky, contemporary with the events described. Bronevsky not only prepared most of the material on the Russian-Persian, Russian-Turkish and Russian-Caucasian treaties by the beginning of the second stage of the Caucasian War, but also left comments regarding the ethnolinguistic features of the content of these documents. For example, their inconsistency or the incompetence of Russian translators. The historical experience of modern historians I. F. Blaramberg and Yu.Yu. Klychnikov provides further underpinnings. On the basis of the studied material on the 18th and 19th centuries in relation to the southern political direction, a brief description of the modern ethnic and sociolinguistic features of the region is given.

Keywords: Caucasian culture, intercultural communication, ethnolinguistic features, linguo-mental complex, autochthonous culture, cognitive-value system, value attractor

For citation: *Tsyganskaya O.S., Lizenko I.I., Makarova O.S. (2022) Intercultural communication in the North Caucasus historical and cultural region and its main ethnolinguistic features. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 3. P. 105–118. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-105-118*

The article was submitted on February 28.2022;
approved after reviewing on October 03.2022;
accepted for publication on November 11.2022.

Введение

Актуальность темы заключается в необходимости более детального изучения этнолингвистической стороны интеркультурной коммуникации в Северо-Кавказском регионе в его историческом развитии и современности.

Переводческие аспекты и перспективы развития переводческой деятельности в вопросах интеркультурной коммуникации связаны с определением мировосприятия и миропонимания этнотипов, стереотипов мышления народов Северного Кавказа в их повседневности.

Практическая значимость исследования обусловлена фактором детального изучения специфики языков национальных групп Северного Кавказа как этнокультурных общностей, этнотипов российского общества в истории, а также влияния этнотипов на особенности языковых картин мира представляется важным с двух позиций: во-первых, с целью продолжения формирования институтов гражданской идентичности и патриотизма и, во-вторых, для восстановления сведений о исторических формах лингвокультуры в рамках диахронного анализа, что является важным, прежде всего, в региональном аспекте изучения языков народов Северного Кавказа.

Материалы и методы

Целью нашего исследования является краткое освещение истории интеркультурной коммуникации России и Северного Кавказа при раскрытии основных этнолингвистических особенностей представителей горской культуры.

В качестве опорного материала для диахронного рассмотрения нами интеркультурной коммуникации в Северо-Кавказском регионе, были использованы труды отечественных историков, социологов и лингвистов, а также зарубежных культурологов.

При изучении источниковой базы и формировании эмпирической части исследования мы использовали следующие методы: общенаучные — анализ и синтез данных, описательный метод, дедуктивный метод, индуктивный метод, сравнение, моделирование; частнонаучные — метод лингвистического наблюдения и описания, сравнительно-лингвистический метод, лексико-семантический метод, контекстный метод.

1. Литературный обзор

Изучением исторических особенностей формирования интеркультурной коммуникации в Северо-Кавказском регионе занимались такие учёные, как В.С. Белозеров, И.Ф. Бларамберг, С.М. Броневский, В.М. Кабузан, Ш.М. Казиев, Ю.Ю. Клычников. В качестве опорного исторического источника используется двухтомный труд историка-современника описываемых событий С.М. Броневского: «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе».

Изучением этнолингвистических особенностей формирования интеркультурной коммуникации в Северо-Кавказском регионе занимались Л.И. Баграгион-Мухранели, Н.Ф. Дубровин, Е.М. Колесникова, А.И. Темирболатова. Причём докторская диссертация Е.М. Колесниковой «Изучение Северного Кавказа в России во

второй половине XVIII — начале XX в.» представляет наибольшую научную значимость.

Для того, чтобы наиболее цельно и полно раскрыть специфику интеркультурной коммуникации российской культуры и культуры народов Кавказа в современном российском обществе, необходимо рассмотреть этнолингвистические аспекты с точки зрения диахронии, — с опорой на исторические и лингвистические особенности, повлиявшие на формирование многообразия культуры народов Кавказа.

2. Ключевые особенности этнотипов

Социокультурное и лингвоментальное развитие Северо-Кавказского региона до вступления во взаимоотношения с Российской империей обличалось замкнутостью, изоляционизмом. Традиционализм и ретритизм долгое время оставались теми пережитками дольменной культуры, которые определяли быт, повседневность труда, военное устройство многих общин и систему мена, торговли, сельского хозяйства и организации самоуправления отдельными поселениями (Гончаров, 2020: 329). В условиях культурной стагнации и невозможности секуляризации, инвариативность этнолингвистического развития казалась фактически невозможной, поэтому было необходимо не просто заимствование различных социокультурных элементов у представителей иных этносов, но и полная реконструкция общества на бытийно-религиозном уровне.

В подтверждение тому можно привести замечание современника описываемых событий С.М. Броневского, который зафиксировал, что характер внутреннего развития до 70% горских племён отличался устойчивой формой домашнего обучения и, в принципе, типичным обрядово-ритуальным укладом всех форм хозяйствования с преобладающей установкой племенных религиозных верований (Броневский. Часть I, 1823: 59–60). Это позволяет сделать вывод о том, что фундаментом социокультурной системы и в целом всех обществ и общностей северокавказского исторического региона был традиционализм с ярко выраженной корпоративной иерархией ценностей, подкреплённой эгалитарной системой прав и обязанностей большинства членов общества. В этом ключе не было дифференциации общества, лишь дифференциация общностей по этнолингвистическому признаку (Броневский. Часть I, 1823).

Фактически, специфику такой дифференциации определила топографическая расчлённость общинных поселений, которые отличались не только высокой степенью этнической разнородно-

сти, но и быстрыми темами формирования локальных общинных культур, отличавшихся своими языками, диалектами и говорами, настолько отличными, что в массовом сознании долгое время превалировала дихотомия «свой — чужой», свойственная для мифопоэтической картины мира (Там же: 34). Вместе с тем существовали значительные этнолингвистические различия и внутри общины: представитель каждого этноса стремился сохранить особенности говора своего поселения, семьи, перебираясь в другое поселения. Такие действия предпринимались с целью улучшения своего социального статуса, улучшения репутации среди воинского сословия, для «добычи трофеев» на поле боя. Этим объясняется также сложность интеркультурной коммуникации среди народов Северного Кавказа до вступления во взаимоотношения с Российской империей, главным образом, с казачеством (Бларамберг, 2019: 126).

Ни Восточный, ни Северный Кавказ вплоть до второй половины XVII века не вызывал значительного интереса даже у стран-соседей, желавших расширить зону экономического и политического влияния, но не закрепиться на данной территории. Многие империи также долгое время не были заинтересованы в обладании Кавказом (Броневский. Часть I, 1823: 148). Однако своеобразие политико-экономического и географического положения северокавказского исторического региона в последней четверти XVIII — начале XIX вв. определило интерес Российской империи с точки зрения разрешения «восточного вопроса» (Клычников, 2018). Противостояние Османской империи вынудило Россию форсировано осваивать кавказские земли, что часто приводило к столкновению горцев и казаков. С другой стороны, на первых этапах освоения Кавказа Великобритания и Франция вели не менее активную политику, отстаивая право на часть земли, ещё не занятой казаками. Фактически, целью Великобритании было создание новых колоний, а целью Франция — формирование протектората, позволившего бы иметь военные базы вблизи Российской империи и продвинуться вглубь Среднего и Ближнего Востока (Толстой, 2014: 598).

Екатерина II избрала военный путь решения проблемы по южному направлению, которая была обусловлена необходимостью противостоять Ирану и Османской империи. В 1770-е гг. территория от кубанской линии и Терека к югу активно осваивалась Кавказским казачьим войском (Багратион-Мухранели, 2014: 84). При этом многие народы Северного Кавказа враждебно воспринимали попытку России форсировать реки и горные хребты. Екатерина II пошла на сближение с горцами как ради возможности заключить долгосрочные мирные или оборонительные договоры против ту-

рок с главами крупных шамхальств, так и в рамках развития политики исключительной, доминирующей власти. Изучение этнолингвистических особенностей горцев было ограничено количеством профессиональных переводчиков. Многие историки-современники отмечали их некомпетентность и халатность при переводе официальной документации. В первую очередь, это проявлялось в неспособности обозначить коннотативно-денотативное соотношение между важнейшими культурными концептами на примере торговых, меновых, военно-оборонительных договоров (Гончаров, 2020: 329–330).

Разумеется, это приводило к нарушению логико-семантических связей в таких важнейших документах, как: Джульфинский договор (Клычников, 2012: 125), договор с шахом Тахмаспом (Там же: 138), акт Чеченского подданства (Там же: 160), акт подданства Кабарды (Колесникова, 2011: 193), Гюлистанский договор (Клычников, 2012: 247).

Азово-Моздокская линия, соединённая к 1815 году со множеством городов-крепостей и форпостов, создавала все условия для развития казачества в регионе и, в целом, для планомерной миграции русского населения, однако, в то же время, внушало опасение многим народам Кавказа (Колесникова, 2011: 74).

Но постепенно проведение культурной ассимиляции и стабилизация интеркультурной коммуникации в условиях восстановления страны после Отечественной войны 1812 года и кампаний 1813–1814 годов было практически невозможно и, более того, казалось крайне невыгодным в отношении южного политического направления. Поэтому, император Александр I избрал самый простой путь — военный (Казиев, 2017: 249–250).

3. Изменение этнотипов в период Кавказской войны

В начале Кавказской войны в 1817 г. Россия оказалась в невыгодном экономическом положении, связанном с последствиями противостояния французской армии. Действия по расширению зоны влияния на Кавказе во многом зависели от казачества, но, не получая значительной поддержки от правительства в этот период, многие казаки действовали хаотично, основывая станицы и создавая крепости на усмотрение атаманов, старейшин (Броневский. Часть II, 1823: 59). Вследствие этого участились локальные конфликты, а усиление отдельно взятых шамхальств привело к сплочению некоторых горских племён (Дубровин. Книга I, 2019: 148). На подсознательном уровне горцы воспринимали казачьи говоры как негативные аттракторы, что было характерно и для начала

XIX века, но гораздо в меньшей степени, о чем пишет С.М. Броневский в своих известиях о Северном Кавказе (Броневский. Часть I, 1823; Броневский. Часть II, 1823).

В четвёртый этап Кавказской войны (1828–1833 гг.) мюриды, последователи радикального течения суфизма, пересмотрели своё отношение ко вмешательству России в дела Кавказа, и потому перестали поддерживать имама (Белозеров, 2018). Это позволило Николаю I сменить политику на более мягкую. Начали создаваться военные училища, в которых дополнительно обучали некоторым горским языкам, на самом Кавказе строились города без крепостей, донскому казачеству и переселенцам с Хопра был отдан приказ «ни в чем не ущемлять интересы горцев» (Броневский. Часть I, 1823: 327).

Можно сказать, что русско-кавказские отношения, берущие начало ещё с X века, в Тмутараканском княжестве, начали активно развиваться только во второй половине XVIII, при Екатерине II, когда активно развивалось строительство крепостей, а казачество брало на себя роль культурного посредника (Кабузан, 2018: 14). В дальнейшем политика Павла I и Александра I по южному политическому направлению носила спорный характер, с одной стороны, императоры впервые начали учитывать этнолингвистические особенности народов, с которыми шло активное политико-экономическое, социальное взаимодействие, появились профессиональные переводчики, а такие литературные деятели, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.С. Грибоедов и Л.Н. Толстой помогали осуществлять интеркультурную коммуникацию по двум направлениям: казаки и поселяне проникались творчеством кавказских поэтов, Нартским эпосом, сказками и притчами, а горские народы учили Псалтырь, читали переведённые фрагменты из произведений русских писателей, реже — читали некоторые русские сказки (Багратион-Мухранели, 2014: 87).

Так, хотя интеркультурная коммуникация и не была постоянной, но носила долговременный характер. В связи с этим особую значимость в условиях российского общества приобретают исследования, направленные на выяснение эффективных способов интеркультурного взаимодействия в современном северокавказском регионе (Адорно, 2017: 412). Начиная с 2017 года, после проведения всероссийского семинара, посвящённого вопросам поиска инструментария взаимодействия российской и кавказской культур, определение этнолингвистических особенности становится решающим фактором в формировании новых, с методической и полиэтнической точки зрения, инструментариев.

Следует отметить, что этнолингвистические особенности в данном контексте приобретают большую ценность для установления связей с лингвистическими и этническими культурными традициями тех народов, которые достаточно долгий в культурологическом аспекте период пребывали в автохтонном состоянии (Baudouin de Courtenay, 2018; Есо, 2014). В данном случае национальное видение мира базируется, прежде всего, на лингвоменальном комплексе и когнитивно-валерной системе, а не только исходит из социокультурного положения (Kimball, 2016).

Сложность этнолингвистических особенностей, выражающих национальную идентичность и определяющих национальное самосознание на стыке двух неоднородных культурных пластов заключается в невозможности создать оптимальное коммуникативное пространство, которое бы удовлетворяло разнородные и разноразличные потребности обеих лингвокультур в би- и полилингвальном аспекте (особенно, если учитывать постоянно расширяющийся спектр лингвистических аттракторов в современном российском обществе).

Коммуникативная сторона интеркультурного взаимодействия между представителями двух и более этнических общностей всегда носит дуалистический характер: как правило, этнолингвистические особенности сближают лингвокультуры, тем не менее, языковые и этнические общности (особенно если их представители — языковые личности), входя в контакт с носителями иного языка, испытывают дискомфорт, связанный с некачественным восприятием языковой информации (Темирболатова, 2012: 266). Даже если «сбой» происходит на уровне лексикодов, а не дифференцированных семантических признаков — сем, то всё равно возникает семантический барьер, избежать которого тем сложнее, чем более развиты миграционные потоки, а также некоторые негативные интеграционные стороны инкультурализма (Fillmore, 2016).

В условиях реализации ряда социальных программ по поддержанию языкового и культурного разнообразия и нивелированию конфликтных ситуаций в Северо-Кавказском регионе, необходимо учитывать его поликультурную составляющую. Языковое разнообразие Северо-Кавказского региона обусловлено его историческим развитием, именно поэтому и следует уделить внимание не только поддержке самобытности культуры народов Кавказа, но и полномасштабно реализовать первичный комплекс необходимых мер по стабилизации интеркультурной коммуникации с учётом преобладающих этнолингвистических особенностей региона в целом.

Заключение

Таким образом, интеркультурная коммуникация в северокавказском историко-культурном регионе в разные хронологические периоды имела неоднородную структуру и постоянно меняющуюся динамику. С X по XVII века интеркультурная коммуникация между Россией и Северным Кавказом зависела от инициативы немногочисленного российского купечества и некоторых знатных шамхалов. Первая половина XVIII века характеризуется ростом интереса России к Кавказу. Вторая половина XVIII века, екатерининская эпоха, — период строительства городов-крепостей и активизации казачества. XIX век — расцвет русско-кавказских отношений, появление профессиональных переводчиков и взаимодействие российских писателей с представителями знати некоторых горских племён.

Перспектива развития данного исследования и его практическая реализация состоят в возможности применения полученных сведений в организации культурно-массовых мероприятий в рамках СКФО. Условно можно выделить четыре направления по стабилизации интеркультурной коммуникации в Северо-Кавказском регионе с учётом его этнолингвистических особенностей.

1. Следует провести комплекс исследований этнолингвистических особенностей наиболее популярных языков в Северо-Кавказском регионе, языков, с помощью которых можно планомерно осуществлять интеркультурную коммуникацию. Так, близкородственные языки можно использовать в качестве «проводников» в смежные лингвокультуры. Например, ингушский язык можно использовать для базисного изучения чеченского языка, а кумыкский язык можно применять при синхронном переводе с карачаевского языка.

2. Необходимо расширение просветительского инструментария. Со второй половины XVII века в Северо-Кавказском регионе русский язык выполнял образовательную функцию, то же касалось и Восточного Кавказа. Однако, в современных условиях роста экономико-политического взаимодействия, постоянной культурной и социальной дифференциации, необходимо ещё как минимум 2–3 близкородственных языков, на основе которых можно было бы составить терминологические словари, составить сборники притч и легенд, а затем и уделить внимание переводам трактатов по общественной и политической мысли, переводам литературы предромантического, романтического и реалистического направления (которые после учащения ссылок русских писателей на Кавказ с конца XVIII — начала XIX века были здесь наиболее популярны).

3. Нужно уделить внимание проблеме этнического самосознания, пересмотрев принцип интернационализма, выработавшийся в период Советского Союза, подобрав аналоги в контексте многонационального государства. Изучению традиций и культурных обычаев черкесов, вайнахов, осетин и абхазов следует отдать приоритет, поскольку именно эти этнические общности, согласно исследованиям Ю.Ю. Клычникова (12, 13), играют ключевую роль в формировании, расширении углублении интеркультурной коммуникации со стороны народов Северного Кавказа. Это обусловлено как спецификой влияния этнолингвистических особенностей данных общностей на языковую динамику близкородственных языковых групп, так и их местом в современно социолингвистической картине Северо-Кавказского региона.

4. Следует организовать повременные культурные и научные мероприятия по обмену культурным опытом, с целью поиска путей интеркультурного взаимодействия регионального уровня между представителями различных лингвокультур. Поскольку наличие результативных практик на уровне реальных социальных групп, при учёте их этнолингвистических особенностей, невозможно без индексирования, расширения коммуникативного пространства.

Исходя из этого, в спецификацию данных мероприятий должны входить общие и частные механизмы по стабилизации социального развития, что гарантированно упрочит социолингвистические и социокультурные связи на региональном уровне.

Список литературы

Адорно Т. Эстетическая теория. М.: Республика, 2017. 532 с.

Багратион-Мухранели Л.И. Кавказ как утопия русской классической литературы / Л.И. Багратион-Мухранели // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 9. С. 83–89.

Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М.: ОГИ, 2018. 318 с.

Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М.: Изд. Надыршин А.Г., 2019. 451 с.

Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: Часть I. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. 383 с.

Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: Часть II. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. 485 с.

Гончаров А.С., Ануфриенко И.А. Межкультурная коммуникация в северокавказском историческом регионе в первой половине XIX века // Молодой учёный. Международный научный журнал, № 27 (317), 2020. С. 328–330.

Дубровин Н.Ф. Кавказ и народы, его населяющие. Книга I. Кавказ. М.: Кучково поле, 2019. 659 с.

Дубровин Н.Ф. Кавказ и народы, его населяющие. Книга II. Законы и обычаи на Кавказе. М.: Кучково поле, 2019. 542 с.

Кабузан В.М. Население северного Кавказа в XIX-XX веках. М.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2018. 239 с.

Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М.: Кучково поле, 2017. 470 с.

Клычников Ю.Ю. История и культура народов Северного Кавказа. М.: Юрайт, 2018. 117 с.

Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Мозаика северокавказской жизни: события и процессы XIX начала XX веков. (Исторические очерки). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2012. 330 с.

Колесникова М.Е. Изучение Северного Кавказа в России во второй половине XVIII начале XX в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02, 07.00.09 / Колесникова Марина Евгеньевна; (Место защиты: Ставропол. гос. ун-т). Ставрополь, 2011. 921 с.

Темирболатова А.И. Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе. Ставрополь: СГУ, 2012. 314 с.

Толстой Л.Н. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука СПб, 2014. 640 с.

Baudouin de Courtenay I.A. (2018) A Pioneer of Structural linguistics. Victoria: University of Victoria. 311 p.

Eco U. (2014) La struttura assente. La ricerca semiotica e il metodo strutturale. Milano: Bompiani. 702 p.

Fillmore Ch. (2016) The Case for case. New York: Universals in linguistic theory. 128 p.

Kimball J.P. (2016) Syntax and semantics. Vol. 4. New York: Seminar press, pp. 13–28.

References

Adorno T. (2017) Esteticheskaya teoriya = Aesthetic theory. Moscow: Respublika. 532 p. (In Russian).

Bagratiya-Muhraneli L.I. (2014) Kavkaz kak utopiya russkoj klassicheskoj literatury = The Caucasus as a utopia of Russian classical literature). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 9, pp. 83–89 (In Russian).

Baudouin de Courtenay I.A. (2018) A Pioneer of Structural linguistics. Victoria: University of Victoria. 311 p.

BelozeroV B.C. (2018) Etnicheskaya karta Severnogo Kavkaza = Ethnic map of the North Caucasus). Moscow: OGI. 318 p. (In Russian).

Blaramburg I.F. (2019) Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza = Historical, topographical, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus). Moscow: Izd. Nadyrshin A.G. 451 p. (In Russian).

Bronevskij S.M. (1823) *Novejšie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze: Chast' I* = The latest geographical and historical news about the Caucasus: Part I. Moscow: Tip. S. Selivanovskogo. 383 p. (In Russian).

Bronevskij S.M. (1823) *Novejšie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze: Chast' II* = The latest geographical and historical news about the Caucasus: Part II. Moscow: Tip. S. Selivanovskogo. 485 p. (In Russian).

Dubrovin N.F. (2019) *Kavkaz i narody, ego naselyayushchie. Kniga I. Kavkaz = The Caucasus and the peoples inhabiting it. Book I. Caucasus.* Moscow: Kuchkovo pole. 659 p. (In Russian).

Dubrovin N.F. (2019) *Kavkaz i narody, ego naselyayushchie. Kniga II. Zakony i obychai na Kavkaze = The Caucasus and the peoples inhabiting it. Book II. Laws and customs in the Caucasus.* Moscow: Kuchkovo pole. 542 p. (In Russian).

Eco U. (2014) *La struttura assente. La ricerca semiotica e il metodo strutturale.* Milano: Bompiani. 702 p.

Fillmore Ch. (2016) *The Case for case.* New York: Universals in linguistic theory. 128 p.

Goncharov A.S., Anuprienko I.A. (2020) *Mezhkul'turnaya kommunikaciya v severokavkazskom istoricheskom regione v pervoj polovine XIX veka = Intercultural Communication in the North Caucasian Historical Region in the first half of the XIX century. Molodoj uchenyj. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal, № 27 (317).* 2020. P. 328–330 (In Russian).

Kabuzan V.M. (2018) *Naselenie severnogo Kavkaza v XIX–XX vekah = The population of the North Caucasus in the XIX–XX centuries.* Moscow: Russko-Baltijskij informacionnyj centr "BLIC". 239 p. (In Russian).

Kaziev Sh.M., Karpeev I.V. (2017) *Povsednevnyaya zhizn' gorcev Severnogo Kavkaza v XIX veke = Daily life of the highlanders of the North Caucasus in the XIX century.* Moscow: Kuchkovo pole. 470 p. (In Russian).

Kimball J.P. (2016) *Syntax and semantics. Vol. 4.* New York: Seminar press, pp. 1328.

Klychnikov Yu.Yu. (2018) *Istoriya i kul'tura narodov Severnogo Kavkaza = History and culture of the peoples of the North Caucasus.* Moscow: Yurajt. 117 p. (In Russian).

Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S. (2012) *Mozaika severokavkazskoj zhizni: sobytiya i processy XIX — nachala XX vekov (Istoricheskie ocherki) = Mosaic of North Caucasian life: events and processes of the XIX-early XX centuries. (Historical essays).* Pyatigorsk: Izd-vo PGLU. 330 p. (In Russian).

Kolesnikova M.E. (2011) *Izuchenie Severnogo Kavkaza v Rossii vo vtoroj polovine XVIII — nachale XX v. = The study of the North Caucasus in Russia in the second half of the XVIII-early XX centuries. Doctoral dissertation in History 07.00.02, 07.00.09. Kolesnikova Marina Evgen'evna; (Mesto zashchity: Stavropol. gos. un-t). Stavropol'. 921 p. (In Russian).*

Temirbolatova A.I. (2012) *Problemy yazykovej politiki i yazykovogo stroitel'stva na Severnom Kavkaze = Problems of language policy and language construction in the North Caucasus.* Stavropol': SGU. 314 p. (In Russian).

Tolstoj L.N. (2014) *Maloe sobranie sochinenij = Small collected works.* St. Petersburg: Azbuka SPb. 640 p. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Цыганская Оксана Геннадьевна — кандидат педагогических наук, доцент, преподаватель иностранного языка, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1; gypsyroks@yandex.ru

Лизенко Инна Игоревна — кандидат филологических наук, доцент, преподаватель иностранного языка, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1; fldept@inbox.ru

Макарова Олеся Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент, преподаватель иностранного языка, доцент, Ставропольский государственный педагогический институт, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417, o-ss@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-3914-9385

ABOUT THE AUTHORS:

Oksana G. Tsyganskaya — Cand. Sc. (Pedagogy), Foreign Language Teacher (English), Associate Professor at North-Caucasus federal university, Stavropol, Pushkin St. 1; gypsyroks@yandex.ru

Inna I. Lizenko — Cand. Sc. (Philology), Foreign Language Teacher (English), Associate Professor at North-Caucasus federal university, Stavropol, Pushkin St. 1; fldept@inbox.ru

Olesya S. Makarova — Cand. Sc. (Pedagogy), Foreign Language Teacher (English), Associate Professor at Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Lenin St. 417; o-ss@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-3914-9385

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interests.

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81' 25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-119-138

ВЛИЯНИЕ ТЕОРИИ СОВЕТСКО-РОССИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ В КИТАЕ

Цзюй Юньшэн

Хэйлунцзянский университет, г. Харбин, Китай

Для контактов: zhengzhengjuju@163.com

Аннотация. Российская терминология — одна из трёх основных терминологических школ в мире, которая на протяжении долгого времени уделяет много внимания исследованиями в области обработки профессиональной терминологии и стандартизации научно-технической терминологии. Начиная с 1990-х годов, Чжэн Шупу и другие китайские учёные начали внедрять российскую терминологическую теорию в Китае. В России существует основательная теория терминологии с многочисленными направлениями и большой практической ценностью, что очень полезно для терминологических исследований в Китае. Терминологические исследования существуют в Китае с древних времен, они затрагивали все области древней общественной жизни. Некоторые учёные называют их «номологией», подразумевая, что это были исследования названий предметов древности либо лексики классических памятников литературы. Китайская терминология имеет богатое научное и культурное содержание, и её исследования уходят корнями к идеям «Ста школ» периода Воюющих царств. Китайскому научному сообществу терминологов следует изучить, откуда термины произошли, как развивались, как формировалась и развивалась китайская терминология. Необходимо выяснить, как выглядела терминологическая система, какие особенности у неё были на каждом из этапов развития, какие методы подходят для исследования терминологии и что уже известно в этой отрасли. Кроме того, важно воссоздать историю эволюции терминологических исследований, уникальную современную культуру и систему терминологии в Китае, упорядочить важные результа-

ты семантических исследований терминологии, имеющих далеко идущее значение.

Ключевые слова: российская терминология, изучение терминов, стандартизация, система терминов

Финансирование статьи. Данная статья является промежуточным результатом исследовательского проекта гуманитарных наук провинции Хэйлуунцзян на тему «конструирование и популяризация русской психолингвистики в Китае» (21YҮС247).

Для цитирования: Цзюй Юньшэн. Влияние теории Советско-российской терминологии на исследование терминологии в Китае // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. №3, 2022. С. 119–138. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-119-138

Статья поступила в редакцию 28.02.2022;
одобрена после рецензирования 10.10. 2022;
принята к публикации 11.11.2022.

THE INFLUENCE OF SOVIET AND RUSSIAN TERMINOLOGY ON THE PRESENT-DAY CHINESE TERMINOLOGY RESEARCH

Ju Yunsheng

Heilongjiang University, Harbin, China
For contacts: zhengzhengju@163.com

Abstract. The Russian terminology school is one of the three major terminology schools in the world. It has always been focusing on the research of terminology and the standardization of scientific and technological terms. Since the 1990s, Chinese scholars Zheng Shupu and his students have begun to introduce Russian terminology theory to China. Russian terminology has profound theories, many schools, and strong practicability, which is of great benefit to terminology studies in China. Terminology research has a long history in ancient China and involved various fields of ancient social life. The terminology community should be committed to digging out the origins, the formation and the development of Chinese terminology, revealing its development phase and characteristics, researching methods and outstanding achievements, reproducing the evolution history of terminology research, reproducing China's unique state-of-the-art culture and terminology system, clarifying the important results of terminology research, etc.

Keywords: Russian terminology; terminology research; standardization; terminology system

Article funding. This article is an intermediate result of the research project of the humanities of Heilongjiang Province on the topic “Construction and popularization of Russian psycholinguistics in China” (21YYC247).

For citation: Ju Yunsheng. (2022) The influence of Soviet and Russian terminology on the present-day Chinese terminology research. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 3. P. 119–138. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-3-119-138

The article was submitted on February 28.2022;
approved after reviewing on October 10.2022;
accepted for publication on November 11.2022.

1. Введение

Терминология является новой отраслью науки, в которой главным образом изучаются термины различных дисциплин, их классификация, принципы номенклатуры терминов, эволюция и стандартизация терминов. *В целом* изучение принципов номенклатуры научных терминов и есть терминология (Цзюй Юньшэн, 2019). «В каждой научной дисциплине имеются свои термины, но лишь терминология осуществляет изучение их универсальных свойств и общих закономерностей» (Лю Цин и др., 2015: 11). С этой точки зрения терминология смогла стать методологической дисциплиной наравне с логикой, философией и математикой. Исследования российской терминологии начались довольно давно, по ним написано множество книг, и, хотя она не входит в число популярных и ведущих научных отраслей, её теоретическая и практическая ценность высока. Развитию российской терминологии присущи исключительные особенности, она входит в тройку ведущих научных школ в мире. «Уникальная российская терминология сложилась в результате многочисленных исследований советских и российских терминологов» (Ермакова, 2017: 218–219).

2. Значительные достижения советской и российской терминологии

Дух мастерства — это тщательная и кропотливая работа мастера над своими изделиями, это духовная идея стремления к совершенству. Российские терминологи, подобно мастерам, постоянно

совершенствуют терминологические исследования, улучшают свои исследовательские методы, повышая терминологические исследования до уровня научно-технического развития государства и стратегического планирования. В зависимости от объекта исследования и научного предназначения в российском терминологическом обществе появилось множество различных направлений. С точки зрения разделения труда современная терминология подразделяется на теоретическую и прикладную. Первая в основном изучает правила развития и применения специализированных терминов, занимаясь работой в области теоретического построения. Вторая же фокусируется на использовании терминов, а также на явлениях их неточного и ненормативного применения с целью содействовать работе по описанию, оценке, корректировке, организации, переводу терминов, а также их использованию.

По сфере применения выделяют общую терминологию и специальную. Общая терминология обращает внимание на такие явления, как общие свойства, цели и трансформацию терминов в профессиональных отраслях. Специальная терминология изучает правила использования профессиональной лексики, в ней существует шесть основных разделов, первый из которых — типологическая терминология, занимающаяся сравнением особенностей совокупностей терминов, определяет общие характеристики и различия между терминами и близка к сравнительной терминологии. Второй раздел — сравнительная терминология. Она проводит сравнение лексики из определённой области в разных языках, чтобы проверить сходства и различия лексики, используемой в разных языках либо в разных отраслях. Третий — семантическая терминология, углублённо изучающая проблемы семантики специальной лексики, включая такие явления, как семантическая трансформация терминов, синонимия, антонимия и многозначность. Четвёртый раздел — это номенклатура. Номенклатура изучает процесс наименования специальных терминов, возникновение концептов и способы выражения их наименований. Пятый — историческая терминология, в которой в основном рассматривается история терминологии, описываются интерпретация терминов различными научными школами, причины возникновения, развития и изменения терминов. Шестым разделом является функциональная терминология. В ней уделяется внимание функциям терминов, их применению в речи, изучаются особенности терминов в профессиональной коммуникации и их применение в информационных технологиях. Седьмой раздел — терминологическая лексикография, изучающая процесс составления словарей специальных терминов,

она является тем разделом терминологии, который занимается разработкой и составлением терминологических словарей.

Благодаря множеству внутренних направлений в российской терминологии сформировался широкий спектр школ, один за другим появились выдающиеся учёные. На территории России насчитывают пять основных школ: первая из них — горьковская школа. Сначала её возглавлял Б.Н. Головин, а затем Р.Ю. Кобрин. Начиная с 1970-х годов было опубликовано множество трудов в таких областях, как исследование структурных особенностей терминов и систем терминов, функций терминов в научном языке, межъязыковые сравнительные исследования терминов. Второй является воронежская школа, руководящая роль в которой принадлежала С.З. Иванову и Е.А. Анюшкину, а основным центром являлся Воронежский университет. В 1980-х годах этой школой было издано множество трудов на такие темы, как специализированные термины, составление терминологических словарей и описание типов структуры специальных терминов. В рамках воронежской школы главным образом излагались вопросы терминологии, связанные с формированием, использованием и процессом развития специализированных терминов. Третьей является омская школа во главе с Л.Б. Ткачевой, в её основу легли исследования научных терминов, проводимые Омским техническим университетом. Омская школа изучает вопросы социолингвистических особенностей терминов и когнитивной обработки научно-технических терминов. Четвёртое направление — челябинская школа, её лидером является Е.И. Голованова. В рамках челябинской школы изучают названия терминов русского языка, классификацию терминов, их восприятие, стандартизацию, характер профессиональной речи и язык профессионального общения. Пятая школа — московская. Среди её представителей внимания заслуживает такой важный учёный, как А.В. Суперанская, которая руководит исследованиями своих последователей в вопросах терминологической теории и взаимосвязи терминов с общеупотребимыми словами языковых стилей, по большей части с теоретической точки зрения. Достижения данной школы стали стимулом для начала нового периода в исследованиях российской терминологии, благодаря чему она вышла на новый теоретический уровень, был осуществлён стремительный скачок от количественных изменений к качественным. В.М. Лейчик, С.Д. Шелов, В.А. Татаринов и другие делали упор на истории развития терминов, истории включения терминов в словари и других проблемах, что ознаменовало собой достижение российской терминологии своего пика. На протяжении нескольких десятилетий такие

авторы, как О.С. Ахманова (1961, 1966), В.В. Виноградов (1961), Г.О. Винокур (1939), М.Н. Володина (1997, 2000), В.Г. Гак (1977)), А.С. Герд (1978; 1986), Б.Н. Головин (1987), С.В. Гринев-Гриневиц (1993), В.П. Даниленко (1971, 1977), Т.Р. Кияк (1987, 1988, 1989), Р.Ю. Кобрин (1977), В.М. Лейчик (1986, 1989, 1993), Д.С. Лотте (1961, 1995), Г.П. Немец (1999), А.А. Реформатский (1961), А.В. Суперанская (1989), В.А. Татаринев (1996) в своих трудах рассматривали строение и процесс формирования основных свойств терминов, терминологий и терминосистем. В.В. Виноградов (1961), М.Н. Володина (1996), С.В. Гринев-Гриневиц (1982, 1994, 2001), В.П. Даниленко (1977), В.М. Лейчик (2000, 2002), Л.А. Морозова (2004), С.Д. Шелов (1983, 1984, 2002) и другие исследовали эволюционные процессы терминов русского языка. Следует сказать, что советские и российские терминологи исследовали проблемы терминологии в различных аспектах. В.А. Татаринев (1996) рассматривал термин в разных аспектах: в синхронии и диахронии; Т.Л. Канделаки (1969, 1970, 1977), В.П. Даниленко (1977), Г.В. Хасаншина (2004) и другие ученые — в функционально-семантическом аспекте; А.С. Герд (1981, 1986), С.В. Гринев-Гриневиц (1982, 1990, 2005), В.Д. Табанакова (1999) и С.Д. Шелов (1998) изучали терминологию в лексикографическом аспекте; позднее Гринев-Гриневиц (1990) выступал за исследование терминологии в коммуникативно-когнитивном аспекте. Я.А. Климовицкий (1969) главным образом изучал методологический аспект терминологии; О.А. Зяблова выступала с новыми идеями в исследовании терминов, исходя из социолингвистического аспекта. Российские учёные создали обширную теоретическую основу для изучения особенностей структуры, закономерностей и тенденций развития систем терминов (Таранова, 2011: 143). Резюмируя, российские терминологи обеспечили мощную поддержку для создания стандартных систем терминов в различных областях знаний, составлении специализированных словарей, формировании сетевых информационных систем, терминологических баз данных, сетей терминов и терминологических баз данных для профессиональных знаний.

3. Уникальные методы исследования советской и российской терминологии

По своему научно-технологическому развитию Россия уже длительное время занимает лидирующее положение, что тесно связано с высокой точностью терминов и популяризацией образования. Терминологи решительно исследуют вопросы формирования, развития и использования терминов в различных дискурсах, систе-

материализуют термины в смежных областях и осуществляют анализ логических концептов, создав выверенные системы терминов. Они постоянно идут в ногу со временем, открывают передовые теории для руководства исследованиями терминов, и всесторонне занимаются такими вопросами, как структура и семантика терминов. Российские учёные упрочились в профессиональных сферах, они создают понятийные модели терминов в различных предметных областях, раскрывают методы когнитивных моделей языкового выражения и устанавливают правила исследования терминов в научном, образовательном и научно-популярном дискурсе, проводят терминологические исследования с точки зрения таких наук, как номенклатура, науковедение и когнитивная лингвистика. Учёные рассматривают терминологию как прикладную науку и считают, что в ней необходимо с различных точек зрения рассматривать символизм номинативных единиц, выявлять лингвистические особенности терминов, описывать семантику терминов, проводить их этимологический анализ, изучать особую структуру специализированных концептов, а также вырабатывать методы анализа терминов.

В настоящее время наиболее важной и актуальной проблемой развития терминологии является создание в ней понятийной системы. Объяснение дискурсивной системы научной дисциплины способно отобразить законы и тенденции её развития, способствовать совершенствованию теоретических исследований. Метод построения системы терминов в любой научной дисциплине — это сложный вопрос, требующий решения. Начиная с 1990-х годов терминологи изучают такие проблемы, как формирование, исторические этапы и профессиональное применение дискурсивной системы терминологии. Важным пунктом терминологических исследований является анализ формирования терминов в терминологии и процесса их стандартизации, а также создание системы ключевых научных терминов. Как отмечал Чжэн Шупу, ключевым условием, определяющим возможность устойчивого существования научной дисциплины, является наличие специального научного языка, который, популярно выражаясь, следует считать «аппаратным обеспечением». В то время как центральным «блоком» этого научного языка являются термины, выражающие фундаментальные понятия основных сфер в данной области знаний. (Чжэн Шупу, 2005: 195). Следует сказать, что изучение ключевых терминов — это уникальная особенность российской терминологии, объяснение и интерпретация таких ключевых терминов, как «термин», «номен», «профессионализм», «терминосистема», «прототермин», «термино-

ид», «предтермин», «терминологизация», «детерминологизация», «концептуализация» и «категоризация», имеют далеко идущее значение для развития терминологии. Такие ключевые термины демонстрируют нам историческую перспективу изучения данной научной дисциплины.

Научные термины — это понимание человеком процесса исторического развития, которое на конкретном историческом этапе обладает конкретными когнитивными и логическими особенностями. Развитие любой отрасли знаний обусловлено такими объективными и субъективными факторами, как эпоха или же учёные. Развитие терминов сопряжено с углублением и расширением предметного содержания отрасли знаний и должно осуществляться с учётом верного исторического позиционирования. Крайне важно уделять внимание эволюции терминов, а также их роли и функциям в системе знаний. Историческое развитие терминов — это процесс, при котором необходима интеграция двух противоположных начал: индивидуальности и всеобщности, объекта и категории, абстрактного и конкретного. Закономерности восприятия и особенности развития терминов реализуются в контексте непрерывного развития научного познания. Термины условны и являются результатом человеческих манипуляций. В ходе развития терминов неизбежно столкновение с проблемами многозначности и синонимичности. Трудной задачей, возникающей в процессе развития заимствованных терминов, является определение взаимоотношений между ними. Поэтому в российской терминологии особое значение придаётся системности, историчности, субъектности, согласованности и полноте терминов.

Для анализа научных концептов российским терминологическим сообществом был предложен сравнительно-исторический анализ. Человек обобщает используемые для конкретных объектов понятия и выделяет сходства на основе массы примеров, постепенно переходя от обобщения и упрощения понятий до более высокого уровня мышления. Концепты возникают из абстрагирования и обобщения опыта, а абстрагирование действительности — это трансформация собственных мыслей. Впоследствии этот метод постепенно эволюционировал в «логико-понятийный анализ», то есть в проведение логико-понятийного анализа терминов. Как полагает Л.В. Попова, логико-понятийный анализ обогащает словарные дефиниции, обеспечивает точность и полноту словарной статьи. При помощи данного метода можно представить семантическую систему термина в иерархической структуре, усилить обоснованность исследований терминов и способствовать исследованию

семантики терминов (Попова, 2012: 142–143). Этот метод объясняет системность терминов, структурирует словарную статью по форме и содержанию, обеспечивает семантическую наполненность термина, эффективно комбинирует исследование семантики термина с вопросом унификации, обеспечивает пояснительную силу мета-языка терминов в словаре.

Начиная с Д.С. Лотте, российская терминология фокусируется на практике возникновения и существования терминов, исследует и разрабатывает правила стандартизации, предлагает методы анализа терминов в различных областях знаний для модернизации компьютерных автоматических терминологических систем поиска, баз данных и баз знаний, а также для предоставления лингвистического обеспечения. Терминологические исследования предоставляют принципы отбора и обработки лексики для составления специализированных словарей, разрабатывают методы редактирования и проверки терминов. Они также уделяют внимание переводу терминов и последовательно внедряют передовых зарубежных терминологических теории, создают условия для инноваций в отечественной терминологии. Можно сказать, что российская терминология встала на путь «самобытного» научного развития, предоставив мощную терминологическую поддержку для научно-технического развития страны, и Китаю стоит последовать этому примеру.

4. Польза изучения советской и российской терминологии для развития терминологии в Китае

Общество и экономика Китая развиваются стремительными темпами, играя всё более важную роль на мировой арене, и построение дискурсивной системы с китайской спецификой, в том числе научной дискурсивной системы, не терпит отлагательств. В некотором смысле научная дискурсивная система — это целостная и авторитетная система ключевых научных терминов. Как подчёркивал в предисловии к английскому изданию «Капитала» Энгельс: «В науке каждая новая точка зрения влечёт за собой революцию в её технических терминах». В Китае внедрение терминологической теории и практики произошло очень давно, а о систематизированном внедрении следует говорить с момента «распространения западных знаний на Восток». Общество того времени нуждалось в заимствовании терминов из японского, английского и других языков, относящихся ко многим сферам, включая политику, экономику, культуру, демократию и коммерческую торговлю. Заимствованные термины сыграли большую роль в области научного

развития и социального прогресса. За два десятилетия XXI века такие китайские учёные, как Чжэн Шупу, У Ликунь, Мэн Линся, Линь Чуньцзэ, Сунь Хуань, Е Цисун, Чжан Цзиньчжун, У Чжэ и Чэнь Сюэ проделали большую работу в области терминологических исследований, внедряли результаты исследований российской терминологии, осуществляли систематический сопроводительный перевод и систематизацию исследований, излагали труды Лотте, Дерезина, Головина, Даниленко, Шелова, Гринева-Гриневича, Манерко, Головановой и других учёных, а также достигли значительных успехов в таких сферах, как дефиниция и полисемия терминов, обоснованность исследований, стандартизация терминов и профессиональный дискурс. Они опубликовали множество статей о текущем состоянии советских и российских терминологических исследований и их новейших результатах, перевели многие работы. Можно сказать, что фокус современных терминологических исследований сместился с изучения онтологических терминов в период вестернизации на изучение когнитивных и коммуникативных функций термина. Учёные осуществляют детальное и углублённое рассмотрение таких аспектов, как принципы номенклатуры, создание терминоведческой отрасли, исследования дефиниции терминов, специализированных терминов, интеграции терминов, изучение символичности терминов, подробный анализ ключевых терминов, исследование использования терминов, исследования в области когнитивной терминологии, когнитивные и эмпирические исследования терминов китайского языка.

Терминология является вектором для развития науки в стране и каналом передачи культурного наследия. Термины — это квинтэссенция языка. Они являются каркасом научной дисциплины и выполняют важную опорную функцию. Научные концепции — это и есть термины. Как отмечал Джон Стюарт Милль, концепции — это центральная часть наших теорий (Герц, 2014: 18–19). Они не только определяют, какой является та или иная дисциплина, но также служат важной основой для возникновения и развития этой дисциплины. «Цель всех научных усилий — сформировать совокупность знаний, то есть систему знаний. Материалом, из которого строится научная система, являются концепции» (Фелбер, 2011: 125). В некоторой степени мы действительно можем сказать: «Наука берет начало в концепциях (Ян Сяюю, 1990: 16). Поскольку термины являются центральной частью различных теорий, не только определяя контуры научной дисциплины, но также являясь теоретической основой для её возникновения и развития, а целью научных исследований является создание совокупности знаний, то

есть систему знаний, и термины являются структурным элементом научной системы, в некоторой степени наука происходит из терминов, то в терминологии, как в одной из научных отраслей, следует сформировать собственную систему терминов.

В российской терминологической теории термин — это единица знания, составленная на основе характеристик объекта, а система терминов — это их структурированная совокупность, основанная на взаимосвязях между терминами. Посредством научных исследований люди могут выявлять характеристики объектов, тем самым сублимируя эти характеристики и формируя соответствующие термины в процессе рационалистической абстрактизации. Затем эти термины связывают вместе, чтобы создать единую эмпирикологическую систему терминов, тем самым формируя научную теорию. Термин — это средство исследования, описания и обработки знаний в научной отрасли, отражающее человеческое понимание определённых объектов, это форма выражения объекта научным языком. Что касается любой отрасли науки, то выражение процесса формирования системы терминов на уровне символов есть процесс её создания и совершенствования. Научное знание — это использование людьми терминов для объяснения и описания явлений, в то же время оно является мерилем использования определённых инструментов для проверки соответствующих явлений. Научные термины отражают процесс достижения человеком универсального рационалистического познания за счёт создания теоретической абстракции на основе чувственного восприятия. Система терминов в науке в концентрированной форме отражает уровень осознания объекта исследования. Задачами науки являются объяснение людям свойств объектов, а также причин их развития и изменения. Последняя в определённом смысле даже более важна, поскольку это свидетельствует, что наука вышла за рамки обычного эмпирического опыта. Система терминов — это основная форма, в которой научное знание получает воплощение. Без терминов наука не способна в полной мере объяснить природу объектов и причины их развития.

Формирование системы терминов — это процесс диалектического объединения субъективного и объективного (следуя определениям системы терминов, данными Е Цисуном, У Ликунем и другими). Термины объединяют отношения и события человеческой деятельности во вселенную с различными взаимосвязями. Термины тесно связаны с жизнедеятельностью. Терминология — это междисциплинарная отрасль, принадлежащая к социально-гуманитарным и естественным наукам, она совершенствуется в результате челове-

ческой деятельности. Несмотря на то, что она ближе к социально-гуманитарным наукам, терминология не может быть полностью объективна и исключить субъективность человеческого познания. Основываясь на собственном опыте, человечество анализирует, описывает, обобщает и классифицирует социолингвистические явления, а также осуществляет их схематизацию, терминологизацию, систематизацию и категоризацию, затем формируя абстрактную систему терминов, относящихся к объектам и явлениям, что само по себе является процессом субъективного восприятия. Важным отправным пунктом в научном развитии терминологии является создание ключевых терминов в соответствии с временными взаимосвязями терминологии и онтологии, а также попытка построить систему терминов с точки зрения возникновения и развития терминов. Изучение системы терминов может интенсифицировать анализ и интерпретацию фактов, уже существующих в научной теории, способствовать появлению научных инноваций. Система терминов является основным звеном для появления новых терминов в научной теории. Система терминов может способствовать генерации новых знаний, это инструмент познания, который способен отобразить когнитивный образ человеческого общества, сформировать соответствующую «картину мира». Как полагает Суперанская, термины — это специализированная лексика профессиональной деятельности, элементы базовых концептов профессионального языка, обладающие множеством функций, включая когнитивную функцию, функцию систематизации, стереотипную функцию, кумулятивную функцию и функцию стандартизации одновременно, это эффективное средство научного познания мира и самих себя (Суперанская, 2012: 14–15).

Для развития терминологии в Китае необходимо интенсифицировать создание дискурсивной системы и динамику исследований, сформировать терминологическую школу с китайской спецификой и гомогенную терминологическую научную отрасль. Ключевую роль в формировании гомогенной терминологической отрасли и её научном развитии играет система терминов. Являясь процессами научной классификации, терминологизация и категоризация представляют собой эффективные пути формирования системы концептов терминологии. При построении системы терминов следует учитывать существенные признаки терминов. Как отмечал Фэн Чживэй, при наименовании термина необходимо руководствоваться такими принципиальными свойствами, как специализированность, условность, однозначность, научность, обоснованность,

простота, продуктивность, устойчивость, системность, точность и интернациональный характер (Фэн Чживэй, 2011: 32–41). Иногда в процессе построения терминологической системы невозможно соблюдать все принципы наименования термина, но к этому необходимо стремиться. Можно сказать, что система терминов — это каркас терминологической отрасли, который влияет на общий облик теории терминологии и реализацию её эффективности. Как только возникает термин, он тут же становится неотъемлемым инструментом наблюдения, описания и интерпретации. Создание системы терминов в той или иной научной отрасли — важная составляющая часть её развития. Это само по себе является неким научным исследованием, которое должно производиться в соответствии с определёнными научными принципами. Формирование такой системы тесно связано с научной классификацией. Наименование научного термина суть процесс категоризации.

Процесс создания и совершенствования системы терминов в терминологии — это процесс научной классификации объективной реальности. Терминологизация научного объекта является частью составления плана научного исследования, воплощающая центральные задачи данного исследования. Система терминов в терминологии определяет фокус исследований для непрерывного и последовательного развития этой научной дисциплины, утверждает её границы. Создание системы терминов — это основанный на опыте процесс перехода от чувственной абстрактизации к рациональной, он является отправной точкой для продвижения терминологии в научном направлении. Согласно теоретическим взглядам когнитивной лингвистики, важнейшей задачей при построении терминологической системы терминов является необходимость различать как их сходства, так и отличия. Ранее в терминологии чрезвычайно не хватало исследований системы терминов, и это также является ключевой задачей.

На этапе зарождения любой научной отрасли неизбежны упущения в наименованиях терминов, и только по мере расширения знаний в данной отрасли система терминов постепенно улучшается. После многих лет напряжённой работы в терминологии Китая сформировались 70 подкомитетов, было утверждено обнародование терминов в более чем 70 различных отраслях науки, включая такие сферы работы, как фундаментальные науки, инженерные и технические науки, сельскохозяйственные науки, медицина, социально-гуманитарные и междисциплинарные науки, была создана относительно целостная система научно-технических терминов. Это оказало поддерживающее и стимулирующее воздействие на

создание и развитие различных научных дисциплин, обмен и распространение научно-технических знаний внутри страны и за рубежом, научно-технический прогресс, а также на использование и популяризацию современных информационных технологий. Профессор Чжэн Шупу выступал против использования в Китае термина «китайская терминологическая школа». Учитывая, что терминологические исследования в Китае только начинаются, ещё слишком рано говорить о создании научной школы (Чжэн Шупу, 2008: 12). На сегодняшний день является своевременным предлагать создание китайской терминологической школы, это послужит толчком для работы в области стандартизации научно-технических терминов.

5. Внедрение и «локализация» терминологических исследований

Терминологические исследования в Китае имеет долгую историю и охватывают различные области древней общественной жизни. Некоторые учёные называют их «номологией», под чем подразумевается изучение названий предметов древности или слов, записанных в классических литературных памятниках. Произведения учёных доциньской эпохи содержат множество глубоких терминологических идей. Член АН СССР В.В. Виноградов говорил, что история терминов является записью законов развития знаний о природе и обществе (Гринев-Гриневиц, 2008: 6). Китайская терминология имеет богатое научное и культурное содержание, и её исследования уходят корнями в идеи произведений «ста школ» периода Чжаньго. Учёный Чжан Чуньцюань говорил: «Термины — это особые, прошедшие закалку слова, которые служат для выражения научного знания и научных концепций, именно термины отличают науку от элементарных знаний. Термины делятся по различному языковому контексту, стилям и жанрам речи, используются в словарях различных дисциплин и применяются в научных сообществах различных уровней и типов» (Чжан Чуньцюань, 2017: 2). Поэтому терминологическому научному сообществу следует направить усилия на выяснение этимологии и развития терминов, приведение в порядок системы формирования и развития китайской терминологии, раскрытие особенностей каждого из этапов её развития, методов исследования и выдающихся достижений, а также на воспроизведение истории прогресса в исследованиях наименований терминов и воссоздание уникального состояния культуры и системы терминов в Китае, прояснение важных результатов семантических исследований терминов.

Терминологическое мышление воплощено в идеях многих китайских мыслителей. Как написано в главе «Янхо» трактата «Лунь юй», «Учитель сказал: “Молодые люди, почему вы не изучаете “Ши цзин”? “Ши цзин” может вдохновить, расширить кругозор, сблизить с другими людьми, научить сдерживать своё недовольство. Из него узнаешь <...> названия животных, птиц, трав и деревьев”». И Сунь-цзы, и Гунсунь Лун-цзы уделяли внимание вопросам терминологии. Существует множество рассуждений о «названии», в той или иной степени относящихся к идеям «наивного материализма» древнего Китая. Также среди достижений китайской лексикографии есть множество исследований по вопросам наименования и классификации терминов. Масштабным словарём синонимических терминов в Китае является «Эръя» (尔雅), в котором 2074 словарные статьи делятся на 19 разделов: «Объяснение толкований» (Ши гу), «Объяснение речей» (Ши янь), «Объяснение поучений» (Ши сюнь), «Объяснение родства» (Ши цинь), «Объяснение жилища» (Ши гун), «Объяснение утвари» (Ши ци), «Объяснение музыки» (Ши юэ), «Объяснение неба» (Ши тянь), «Объяснение земли» (Ши ди), «Объяснение холмов» (Ши цю), «Объяснение гор» (Ши шань), «Объяснение вод» (Ши шуй), «Объяснение трав» (Ши цао), «Объяснение деревьев» (Ши му), «Объяснение насекомых, гадов» (Ши чун), «Объяснение рыб» (Ши юй), «Объяснение птиц» (Ши няо), «Объяснение зверей» (Ши шоу), «Объяснение домашних животных» (Ши чу). А в словаре “Шимин” (释名) представлены 1502 словарные статьи, разделённые на 27 категорий: «Объяснение неба» (Ши тянь), «Объяснение земли» (Ши ди), «Объяснение гор» (Ши шань), «Объяснение вод» (Ши шуй), «Объяснение холмов» (Ши цю), «Объяснение дорог» (Ши дао), «Объяснение областей и царств» (Ши чжоуго), «Объяснение тела человека» (Ши синти), «Объяснение поз» (Ши цзыжун), «Объяснение возраста» (Ши чжанью), «Объяснение родства» (Ши циньшу), «Объяснение речей» (Ши яньюй), «Объяснение еды и напитков» (Ши иньши), «Объяснение цвета и шёлка» (Ши цайбо), «Объяснение украшений» (Ши шоуши), «Объяснение одежды» (Ши ифу), «Объяснение жилища» (Ши гунши), «Объяснение кроватей и занавесок» (Ши чунанчжан), «Объяснение письмён» (Ши шуци), «Объяснение древней литературы» (Ши дяньи), «Объяснение орудий и инструментов» (Ши юнци), «Объяснение музыкальных инструментов» (Ши юэци), «Объяснение оружия» (Ши бин), «Объяснение повозок» (Ши чэ), «Объяснение судов» (Ши чуань), «Объяснение болезней» (Ши цзибин), «Объяснение траура и похорон» (Ши санчжи). В таких трудах, как «Бэньцао ганму» (本草纲目) и «Тяньгун кайу» (天工开物) пред-

ставлено множество способов наименования объектов, и все они связаны с терминологией. Научное сообщество Китая постоянно проводит практическую и научную классификацию терминов на языковом уровне. Научному сообществу терминологов следует уделять внимание сборникам терминов на основе смысловой классификации, толкованиям в энциклопедическом стиле и словарям общих терминов, классифицируемых по смыслу, исследовать историю и культуру древних китайских терминов.

Термины также являются важной составляющей лексической системы древнекитайского языка, это результат логической классификации объективной реальности предшествующими поколениями. Составление отдельных словарей на основе метода классификации терминов по тождеству, близости и взаимосвязи их значений послужило примером для составления справочной литературы последующими поколениями. После династии Тан появилось множество терминологических работ, таких как толковые словари и справочники, например «Тунъя» (通雅), «Тунсубянь» (通俗编), «Ивэнь лэйцзюй» (艺文类聚) и «Юаньцзянь лэйхань» (渊鉴类函), в равной степени имеющих репрезентативное значение. В Китае давно ведутся терминологические исследования, имеющие многовековую историю и сформировавшие собственную уникальную систему.

6. Проблема поиска — создание терминологической научной системы в Китае

Несомненно, приходится признать, что в настоящее время в терминологии Китая сравнительно много заимствованной литературы, а работ, которые анализируют местные терминологические факторы, относительно мало. На данном этапе терминологии недостаёт локализованных исследований и инноваций, она всё ещё находится на стадии сопроводительного перевода. Китайские учёные произвели общее изложение сути российских терминологических исследований, способствовал развитию терминологии в своей стране, но им не хватает осведомлённости для решения практических проблем в некоторых важных областях, сравнительно мало исследований проводится по вопросу локализации. В Китае всё ещё необходимо интенсифицировать внедрение зарубежных терминологических теорий для решения таких проблем, как стандартизация терминов, количественные и экспериментальные исследования, недостаёт систематических исследований древних терминологических словарей, таких как «Эрья» и «Шимин», а также современных специализированных словарей. Кроме того, в настоящее время недостаточно освещены такие важные вопро-

сы теории терминологии, как моделирование системы терминов, исследование связей между терминами и дискурсивный анализ терминов. Следует также отметить, что нужно направить большие усилия на решение проблемы несостоятельности исследовательских методов китайской терминологии. В текущих исследованиях сделан упор на концептуальном анализе, они редко затрагивают использование эмпирических методов и экспериментальных данных. Некоторые передовые исследования современной терминологии, такие как теория концептуальных метафор, теория ассоциативного эксперимента, теория синонимичного моделирования и другие теории когнитивной лингвистики, недостаточно связаны с терминами китайского языка. Необходимо как можно скорее осваивать и применять новые модели изучения, углублять передовые терминологические исследования. Структура современной терминологии несколько незрела, ещё отсутствует сообщество истинно сформированных научных исследований, наблюдается серьёзная нехватка междисциплинарных исследователей высокого уровня, обладающих научной грамотностью и хорошей терминологической подготовкой. По-прежнему существуют недостатки в таких областях, как организация терминологических дисциплин высшего образования и создание платформ для подготовки кадров и обменов.

Заключение

Изучая процесс развития советской и российской терминологии, Китаю следует перенять выдающиеся результаты исследований и ускорить развитие терминологии с китайской спецификой. Во-первых, необходимо сосредоточиться на укреплении слабых мест в таких аспектах, как парадигмы исследования, структура научных дисциплин и методология, необходимо всемерно исследовать лингвистические корпуса китайского языка, прикладывать усилия для популяризации подлинных достижений и ускорять темпы создания терминологической системы. Также следует улучшить распределение терминологических исследований по научным отраслям, сосредоточить силы на создании основы для междисциплинарных исследований и подготовки специалистов, интегрировать академические преимущества таких сфер, как философия, психология, лингвистика, неврология и искусственный интеллект, а также надлежащим образом интегрировать преподавание и изучение терминологии. Во-вторых, следует в полной мере использовать преимущества традиционной культуры Китая. Культурные различия Востока и Запада предоставляют различные точки зрения для изучения интерпретации терминов. Учёным нужно

в полной мере реализовать ресурсы словарей древнекитайского языка. При исследовании терминов необходимо преодолевать дисциплинарные барьеры, придерживаться междисциплинарного подхода. В-третьих, следует активно осуществлять академические обмены с российскими учёными-терминологами, исследования китайской терминологии должны быть полностью интегрированы в контекст международных академических обменов, следует принимать активное участие в научных дискуссиях, поощрять молодых терминологов в их смелых изысканиях, публиковать больше статей в международных периодических изданиях по терминологии, повышать академическую репутацию и авторитет в международном научном сообществе. В-четвёртых, необходимо формировать систему терминов в терминологии. Важная роль терминов в процессе развития любой из отраслей знаний неоспорима. Система терминов в терминологии, которая является одной из отраслей науки, не только отражает горизонт её научного мышления и степень вклада в развитие общества, но и, напротив, способствует развитию этой отрасли. Исследование и анализ системы терминов в терминологии — это важная фундаментальная деятельность, которая неотъемлема при перестраивании данной дисциплины на научный лад.

Список литературы

- Гринев-Гриневиц С.В.* Терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с.
- Ермакова А.В.* Природа термина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2018. № 2. С. 218–223.
- Попова Л.В.* Логико-понятийный анализ терминосистемы когнитивной лингвистики // Омский научный вестник, 2012. № 5. С. 142–143.
- Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология: Вопросы теории. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.
- Таранова Е.Н.* Проблематика современного теоритического терминоведения, достижения и недостатки терминологических исследований // Научные ведомости. Сер. Гуманитарные науки, 2011. № 24. С. 119–124.
- Лю Цин и др.* Чжунго шуюйсюэ гайлунь (Общий обзор терминологии в Китае). Пекин: Шанъу иньшугуань, 2015.
- Фэн Чживэй.* Сяньдай шуюйсюэ иньлунь (Введение в современную терминологию). Пекин: Шанъу иньшугуань, 2011.
- Цзюй Юньшэн.* «Шу» е чжуаньгун — Элосы жэньши шуюйсюэ (Специализированное изучение «техники» — российская когнитивная терминология) // Чжунго шэхуэй кэсюэбань. 02.04.2019.
- Чжан Чуньцюань.* Шуюй дэ жэньчжи яньцзю (Когнитивные исследования терминов). Ухань: Ухань дасюэ чубаньшэ, 2017.
- Чжэн Шуну.* Элосы шуюйсюэ гайлунь (Общий обзор российской терминологии). Пекин: Шанъу иньшугуань, 2005.

Чжэн Шуну. «Шуюй сюэпай» дэ тифа чжидэ шантао (Формулировка «терминологическая школа» требует обсуждения) // Чжунго кэцзи шуюй 2008. № 5. С. 10–12.

Ян Сяюнь. Кэсюэ шиюй гайнянь (Наука берет начало в концепциях) // Кэсюэ цзишу чжэсюэ яньцзю, 1990. № 4. С. 16–20.

Gary Goertz. (2014) Social Science Concepts: A User's Guide. Chongqing: Chongqing University Press.

Helmut Felber (2011) General Theory of Terminology and Knowledge Engineering. Beijing: The Commercial Press.

References

Ermakova A. V. (2018) Priroda termina = The Nature of the Term. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. No. 2, pp. 218–223 (In Russian).

Felber H. (2011) General Theory of Terminology and Knowledge Engineering. Beijing: The Commercial Press (In English).

Feng Zhiwei. (2011) Xiandai shuyuxue yinlun = Introduction to modern terminology. Beijing: Shangwu yinshuguan (In Chinese).

Goertz G. (2014) Social Science Concepts: A User's Guide. Chongqing: Chongqing University Press (In English).

Grinev-Grinevich S. V. (2008) Terminovedenie = Terminology. Moscow: Academiya, 304 p. (In Russian).

Ju Yunsheng. (2019) “Shu” ye zhuangong — Eluosi renshi shuyuxue = Specialized Study of “Technology” — Russian Cognitive Terminology. Zhongguo shehui kexueban (In Chinese).

Liu Qing. (2015) Zhongguo shuyuxue gailun = General Overview of Terminology in China. Beijing: Shangwu yinshuguan (In Chinese).

Popova L. V. (2012) (5) Logiko-ponyatijnyj analiz terminosistemy kognitivnoj lingvistiki = Logical-conceptual Analysis of the Terminological System of Cognitive Linguistics. Omskij nauchnyj vestnik, pp. 142–143 (In Russian).

Superanskaya A. V., Podol'skaya N. V., Vasil'eva N. V. (2012) Obschaya terminologiya: Voprosy teorii = General Terminology: Questions of Theory. Moscow: LIBROKOM (In Russian).

Taranova E. N. (2011) (24) Problematika sovremennogo teoriticheskogo terminovedeniya, dostizheniya i nedostatki terminologicheskikh issledovanij = Problems of Modern Theoretical Terminology, Achievements and Shortcomings of Terminological Research. Nauchnye Vedomosti. Ser. Gumanitarnye nauki, pp. 119–124 (In Russian).

Yang Xiaoyong. (1990) (4) Kexue shiyu gainian = Science Starts with Concepts. Kexue jishu zhaxue yanjiu, p. 16–20 (In Chinese).

Zhang Chunquan. (2017) Shuyu de renzhi yanjiu = Cognitive Term Research. Wuhan: Wuhan daxue chubanshe (In Chinese).

Zheng Shupu. (2005) Eluosi shuyuxue gailun = General Overview of Russian Terminology. Beijing: Shangwu yinshuguan (In Chinese).

Zheng Shupu. (2008) (5) «Shuyu xuepai» de tifa zhide shangtao = The Wording “School of Terminology” Requires Discussion. Zhongguo keji shuyu, pp. 10–12 (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Цзюй Юньшэн — доцент центра русского языка, литературы и культуры, доктор филологических наук. Хэйлунцзянский университет, 150082, улица Сюефу, дом 74, г. Харбин, Китайская Народная Республика; zhengzhengjuju@163.com

ABOUT THE AUTHOR:

Ju Yunsheng — Dr. Sc. (Philology), Associate Professor at the Russian Language, Literature and Culture Research Center, Heilongjiang University, 150082, 74 Xuefu Street, Harbin, People's Republic of China; zhengzhengjuju@163.com

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole.

